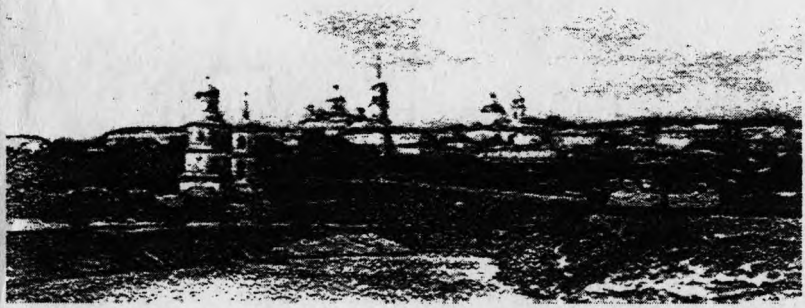
С.Д.Морозов

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ В 1897-1917 гг.: ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ



Пенза 2001

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пензенская государственная
архитектурно-строительная академия

С.Д.Морозов

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ В 1897-1917 гг.: ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Пенза 2001

УДК 947.083(470.3):314(035.3)
ББК 63.3(2)52+60.7
М80

HB3608
.2
.V65 M676
2001

Ответственный редактор: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН В.Б.Жиромская

Рецензенты: [illegible] исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН Н.А.Араловец;
доктор исторических наук, профессор Самарского государственного педагогического университета С.Г.Басин

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом Пензенской государственной архитектурно-строительной академии

Морозов С.Д.

М80 Центральная Россия в 1897-1917 гг.: Проблемы демографического развития. – Пенза: ПГАСА, 2001. – 227 с.
ISBN 5-9282-0039-0

В монографии впервые комплексно исследуется социально-демографическое развитие населения Центральной России в 1897-1917 гг. В ней рассматривается численность населения, демографические процессы, распределение населения по отраслям экономики и занятиям, национально-этническая и конфессиональная структуры, грамотность населения.

Для научных работников, преподавателей, студентов и всех интересующихся историй России.

ISBN 5-9282-0039-0

© Пензенская государственная архитектурно-строительная академия, 2001
© С.Д.Морозов, 2001
© С.Г.Нестерова, оформление, обложка, 2001

ATA 2002 8a
item 31334210

Введение

В настоящее время, когда в обществе происходят сложные процессы, повышается интерес к Отечественной истории, в том числе к проблемам исторической демографии и социального состава России и ее отдельных регионов, к демографическим процессам, численности, составу и потерям населения, важно изучить корни и взаимосвязь этих процессов, выявить общее и особенное в их развитии. Проблемы населения в связи с этим выдвигаются на первый план.

В настоящей работе рассматриваются некоторые вопросы историко-демографического и социально-экономического развития Центральной России в 1897-1917 гг., выясняются численность населения, изменения демографической ситуации, национально-этнического и социально-профессионального состава городского и сельского населения.

Хронологически исследование ограничено концом XIX в., когда была проведена Первая всеобщая перепись населения 1897 г., и 1917-м годом, до начала гражданской войны на Европейской территории России. Период насыщен с демографической и социальной точек зрения крупными событиями, последствия которых еще недостаточно изучены. Следует иметь в виду также, что в демографической и исторической литературе ведется дискуссия о том, начался ли в тот период демографический переход к современному типу воспроизводства населения.

Исследование проводилось по материалам 23 губерний Центральной России, которые входили в четыре района – Центрально-Промышленный, Центрально-Земледельческий, Северо-Западный (Озерный) и Поволжский. При выделении данного региона был

учтен комплекс главных критериев-факторов районирования: экономико-географические, культурные, национально-этнические связи и др.

Усилия отечественной историографии 20-х – середины 50-х годов были направлены главным образом на изучение революционной борьбы рабочих и крестьян. Исключение представляют лишь некоторые работы демографов и статистиков, изучавших преимущественно современные им проблемы и мало обращавшихся к недавнему прошлому. Специальные исследования, посвященные социально-экономической и демографической истории России на рубеже XIX-XX вв., стали появляться лишь со второй половины 50-х годов.[1]

Блок историко-демографических, национально-этнических вопросов, в также изменение численности различных социальных слоев и групп России на рубеже XIX-XX вв. рассматривается в работах Е.З.Волкова, А.Г.Рашина, И.Ю.Писарева, Б.Ц.Урланиса, В.К.Яцунского, Я.Е.Водарского, Р.И.Сифман, С.И.Брука, В.М.Кабузана, Т.М.Китаниной, Б.В.Тихонова, П.Г.Рындзюнского, Б.Н.Миронова и др.[2] Интересны монографические исследования Ю.А.Полякова и В.Б.Жиромской.[3] Они рассматривают развитие страны в 20-х гг., а также полезны своими подходами и экскурсом в начало XX века. Комплексному изучению проблем населения России посвящена новая коллективная монография, подготовленная учеными Института Российской истории РАН (ответственный редактор издания академик Ю.А.Поляков)[4]. Таким образом, в российской историографии сделано немало в области изучения социального расслоения городского и сельского населения, демографических и национально-этнических вопросов. В историографии преодолевались такие недостатки, как иллюстративный метод подачи материала, описательность. В целом, новейшая историография характеризуется интенсификацией исследований, углублением проблематики, расширением круга источников, совершенствованием методов их обработки. Однако до сих пор нет целостного, единого, обобщающего труда, освещающего комплексную проблему демографического развития, социальной структуры и охватывающего весь регион Центральной России.

Целью настоящей работы является исследование состояния и динамики населения Центральной России в указанный период, историко-демографического и национально-этнического, а также социально-профессионального развития данного региона. Основными задачами исследования являются: выяснение численности населения Центральной России в целом, её районов и губерний в отдельности, характеристика демографической ситуации, занятий населения, видов экономической деятельности и некоторых других факторов, влиявших на эволюцию демографической и социальной структуры.

При выборе методов статистического анализа автор опирался на опыт, накопленный исторической демографией. В работе использованы такие наглядные формы группировки статистических данных, как таблицы. При обработке источников применялись некоторые математико-статистические методы: определялся коэффициент роста (скорость), подсчитывались относительные показатели и средние арифметические, определялись показатели основных демографических параметров в промилле. Их использование позволило выявить основные закономерности и особенности демографического и социального состава изучаемого региона. Для дополнения и уточнения ряда положений использовался традиционный иллюстративный, описательный метод. Однако ведущим в выявлении общего и особенного в демографическом и социальном развитии крупнейшего региона Европейской России был принят сравнительно-исторический метод.

Переходя к обзору источников, следует указать, что основными в их составе явились статистические материалы, как опубликованные, так и отложившиеся в архивных хранениях. К ним относятся документы, связанные с разработкой программ специальных обследований или текущего учета, а также публикации сводных статистических сборников.

Определенный круг источников представлен материалами центральных и местных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного архива Республики Татарстан (ЦГА РТ), Государственного архива Самарской области (ГАСО), Государственного архива Пензенской области (ГАПО), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО).

В центральных архивах использованы материалы статистики, позволившие проследить изменения в административном устройстве

на местах, численность городского и сельского населения по губерниям, динамику заселения губернских центров, а также состав населения по занятиям.

Местные архивы содержат большой и ценный материал, позволяющий выявить уровень социальной дифференциации, определить численность и социально-профессиональный состав разных категорий работавших по найму.

Все статистические материалы можно разделить на официальные (государственные) и земские. Официальная (государственная) статистика – материалы Центрального статистического комитета (ЦСК) Министерства внутренних дел и ведомственной статистики – содержат демографическую статистику и ежегодные отчеты с мест о движении населения, естественном приросте, миграциях и пр.[5]

Ведомственную статистику можно также разделить на промышленную и аграрную. Сведения о городском и сельском населении существенно дополняют, например, фонды Министерства торговли и промышленности, Министерства земледелия, заводоуправлений и др.[6] О движении сельского населения приводятся материалы в следующих источниках: Земском отделе МВД, Земских управах центральных губерний.[7]

Использованные документы названных архивохранилищ отражают социально-экономическое развитие Центральной России, содержат данные о демографическом, социальном, национально-этническом, конфессиональном составе городского и сельского населения, а также грамотности.

Для более полного создания общей картины численности и состава населения автором изучен значительный массив опубликованных источников как общероссийского, так и регионального характера.

Полезным источником явились специальные издания, содержащие общие сведения по всей России, количественные данные о движении населения, о распределении населения по занятиям, некоторые данные по отдельным социальным слоям и группам, по промышленности и сельскому хозяйству. К этому комплексу относятся материалы переписи 1897 г., «Адресные», «Справочные книги» и «Календари», ежегодные статистические сборники ЦСК МВД, Министерства финансов и некоторые другие.

Будучи официальными изданиями, они довольно полно и всесторонне освещают социально-экономическое развитие России в конце XIX – начале XX вв. и дают дополнительную, а в некоторых случаях уникальную информацию по отдельным сюжетам и аспектам монографии.

Промышленная статистика общероссийского характера в работе представлена рядом статистических сборников с материалами промышленных переписей 1900, 1908 и 1910-1912 гг., полным обзором «Фабрично-заводской промышленности в период 1913-1918 гг.» и «Сводом отчетов фабричных инспекторов». В результате их изучения собран и обработан обширный материал, освещающий с достаточной достоверностью отраслевую структуру, процессы концентрации и основные группы рабочих.

Из общероссийских официальных материалов, содержащих сельскохозяйственную статистику по центральным губерниям, необходимо выделить следующие сборники: «Статистика землевладения 1905 г.», «Материалы по статистике движения землевладения в России", "Военно-конские переписи", "Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России" в двух томах, сборники материалов сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. и некоторые другие.

Помимо официальной сельскохозяйственной статистики, ценные сведения по теме можно найти в "Земских подворных переписях". Их опубликованные материалы содержат сведения, характеризующие изменения в социально-демографическом составе земельных собственников. Одним из достоинств этих материалов является сравнительно высокая степень их представительности и точности.

Региональные материалы по сельскому хозяйству представлены, прежде всего, статистическими сборниками губернских земств. Для изучения данной проблемы они необходимы в целях широкого и всестороннего показа изменения динамики и состава населения. Это "Сельскохозяйственные обзоры" центральных губерний, статистические сборники и ежегодники земств, специальные выпуски, оценочно-статистические исследования губернских статистических комитетов, содержащие подробные сведения сплошных и выборочных подворных переписей.

Они включают интересные материалы, характеризующие результаты столыпинской аграрной политики, освещают такие вопросы,

как общинное и личное крестьянское и дворянское землевладение, движение земельной собственности среди различных сословий. Здесь представлены группировки по землеобеспеченности дворянских, крестьянских, купеческих и мещанских хозяйств, что позволяет подвергнуть эти данные сравнительно-сопоставительному анализу. Особую ценность представляют материалы о миграциях в годы столыпинской аграрной реформы и Первой мировой войны.

Универсальный характер носят некоторые региональные издания. Большой материал содержат общие "Обзоры" губерний, а также представляющие определенный интерес губернские справочные издания, именовавшиеся в разные годы как "Адрес-календари", "Памятные" или "Справочные книжки". Но к их данным следует относиться сугубо критически, так как, являясь приложениями к ежегодным официальным "всеподданнейшим отчетам" губернаторов, некоторые показатели в них либо завышались, либо занижались в интересах губернской администрации. В региональной статистике сведения о фабрично-заводской промышленности и составе рабочих Центральной России представлены довольно скупо. Это относится к названным выше "Отчетам" губерний, а также к некоторым материалам земской статистики.

В целом источниковая база является достаточно обширный и представительной. Особенность источников в том, что в них главное место занимает статистика.

Глава первая.
НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1. Распределение населения по отраслям экономики и занятиям

С конца XIX в до 1914 г. городское население Центральной России увеличилось более чем вдвое. За эти годы, помимо количественного прироста городского населения, произошли существенные сдвиги в социально-профессиональном составе городского населения в результате дальнейшего развития России по пути предпринимательства и рыночных отношений.

После 1897 г. городских переписей было сравнительно немного (причем не все эти переписи были разработаны и опубликованы); сопоставимых переписей за рассматриваемые годы исключительно мало, и относились они преимущественно к крупным промышленным центрам (Петербург, Москва и др.).

Обратимся к более подробному рассмотрению основных показателей распределения самодеятельного населения Петербурга в 1910 г. по группам занятий и социальному положению. Укажем прежде всего на то, что самодеятельное промысловое население столицы (с пригородами) равнялось 665 тыс.чел. и составляло 56% всего самодеятельного населения. Число рабочих, занятых в обрабатывающей промышленности, торговле, транспорте и в трактирной деятельности, составляло 504 тыс.чел., или 42,5% общей численности самодеятельного населения. Если к общему числу рабочих прибавить служащих промысловых занятий, многочисленную группу прислуги, а также безработных, то все указанные

группы составят 2/3 общей численности самодеятельного населения Петербурга. Упомянем также, что число хозяев с наемными рабочими равнялось 3,7% и хозяев-одиночек – 6,5% самодеятельного населения.

Особого внимания заслуживают материалы, относящиеся к промысловому населению (промышленному и торговому). О распределении по социальным группам самодеятельного населения Петербурга в группах промысловых занятий в 1910 г. свидетельствуют следующие результаты подсчетов. Общая численность самодеятельного населения обоего пола составляла 665,0 тыс.чел., в том числе мужчин – 511,2 тыс., женщин – 153,8 тыс., или 100%. Сюда включены хозяева: обоего пола – 44,3 тыс. чел., мужчин – 31,8 тыс., женщин – 12,5 тыс., или удельный вес обоего пола – 7,2%, мужчин – 6,2%, женщин – 8,1%; администрация: соответственно – 40,6 тыс.чел., 32,5 тыс., 8,1 тыс., 5,9%, 6,4%, 5,3%; рабочие: соответственно – 504,0 тыс.чел., 401,8 тыс., 102,2 тыс., 72,5%, 78,6%, 66,5%; одиночки: соответственно – 76,1 тыс.чел., 45,1 тыс., 31,0 тыс., 14,4%, 8,8%, 20,1%.[1]

Следовательно, в составе занятых в промышленности и торговле в 1910 г. 665 тыс.чел. самодеятельного населения было рабочих – 72,5%, одиночек – 14,4%, администрации – 5,9% и хозяев – 7,2%.

Общая динамика числа рабочих в Петербурге по материалам двух переписей населения столицы в 1900-1910 гг. видна из приводимых данных. В 1900 г. общая численность рабочих, занятых во всех отраслях, равнялась 442,3 тыс.чел., к 1910 г. она поднялась до 504,0 тыс.чел., увеличившись на 13,9%. В этом числе рабочих в добывающей и обрабатывающей промышленности соответственно по годам было 325,1 тыс.чел. и 350,2 тыс.; прирост с 1900 по 1910 гг. составил 7,7%. В торговле и страховании соответственно – 54,6 тыс., 77,0 тыс., 41,0%; в извозном промысле – 43,8 тыс., 51,6 тыс., 17,8%; в трактирной торговле – 18,8 тыс., 25,2 тыс., 34,0%.[2]

Число рабочих в Петербурге возросло с 442,3 тыс.чел. в 1900 г. до 504,0 тыс. в 1910 г. В 1900-1910 гг. наблюдался рост числа рабочих в фабрично-заводской промышленности за счет мелкой промышленности. Аналогичные процессы происходили и в других отраслях.

Из общего прироста абсолютной численности рабочих Петербурга за 10 лет в 61,7 тыс.чел. на долю обрабатывающей и добывающей промышленности приходилось 25,1 тыс.чел. Удельный вес отдельных сводных групп рабочих в общей численности рабочего населения Петербурга в 1910 г. был следующим: добывающая и обрабатывающая промышленность – 69,4%, торговля и страхование – 15,4%, извозный промысел – 10,2%, трактирная торговля – 5,0%.[3]

Динамика числа рабочих Петербурга по полу и изменения удельного веса работниц в 1900-1910 гг. представлены следующими данными: в 1900 г. из 442,3 тыс.чел. мужчин было 368,6 тыс., женщин – 73,7 тыс., доля женщин среди рабочих 16,7%; в 1910 г. соотношения эти изменились так: 504,0 тыс., 401,8 тыс., 102,2 тыс., 20,3%.[4] Увеличение доли женщин в 1910 г. объясняется расширением номенклатуры промышленности и инфраструктуры, в которых участие женщин было довольно высоким.

О распределении в 1910 г. всей массы рабочих Петербурга по сводным группам занятий и полу можно судить по следующим данным. В добывающей и обрабатывающей промышленности из 350,2 тыс.чел. мужчин было занято 261,0 тыс., женщин – 89,2 тыс., или 25,5%, в торговле соответственно – 77,0 тыс., 70,8 тыс., 6,2 тыс., 8,0%; в трактирной торговле – 25,2 тыс., 20,1 тыс., 5,1 тыс., 20,2%; в транспорте – 51,6 тыс., 49,9 тыс., 1,7 тыс., 3,3%.[5]

В отдельных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности наблюдались резкие различия в занятости женщин. Более значительно женщины были представлены в текстильной промышленности (62,6%), содержании в чистоте тела и одежды (58,5%) и производстве одежды и обуви (47,8%). Средними были показатели занятости женщин в производстве бумаги (30,7%), в сельском хозяйстве, рыболовстве и охоте (28,7%) в пищевой промышленности,(28,6%), в обработке кожи (26,1%), в производстве жировых веществ (14,8%), в химическом производстве (14,1%), в полиграфическом производстве (13,9%). Весьма низким был удельный вес работниц в машиностроении (3,3%), в обработке дерева (2,1%), обработке металла (1,4%) и среди строительных рабочих (0,5%).

По материалам двух переписей Петербурга в 1900-1910 гг. выявился сравнительно невысокий удельный вес несамодеятельного населения Петербурга. Приводимые данные даются без пригородов. Из 1248,1 тыс.чел. населения столицы в 1900 г. самодеятельного

населения числилось 833,6 тыс., несамодеятельного – 414,5 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 49,7 несамодеятельных. В 1910 г. эти показатели равнялись соответственно 1637,0 тыс., 1045, 9 тыс., 591,1 тыс., 56,5 тыс.[6]

Следовательно, среди петербургского населения наблюдался некоторый рост числа несамодеятельных. В 1990 г. на 100 самодеятельных приходилось 49,7 несамодеятельных, а в 1910 г. – 56,5, увеличившись на 6,8 чел.

В 1900-х гг. происходил значительный рост численности фабрично-заводских рабочих в Москве. Так, их число увеличилось с 121,4 тыс.чел. в 1906 г до 159,3 тыс.чел. в 1913 г., или на 31,2%.[7] В результате чего удельный вес рабочих, занятых в фабрично-заводской промышленности, в общей численности занятых в московской промышленности значительно повысился.

О распределении всего самодеятельного населения Москвы (с пригородами) раздельно по полу, по группам занятий и социальному положению в 1912 г. можно судить по следующим данным. Рабочие и ученики, занятые в различных отраслях хозяйства, составили 42,3% всего самодеятельного населения. Если к этим группам рабочих присоединить еще служащих торгово-промышленных предприятий, прислугу и рабочих учреждений, домашнюю прислугу с 29,4 тыс. безработных, 12,4 тыс. лиц, занятых поденной работой, то указанные группы составят в общей сложности ок. 66% самодеятельного населения Москвы.

Для характеристики распределения всей многочисленной массы московских рабочих в 1912 г. по отраслям хозяйства показательны следующие данные. Из 444,9 тыс.чел. (100,0%) рабочие фабрик и заводов составляли 165,2 тыс., или 37,1%; рабочие прочих видов промышленности – 126,8 тыс., или 28,5%; рабочие транспорта, торговли и домовладений – 111,3 тыс. (25,0%); ученики ремесленные и промысловые – 41,6 тыс. (9,4%).[8]

Рабочих фабрик и заводов насчитывалось 165,2 тыс.чел., или 37,1% всей массы московских рабочих. Хозяев, имевших наемных рабочих, было 4,2%; лиц, живших доходом с земли и капитала, – 1,8% всего самодеятельного населения. Хозяев-одиночек вместе с помогающими им членами семьи было 7,1%. В трех группах рабочих мужчины составляли 46,5% и женщины 23,2%. В группе

служащих торгово-промышленных предприятий мужчин было 11,9% и женщин – 2,9%.

Общая динамика численности рабочих Москвы (с пригородами) в 1902-1912 гг. представлена следующими данными. В 1902 г. число рабочих составило 374,7 тыс., прирост числа рабочих в процентах к предшествующей дате (1882 г.) – 51,3%, число рабочих в процентах к числу рабочих 1882 г. – 151,3%; в 1912 г. соответствующие показатели составили 444,9 тыс., 18,7%, 179,6%.[9] Численность рабочих в Москве возросла за рассматриваемое десятилетие на 28,3%. Темп прироста рабочих в 1902-1912 гг. был достаточно высоким.

Увеличение численности женщин, занятых в промышленности, на транспорте, в торговле и домовладениях Москвы, в 1902-1912 гг. показывают следующие данные. В 1902 г. из 374,7 тыс.чел. мужчин было 302,6 тыс., женщин – 72,1 тыс., или 19,2%; в 1912 г. соответственно – 444,9 тыс., 349,4 тыс., 96,2 тыс., 21,6%.[10] Хотя за рассматриваемые годы число женщин среди рабочих увеличилось в 1,3 раза, однако их удельный вес в условиях общего высокого роста числа рабочих повысился сравнительно незначительно: с 19,2% до 21,6% общей численности рабочих Москвы.

Распределение рабочих Москвы по основным отраслям и по полу, а также удельный вес женщин среди рабочих в 1912 г. были следующие. Из 444,9 тыс.чел. мужчины составляли 349,4 тыс., женщины – 96,2 тыс., или 21,6%. В том числе рабочих фабрик и заводов насчитывалось 165,2 тыс.чел. обоего пола, включая 115,2 тыс. мужчин и 50,0 тыс. женщин, или 30,6%; рабочие прочих видов промышленности соответственно – 126,8 тыс., 97,3 тыс., 29,5 тыс., 23,4%; рабочие транспорта, домовладений и торговли – 111,3 тыс., 106,1 тыс., 5,2 тыс., 4,7%; ученики ремесленные и торговые – 41,6 тыс., 30,8 тыс., 10,8 тыс., 26,0%.[11]

Как показывают приведенные данные, определились большие различия в применении женского труда по отдельным отраслям хозяйства. Относительно высокий удельный вес женщин оказался на фабриках и заводах – 30,6% и незначительным в группе транспорта, домовладений и торговли – 4,7%.

За десятилетие (1902-1912 гг.) темп роста численности несамодеятельного населения Москвы был более значительным, нежели самодеятельного. В 1902 г. из 1174,7 тыс.чел. самодеятельного насе-

ления насчитывалось 812,4 тыс., несамодеятельного – 362,3 тыс., на 100 самодеятельных приходилось несамодеятельных 44,6 чел.; в 1912 г. соответственно – 1616,4 тыс., 1051,3 тыс., 565,1 тыс., 53,8 чел.[12] Удельный вес несамодеятельного населения в Москве, несмотря на его некоторый рост, продолжал оставаться сравнительно невысоким.

По материалам переписи Москвы 1912 г. были подсчитаны сплошные данные о распределении московского населения по социальному положению. Из всего населения в 1616,4 тыс.чел. самодеятельных было 1051,3 тыс., несамодеятельных – 565,1 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 53,8 несамодеятельных. В том числе хозяев с наемными рабочими насчитывалось 135,7 тыс., в том числе самодеятельных – 44,2 тыс., несамодеятельных – 91,5 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 207,0 несамодеятельных. Служащих торгово-промышленных предприятий было 159,9 тыс., из них самодеятельных – 67,5 тыс., несамодеятельных – 92,4 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 136,9 несамодеятельных. Хозяев-одиночек имелось 108,4 тыс., включая 49,3 тыс. самодеятельных и 59,1 тыс. несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 119,9 несамодеятельных. Среди прочих служащих непромысловых занятий и представителей либеральных профессий численностью в 99,1 тыс. самодеятельных насчитывалось 57,7 тыс., несамодеятельных – 42,4 тыс., на 100 самодеятельных приходилось 73,5 несамодеятельных. Рабочие транспорта, торговли и домовладений составляли 185,6 тыс., в том числе 111,3 тыс. самодеятельных, 74,3 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 66,8 несамодеятельных. Живших доходом с земли и капитала было 29,0 тыс., из них 19,2 тыс. – самодеятельных, 9,8 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 51,0 несамодеятельных. Численность рабочих фабрик и заводов составляла 242,8 тыс., включая 165,2 тыс. – самодеятельных и 77,6 тыс. – несамодеятельных, а на 100 самодеятельных приходилось 47,0 несамодеятельных. Жившие на пенсии и пособия составляли всего 59,1 тыс., в том числе 43,8 тыс. – самодеятельных и 15,3 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 34,9 несамодеятельных. Рабочих прочих видов промышленности насчитывалось 157,6 тыс., из них 126,8 тыс. – самодеятельных и 30,8 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 24,3 несамодеятельных. И, наконец, домашняя прислуга составляла 105,1 тыс., включая 99,1 тыс. – самодеятельных и 6,0 тыс. – несамодеятельных, на 100 самодеятельных приходилось 6,1 несамодеятельных.[13]

Таким образом, в Москве в 1912 г. на 100 самодеятельных приходилось 53,8 несамодеятельных жителей. Наиболее высоким этот показатель оказался среди группы хозяев, имевших наемных рабочих (на 100 самодеятельных приходилось 207 несамодеятельных). В самой многочисленной группе рабочих на 100 самодеятельных приходилось только 45,3 несамодеятельных. Итак, в группе хозяев, имевших наемных рабочих, приходилось несамодеятельных в 4,6 раза больше, чем в группе рабочих.

Следует отметить также, что материалы переписей о социально-профессиональном составе населения ряда городов показали быстрое развитие промышленности и торговли в этих городах и увеличение удельного веса рабочего населения. Материалы переписей позволили также определить численность не только рабочих фабрично-заводской промышленности, но и рабочих мелкой промышленности, торговли, транспорта и др. По данным за 1910-1912 гг., численность рабочих Петербурга и Москвы составила 42-43% всего самодеятельного населения этих городов. Гораздо более высоким был удельный вес рабочих среди самодеятельного торгово-промышленного населения. Так, по данным за 1910 г., он составил в Петербурге 76%.

Многочисленными были в этих городах также группы низших служащих торгово-промышленных предприятий, прислуги и лиц, занятых поденной работой.

Вследствие значительного удельного веса рабочего населения во всем населении крупных городов процент самодеятельных, хотя и несколько снизился в 1900-х гг., все же продолжал оставаться достаточно высоким.

Теперь более подробно рассмотрим занятия населения районов Центральной России в 1900-х гг. Сравним и сопоставим для этого районы и губернии региона, а также покажем факторы, влиявшие на распределение населения по занятиям.

Фабрики и заводы Северо-Западного района насчитывали более чем 105 тыс.чел. рабочих обоего пола и всех возрастов на самих предприятиях, кроме того, работа раздавалась на дом почти 2 тыс. чел. Из приведенных нами данных видно, что фабрично-заводской

промышленностью в большей степени было занято население Петербургской губернии, затем Новгородской и совсем незначительно – Псковской и Олонецкой губерний. Кроме того, следующие данные подтверждают тот факт, что женщины привлекались для работы на фабриках гораздо больше в местностях с наиболее развитой промышленностью. Так, в четырех губерниях района женщины-работницы составляли 29481 чел., в том числе в Петербургской губернии – 27602 чел., в Новгородской – 1614 чел., в Псковской – 149 чел., в Олонецкой – 116 чел. Удельный вес женщин, занятых в промышленном производстве района, составил 16,8%, в том числе в Петербургской – 29,4%, в Новгородской – 18,3%, в Псковской – 8,8%, в Олонецкой – 10,5%.

Распределение рабочих по отдельным группам производств, соотношение мужского и женского труда, а также труда взрослых, детей и подростков видно из следующих данных. Во-первых, наибольшее число рабочих было занято обработкой металлов и хлопчатобумажным производством – тем и другим более чем по 1/5 части всех рабочих – 20414 чел. и 20189 чел.; затем значительное количество рабочих состояли на фабриках и заводах, обрабатывавших питательные и минеральные вещества, а также на бумагоделательных фабриках и в полиграфических заведениях соответственно – 15413 чел., 11459 чел., 10546 чел., или 54,5%, 13,2%, 18,4%. Остальные же производства давали занятие менее чем 1/4 части рабочих.

Во-вторых, женский труд особенно часто применялся в производствах по обработке питательных веществ, в которых их участие было даже больше, чем мужчин – 8402 чел.; наибольший перевес в рабочем составе женщин над мужчинами наблюдался на табачных, а также шоколадных фабриках; так, на петербургских фабриках этих категорий работало более 7 тыс. женщин, тогда как мужчин-рабочих не насчитывалось даже 1 тыс.; затем большая доля женщин была представлена в производствах по обработке волокнистых веществ и немного меньше – в химическом производстве, соответственно – 48% и 43%; в значительно меньшей степени женский труд применялся в бумагоделательном производстве, еще меньше – в производствах по обработке животных продуктов, минеральных веществ, а также в керамическом и полиграфическом и, наконец,

наименьшее участие женщин встречалось в производствах, обрабатывавших дерево и металл.

В-третьих, подростки принимали участие чаще всего в производствах по обработке волокнистых веществ (менее в шерсте- и шелкоткацком), а также в бумагоделательном и полиграфическом – соответственно 4,6%, 3,1%, 9,4%. Детский труд находил себе наибольшее применение в стекольной промышленности, особенно на новгородских заводах, а затем в портняжном и шляпном производствах, а также в типографской работе, в выделке коробок и пр.; в наименьшей же степени дети привлекались к производствам по обработке металлов, питательных веществ, шерсти и совсем не участвовали в шелкоткацком деле – соответственно 6,4%, 4,0%, 2,7%, 2,3%; 0,6%, 0,5%, 0,3%, 0,0%.

Наконец, в-четвертых, рабочие "вне заведения" имелись в производствах не всех групп: их не было на фабриках, обрабатывавших хлопок, лен, шерсть и шелк. Наибольшие показатели составляли рабочие "вне заведений" в химическом производстве (почти исключительно в производстве спичек и более всего в Новгородской губернии, бумагоделательном (гильзовом), обработке смешанных волокнистых веществ (тюлевом и менее – портняжном и вязальном) и некоторых других – соответственно 745 чел., 368 чел., 347 чел.[14]

Общее количестве рабочих на фабриках и заводах Поволжья в 1897 г. составляло 52960 чел., распределяясь весьма неравномерно по группам производств. Участие в производстве женщин, детей и подростков также было неравномерным. Общая численность женщин во всех группах промышленности района составляла 5240 чел., или 10,0%; больше их было в промышленности, по обработке льна, пеньки – 25,6%, по обработке шерсти – 19,2%, по обработке животных продуктов – 16,8%; совсем незначительная доля женщин была в промышленности по обработке минеральных веществ, питательных продуктов, в хлопчатобумажном и деревообрабатывающем – соответственно 5,1%, 3,3%, 0,5%, 0,3%.

Занятость в промышленности района детей и подростков была также неравномерной. Из общей численности подростков в 2762 чел., в том числе мужского пола – 2021 чел., женского пола – 741 чел., более всего было занято в производстве шерсти, в обработке питательных веществ (почти все – мужского пола), в металлообработке (только – мужского пола); менее всего – в химической

промышленности, обработке животных продуктов, деревообработке (кроме женского пола). В хлопчатобумажной промышленности подростков не было. Численность детей составляла 861 чел., в том числе мужского пола – 616 чел., женского пола – 245 чел. Дети обоего пола, также как и подростки не были заняты в промышленности по обработке хлопка; кроме того, дети женского пола не работали в деревообрабатывающей, металлообрабатывающей промышленности, в обработке животных продуктов, питательных веществ. Почти одинаковое количество детей мужского и женского пола работали в производстве по обработке шерсти – соответственно 243 и 204 чел., а в химическом производстве (с наименьшей занятостью детей) девочки преобладали над мальчиками – 12 и 2 чел.[15]

В фабрично-заводской промышленности Центральной России была занята лишь меньшая часть населения региона; значительно большая ее часть работала в сельском хозяйстве и других сферах, связанных с землей.

Промысловое огородничество, вследствие близости столиц, как обширных рынков сбыта, удобства сообщения и сравнительной плотности населения, во всем рассматриваемом районе имело весьма большое развитие, сосредотачиваясь, впрочем, преимущественно в окрестностях городов, как главных потребителей овощей.

Наибольшего развития огородный промысел достигал в Ярославской губернии, которая считалась колыбелью русского огородничества. Особенно широкой известностью пользовались здесь огородники Ростовского уезда, расходившиеся по многим губерниям России и даже за ее пределы, к примеру, в Германию; этот промысел здесь совершенно вытеснил земледелие, так, что огородами была занята вся земля, кроме лугов и выгонов. Из 55 сел Ростовского уезда с сильно развитым огородничеством на первом месте стояли сс. Поречье и Угодичи. Огородное хозяйство в названном уезде велось почти исключительно женщинами.

В Петербурге насчитывалось 700-800 огородников-хозяев, арендовавших несколько тысяч десятин земли; особенно много огородов находилось по Нарвскому тракту Петергофского участка, а также на Выборгской стороне; о размерах этих огородов можно было судить по числу парниковых рам, которые у более крупных хозяев насчитывались тысячами. Владельцами огородов являлись почти исключительно ярославские крестьяне (из Ростовского уезда);

работницы на огородах, известные под названием "капорок", были крестьянками Олонецкой, Новгородской и других губерний, нанимавшимися на лето.

Рыбные промыслы по размерам своих оборотов и по охвату местного и пришлого населения имели громадное значение в хозяйстве рассматриваемого нами района; поэтому весьма уместно остановиться на них несколько подробнее. Всю Каспийско-Волжскую рыболовную область можно разделить на 3 района: район Верхней Волги, от о.Селигер до Казани или до впадения Камы в Волгу; средний район – от устья Камы до Камышина, и нижний район – от Камышина до впадения Волги в море,, то есть до северной части Каспийского моря. Рассмотрим два последних района.

От Казани до Самары и от Самары до Камышина рыболовство было еще сравнительно незначительным. Но более крупное промысловое значение волжское рыболовство приобретало в нижнем течении Волги. На плесе от г.Царицына до г.Черного Яра рыболовство являлось уже главным промыслом населения, а хлебопашество и скотоводство только подспорьем к нему; ниже Черного Яра, по мере приближения к г.Енотаевску, хлебопашество значительно уменьшалось, а близ Астрахани и ниже по взморью рыболовством занималось практически все взрослое население.

В административном отношении Каспийско-Волжское рыболовство было подчинено Астраханскому управлению рыбными и тюленьими промыслами во главе с Астраханским губернатором. Для удобства надзора все промысловое водное пространство (речное и морское) было разделено на участки с особыми надзирателями, смотрителями и целым штатом низших служащих, к обязанностям которых относилось наблюдение за правильностью производства промысла.

Одним из главных собственников нижневолжских рыболовных вод являлось государство (казна), воды которого, разделенные на 144 участка, сдавались в арендное пользование с торгов; остальные воды распределялись между различными собственниками, как отдельными лицами, так и различными учреждениями и обществами. Таковы были воды Астраханского казачьего войска, Главного управления Калмыцким народом, удельного ведомства (в Саратовской губернии), воды крестьянских и мещанских обществ,

городские, Приказа общественного призрения, монастырей и частных лиц.

Всего насчитывалось ок. 80 мелких и 5 крупных частновладельческих и общественных участков. Самыми обширными из частных владений были воды фирмы бр.Сапожниковых (16730 дес.) и воды Синеморского имения Ф.И.Базилевского (29064 дес.).

Каспийско-Волжские промыслы привлекали сотни тысяч рабочих, занятых здесь в течение года, или в определенные периоды лова, именовавшиеся "путинами". В весеннюю путину большинство рабочих нанималось с "распаления", то есть вскрытия реки. Наибольшее стечение рабочих было в период главного весеннего рыболовства, почти вдвое меньше их было в осеннюю путину и еще меньше во время "жаркого" и зимнего лова. По приблизительным подсчетам, весной было на всех промыслах до 100000-120000 чел. мужчин и женщин, как местных, так и пришлых рабочих, в том числе до 50000 кочевников (киргизов и калмыков), не считая находившихся при женщинах детей, которых насчитывалось до 10000 чел.[16]

Промысловая охота была развита, главным образом, в двух приморских уездах – Астраханском и Красноярском. Видное место занимала охота на водных птиц – уток, гусей, лебедей, цапель, морских фламинго, пеликанов, бакланов, чаек – для добычи шкурок, пуха и перьев; из полевой дичи здесь добывались в большом количестве серые куропатки, фазаны, дрофы, стрепеты и пр. Из зверей наибольшее значение имели лисицы, зайцы, сайгаки, несколько меньшее – кабаны, волки, хорьки, корсаки и суслики. Кроме того, практиковался массовый сбор яиц водных птиц, носивший тоже промысловый характер, и скупка шкурок, голов, хвостиков и крыльев не только водных, не и полевых птиц, отличавшихся красивым оперением. Перо шло на модные украшения и вывозилось в значительном количестве за границу. Промысловых охотников в Астраханской губернии насчитывалось до 1200 чел.[17]

Характерной особенностью Центральной России на рубеже XIX-XX вв. было наличие огромного числа ремесленников и кустарей в селах и городах, а также работников, занятых предпринимательством на дому.

Наиболее развитой отраслью мелкой промышленности по числу занятых лиц являлась текстильная. В ткацком и портняжном

производствах были заняты ок. 40% кустарей и ремесленников. Четвертая часть всех занятых в мелкой промышленности трудились в ремесленных и кустарных предприятиях по обработке дерева. Особенно широко в этой отрасли были представлены профессии экипажников, мебельщиков, ремесленников по изготовлению колес, бочек, плетению корзин и лаптей, изготовлению деревянной посуды и игрушек. Около 15% кустарей и ремесленников были заняты изготовлением овчин, шуб и других различных кожаных изделий в кожевенном и обувном производствах.

Особенно много мелких заведений было в пищевкусовой промышленности: обработкой продуктов питания было занято св. 10%, причем подавляющая их часть трудилась в мукомольном, крупяном и пекарном производствах. В металлической кустарной и ремесленной промышленности была занята десятая часть всех работников мелкой промышленности, особенно в заведениях слесарных, кузнечных и др. Мелкая промышленность играла ведущую роль в ряде производств региона: изготовлении обуви, одежды, предметов домашнего обихода, экипажей и различной металлической утвари (посуды, замков, ножей) и т.д.

К сожалению, статистика не дает точных и достаточно полных сведений по социальному слою кустарей и ремесленников. По сводным материалам земской статистики можно определить примерную численность этой категории населения Центральной России в конце XIX – начале XX вв. Эти данных получены на основании сводки материалов местных обследований, в разное время проведенных в 23 губерниях Центральной России, и касаются 50 кустарных производств, сведенных в 7 основных групп. Это наиболее подробные данные о мелкой промышленности региона.

Расположив изученные 23 губернии по промысловым районам и картографировав полученные данные, получаем примерные контуры «промысловой территории» Центральной России. На северо-западе она ограничена Петербурской, Новгородской, Псковской и Олонецкой губерниями; на юго-западе – Калужской, Орловской, Курской и Воронежской губерниями; на востоке – Костромской, Казанской, Самарской губерниями и на юго-востоке – Саратовской и Астраханской.

Наибольшая концентрация «промышленников» наблюдается в губерниях Центрально-Промышленного района – 547620 чел.;

к примыкающих к нему губерниях Центрально-Земледельческого района промысловая плотность в целом понижается до 340471 чел.; в губерниях Поволжья, находящихся от предыдущего района к востоку и юго-востоку, численность кустарей и ремесленников понижается до 180052 чел.; а в губерниях Северо-Западного (Озерного) района, находящегося на границе с Центрально-Промышленным, работников этих отраслей насчитывается 102286 чел.

Распределение кустарей и ремесленников по отраслям производства, по районам и губерниям было также весьма неравномерным. Так, в Северо-Западном (Озерном) районе общее число их составляло 102286 чел., из них более половины было занято в промыслах по обработке дерева – 53071 чел., почти пятая часть в промыслах по обработке волокон – 18150 чел., выделкой изделий из кожи занимались более десятой части – 12160 чел. И почти 8 тыс.чел. составили группу занятых в разных промыслах, из которых 5779 чел. приходилось на Петербургскую губернию. Металлообработкой в районе занимались 7382 чел., обработкой минеральных веществ (глина, керамика, стекло) – 3538 чел., а обработкой рога и кости – всего 13 чел. (исключительно в Олонецкой губернии).

В Центрально-Промышленном районе численность "промышленников" составляла 547620 чел., из которых около половины было занято в обработке волокнистых веществ – 244697 чел., четвертая часть в деревообработке – 134548 чел., по 60 тыс. с лишним в обработке кожи и металла, в обработке минералов – 11380 чел., в разных производствах – 30859 чел. и в обработке рога и кости – 2594 чел.

В Центрально-Земледельческом районе работало 340471 чел. кустарей и ремесленников, в том числе почти половина в мастерских по обработке волокнистых веществ – 160132 чел., четвертая часть в обработке древесных материалов – 83589 чел., почти восьмая часть в обработке кожи и меха – 43229 чел., более чем по 20 тыс.чел. в обработке металлов и разных промыслах, в обработке минералов только 9943 чел., а в обработке рога и кости всего 383 чел.

В Поволжье кустарей и ремесленников насчитывалось 180052 чел., из них обработкой дерева занимались 72586 чел., волокнистых веществ – 45638 чел., кожи и меха – 22377 чел., рога и кости – 132 чел., минералов – 8189 чел., металлов – 12040 чел., в

разных производствах было занято 19090 чел. Таким образом, в сопоставлении с Северо-Западным (Озерным) районом набор основных промыслов трех других районов региона более разнообразен.[18]

Н.А.Иванова выделяет городских и сельских кустарей и ремесленников. Данные о городских ремесленниках получены ею по материалам обследования ремесленной промышленности в 1910 г.; количество сельских "промышленников" подсчитано по данным А.А.Рыбникова и А.Г.Рашина; оба исследователя отмечали недостатки этих данных, в частности, разновременность сбора материалов, неполноту учета занятых в сельской мелкой промышленности ряда губерний. Добавим, что эти данные не позволяют также отделить наемных работников от работников, занятых в собственных заведениях. Тем не менее, других, более полных и достоверных данных не имеется.

При общем преобладании сельских кустарей число работников мелкой промышленности в целом и соотношение занятых в сельской и городской промышленности в различных районах региона было неодинаковым. Хотя это соотношение не вполне точно, так как по городской мелкой промышленности учтены лишь наемные работники, а по сельской, кроме того, также лица, занятые на своих предприятиях (то есть удельный вес первых занижается), определенные тенденции такое сопоставление выявить помогает.

Общая численность кустарей и ремесленников Центральной России составляла 1460710 чел., в том числе в городах – 217764 чел., в селах – 1242946 чел. По числу работников мелкой городской и сельской промышленности впереди шел Центрально-Промышленный район – соответственно 80406 чел. и 560631 чел.; за ним шли Центрально-Земледельческий, Поволжский и Северо-Западный (Озерный) районы – соответственно 389939 чел., 251006 чел., 178728 чел. Однако соотношение численности и занимаемых мест в этих районах было разным. За Центрально-Промышленным районом по численности кустарей и ремесленников в городах шли Северо-Западный (Озерный), Центрально-Земледельческий и Поволжский районы – соответственно 74076 чел., 34006 чел., 29276 чел.; а в селах – Центрально-Земледельческий, Поволжский и Северо-Западный районы – соответственно 355933 чел., 221730 чел., 104652 чел.

Наибольший разрыв был между численностью городских и сельских кустарей и ремесленников в Центрально-Промышленном районе – 480225 чел., в Центрально-Земледельческом районе – 321927 чел., несколько меньше в Поволжском районе – 192454 чел. и значительно меньшим в Северо-Западном (Озерном) – 30576 чел. Северо-Западный район, имевший по сравнению с остальными наименьшее число занятых в мелкой промышленности, отличался тем, что удельный вес среди них городских ремесленников был гораздо более высоким, чем в других районах, составляя 34,0%. При этом в Петербургской губернии число ремесленников в городах составляло 41,4% от общего числа ремесленников в районе.

Правда, удельный вес городских ремесленников в Центрально-Промышленном районе был несколько выше, чем в Северо-Западном, составляя 36,9% от общего числа городских ремесленников региона. Но, учитывая то обстоятельство, что разрыв в абсолютных показателях между городскими и сельскими ремесленниками в этом районе был наивысшим, доля первых не представляется большей доли Северо-Западного района. Кроме того, численность кустарей и ремесленников в городах по отношению к селам в Центрально-Промышленном районе составляла 12,5%.

В Центрально-Земледельческом районе доля ремесленников-горожан составляла 15,6% от общей в регионе, а кустарей и ремесленников в селах – 28,6%. Соотношение "промышленников" в городах и селах в этом районе составило 8,7%. Соответствующие показатели в Поволжском районе составили – 13,4%, 17,8% и 11,7%. Общее соотношение доли в городах к селам составило 17,5%.

Наконец, общая доля городских и сельских кустарей и ремесленников по районам составляла: в Центрально-Промышленном – 43,9%, в Центрально-Земледельческом – 26,7%, в Поволжском – 17,2%, в Северо-Западном – 12,2%.[19]

Помимо земледелия, рыболовства и охоты, кустарных промыслов и фабрично-заводской промышленности, население Центральной России вынуждено было искать себе заработки на стороне. Передвижение рабочих совершалось, главным образом, в пределах губерний, районов и всего региона в целом, а, порой, и по территориям других частей Европейской России.

Из всех губерний Центрально-Промышленного района исключение составляла Московская губерния, рабочее население которой

никуда не уходило, находя себе вполне достаточный заработок на фабриках и местных промыслах, преимущественно в самой Москве и ее окрестностях; названная губерния, наоборот, привлекала к себе еще массу пришлых рабочих, исчисляемую десятками тысяч.

Для определения численности рабочих, занимавшихся отхожими промыслами, точных статистических данных, к сожалению, нет, однако подсчитанные нами данные в разных источниках показывают, что во всех остальных шести губерниях района численность отходников составляла более 1300000 чел., или 14% всей массы сельского населения. Так, из Калужской губернии ежегодно уходило на заработки св.150 тыс.чел., из Нижегородской – ок. 300 тыс.чел., из Тверской – ок. 250 тыс.чел., из Ярославской – не менее 100 тыс. чел., из Костромской – ок. 400 тыс.чел.

Большинство отходников привлекались неземледельческими промыслами, главным образом, ремесленными, причем основным направлением движения рабочих повсеместно являлись обе столицы. На земледельческие занятия уходило сравнительно большее количество рабочих в Нижегородской губернии, направлявшихся преимущественно в Самарскую, Саратовскую и Оренбургскую губернии и Область Войска Донского; в меньшем числе – в Симбирскую и Казанскую губернии и в Уральскую область; из Калужской губернии на земледельческие промыслы уходили преимущественно женские артели жниц (в Курскую, Орловскую, Тульскую и Могилевскую губернии); еще в более ограниченном количестве встречались отходники-земледельцы в Костромской и Тверской губерниях; в губерниях же Владимирской и Ярославской рабочие шли почти исключительно на неземледельческие заработки.

В Костромской губернии рабочие уходили, главным образом, на различные ремесленные промыслы, преимущественно в качестве плотников – 14 тыс.чел., затем каменщиков – 11 тыс.чел., овчинников – 9 тыс.чел., граборов и землекопов – 6 тыс.чел., портных – 6 тыс.чел., трепальщиков пеньки – 4,5 тыс.чел., штукатуров – 4 тыс.чел. и т.д. В рассматриваемой губернии отхожие промыслы получили особое развитие в северо-западной ее части, известной под названием "бабьей стороны", в уездах Солигаличском, Чухломском и Галичском; в иных местах все мужское население уходило на сторону с 12 лет, и женщины здесь работали не только в доме и в поле, но нередко исполняли общественные работы и обязанности.

Подобные же явления наблюдались в Ярославской и Владимирской губерниях, где женщины выполняли должности десятских, старост и других деревенских чинов, посещали сходы и пр.

Рабочие уходили преимущественно в Петербург и Москву; кроме того, здесь замечалось постоянное движение отходников в Нижегородскую, Казанскую и Пермскую губернии, в различные поволжские города и даже в Баку. Во Владимирской губернии отхожие промыслы особенно были развиты во Владимирском и Покровском уездах, где в некоторых селениях уходило все способное к труду мужское население; рабочие уходили почти исключительно на различные ремесленные торговые (офени) и др. неземледельческие промыслы; самое значительное движение рабочих было в Петербургскую, Московскую, Ярославскую, Нижегородскую, Пермскую, Самарскую, Таврическую, Херсонскую губернии и в Сибирь.

В Тверской губернии население уходило преимущественно на легкие промыслы, а именно прислугой (ок. 12 тыс.чел. мужчин и 6,5 тыс. женщин), извозчиками (4,5 тыс.чел.), дворниками, половыми и полотерами (почти 5 тыс.чел.); лесными промыслами было занято более 7 тыс. чел., плотников числилось 13,5 тыс.чел., каменщиков – 3,5 тыс.чел., сапожников и башмачников – 13 тыс.чел,, рыболовов – более 1 тыс.чел. и т.д.; главное направление движения рабочих было в Петербургскую, Московскую, Новгородскую, Псковскую и Ярославскую губернии.

В Ярославской губернии рабочие уходили исключительно на разные неземледельческие промыслы в качестве плотников, каменщиков, шерстобоев, а также половых и, главным образом, трактирщиков, лавочников, подрядчиков и т.п.; большинство названных отходников направлялось в Петербургскую, Московскую, Владимирскую, Новгородскую, Лифляндскую губернии и в Область Войска Донского.

В Калужской губерний значительное число отходников привлекалось плотничным промыслом (ок.15 тыс.чел.) и фабричным (св. 20 тыс.чел.), а многие из них уходили также каменщиками (св. 10 тыс.чел.), овчинниками (почти 10 тыс.чел.), землекопами, портными, пенькотрепальщиками, чернорабочими и т.д.

Наконец, в Нижегородской губернии население отправлялось также преимущественно на различные ремесленные и неземледельческие промыслы – плотниками, судостроителями, пильщиками (в Нижний Новгород, в города по Волге, в Ростов-на-Дону, Азов и др. местности), матросами, лоцманами и водоливами на Волгу, каменщиками, штукатурами (в Нижний Новгород, Казань, Самару, в Сибирь); весьма сильно развит был также отход на фабрики своей губернии, а также Московской, Владимирской и др., отход "на низ" в "рыболовные ватаги" и пр.

В Нижегородской губернии, как было уже упомянуто, земледельческий отход был развит несколько больше, чем в остальных губерниях рассматриваемого района, вследствие получерноземного ее характера, но, тем не менее, в противоположность другим отхожим промыслам, на рубеже XIX-XX вв. – он ежегодно сокращался, главным образом, вследствие понижения заработной платы (на юге особенно, где ручной земледельческий труд вытеснялся машинным); прочие же отхожие промыслы, то есть неземледельческие, все более развивались в изучаемое время, с одной стороны, благодаря их выгодности, а с другой – вследствие постоянного возрастания малоземелья, порождавшего, в свою очередь, в связи с неудовлетворительным качеством почвы, все большее количество крестьян безлошадных и не имевших сельскохозяйственного инвентаря, которые, таким образом, поневоле должны были искать себе заработка на стороне.[20]

В Центрально-Земледельческом районе отхожие промыслы стали развиваться лишь во второй половине XIX в. в условиях быстрого роста населения и увеличения потребности в заработках. Точных данных, отражавших количество крестьян, уходивших на заработки за пределы своих губерний и уездов, не имеется, хотя по некоторым губерниям есть сведения о количестве выдававшихся паспортов. В целом, из северной половины района уходило на заработки значительно большее количество крестьян, чем из южной, причем отхожие промыслы можно разделить, как и в других районах, на две группы – земледельческие и неземледельческие.

Рассмотрим характер и значение тех и других промыслов. Отметим однако, что в южной и юго-восточной части района преобладали земледельческие отхожие промыслы, а в северной и северо-западной – неземледельческие. Наибольшее развитие отхожие промыслы получили в Рязанской губернии, в которой ежегодно выбиралось до 300000 паспортов; за нею следовала Тульская –

ок. 230000, из которых выдано паспортов почти 162000 – мужчинам и ок. 68000 – женщинам. Число выданных паспортов в Тамбовской губернии достигало 200000, а в Пензенской и Орловской – примерно по 150000. Из Воронежской губернии уходило 70904 мужчины и 4788 женщин, а всего 75692 чел., в том числе 58486 мужчин и почти все женщины – на заработки земледельческие и лишь 12418 мужчин – на неземледельческие заработки.

Из Курской губернии уходило 108259 чел. Эти данные показывают безусловное преобладание земледельческих отхожих промыслов в Воронежской и Курской губерниях; в Рязанской и Тульской – наоборот, преобладали неземледельческие отхожие промыслы. Кроме того, те же данные позволяют определить количество лиц, уходивших в отхожие промыслы из Центрально-Земледельческого района, примерно в 1 млн. 250 тыс.чел., что составляло до 8% всего населения, а, принимая во внимание, что уходили лишь взрослые работники обоего пола, приведенная цифра представляется довольно значительной, так как по отношению к населению в рабочем возрасте она составляет не 8%, а 20-25%.

Земледельческие отхожие промыслы имели три главных направления: на восток – в Поволжье, на юго-восток (для некоторых губерний – юг) – в Область Войска Донского и на Северный Кавказ (в Ставропольскую губернию и Кубанскую область), на юг и юго-восток – в губернии Екатеринославскую, Таврическую, Херсонскую и отчасти Харьковскую и Полтавскую. На восток – в Поволжье и Заволжье, а именно, в губернии Самарскую, Саратовскую и отчасти Уфимскую, Оренбургскую и Астраханскую шли в основном из Пензенской губернии и из юго-восточных уездов Тамбовской и Воронежской губерний, хотя некоторая часть сельскохозяйственных отхожих промыслов из тех же местностей направлялась на Дон и Северный Кавказ.

Из остальных местностей Тамбовской губернии, кроме самых северных ее уездов, из южных уездов Рязанской и Тульской губерний, а также из большинства местностей Воронежской губернии преобладало движение на юг и юго-восток, то есть в Донскую и Кубанскую области, а также в Ставропольскую губернию, причем небольшое количество рабочих из этого района шли все-таки на восток и юго-запад.

Наконец, из губерний Курской, Орловской и некоторых местностей Тульской преобладало движение в украинские губернии, и сравнительно небольшое количество сельскохозяйственных рабочих направлялось в Донскую область и на Кубань.

Несколько иной характер носили отхожие неземледельческие промыслы. Они не представляли столь значительного риска, как первые; заработки этого рода рабочих были более постоянны, хотя также подвергались некоторым колебаниям. Уходили рабочие в основном на более продолжительные сроки, на все лето, на зиму, иногда даже на весь год, за исключением нескольких недель, месяца или двух во время уборки хлеба, когда они возвращались в свои семьи. Иногда этого рода заработки почти равносильны были переселению в города и фабричные центры с сохранением лишь некоторой связи с родными.

Неземледельческие отхожие промыслы можно разделить на две категории: промыслы, не требовавшие специальных знаний, и промыслы специальные. Первые промыслы обычно были сопряжены с продолжительным отсутствием – почти переселением, вторые – лишь с временным отсутствием на менее продолжительные сроки. В неземледельческих отхожих промыслах первого рода принимали участие, главным образом, крестьяне северной части района, в особенности северных и средних уездов губерний Рязанской и Тульской, причем крестьяне из этих местностей уходили в основном в Москву и частично в Петербург, а также на фабрики Центрально-Промышленного района.

В таких отхожих промыслах принимали участие, главным образом, мужчины и сравнительно небольшое количество женщин. В столицах рязанские и тульские, а отчасти и тамбовские крестьяне являлись дворниками, извозчиками, фабричными рабочими, а женщины – чаще всего домашней прислугой. Среди петербургских извозчиков, особенно ломовых, довольно много встречалось крестьян из Зарайского, Рязанского и Касимовского уездов Рязанской губерний, Веневского – Тульской; среди дворников и фабричных рабочих Петербурга – крестьян Михайловского уезда Рязанской губернии, Тульского и Епифанского – Тульской губернии и т.п.

Кроме того, значительное количество татар Касимовского уезда Рязанской губернии было рассеяно по всей России в качестве

буфетной и ресторанной прислуги. Наконец, крестьяне Зарайского уезда Рязанской губернии и Каширского – Тульской в значительном количестве переходили через Оку и работали на ближайших фабриках Московской губернии. Этого рода отхожие промыслы, благодаря росту обеих столиц и других крупных центров на рубеже XIX-XX вв., увеличивались в своих размерах и распространялись на юг Центрально-Земледельческого района.

Еще больший интерес представляет собой движение на заработки специальных рабочих, так как оно еще более привязывалось к отдельным местностям и отдельным занятиям, как на родине, так и в местах выхода. В данном случае уходу на заработки предшествовало развитие какого-либо ремесла на месте. К этой категории отхожих промыслов относились: грабари (землекопы), горнорабочие, работники по добыванию торфа, каменщики, плотники, штукатуры, печники и т.п. строительные рабочие.

Грабари (землекопы) из некоторых уездов Курской губернии уходили преимущественно на юг и запад – в украинские губернии. Горнорабочие из многих местностей района отправлялись значительными массами, главным образом, на заводы и копи Донецкого бассейна. Из южных уездов Рязанской губернии – Данковского, Раненбургского и Скопинского, а также из Болховского уезда Орловской губернии довольно значительное число рабочих отправлялось на торфяники Московской и Владимирской губерний, где разработка торфа велась в очень широких размерах. Характерным являлся еще отхожий промысел в некоторых приокских селениях Рязанской и Тамбовской губерний и в особенности Елатомского уезда, откуда очень много крестьян отправлялось в качестве низших служащих и судовых рабочих на окские и волжские суда.

Кроме того, почти из всех губерний Центрально-Земледельческого района на заработки уходило довольно значительное количество строительных рабочих, а именно, плотников, каменщиков, печников, штукатуров и т.п. Часть их направлялась в Москву, но еще более значительная часть – в южные и юго-западные губернии, в города: Одессу, Киев, Харьков, Таганрог, Ростов-на-Дону. Лишь очень небольшое количество их доходило до Петербурга, где на строительных работах с ними конкурировали рабочие из Костромской, Ярославской и Тверской губерний.

Выше уже было сказано, что рабочие различных строительных специальностей группировались по отдельным местностям и селам; поэтому, кроме движения на заработки в большие города, существовало еще передвижение строительных рабочих из одной местности в другую – из уезда в уезд и из губернии в губернию в пределах района. Так, например, в Пензенской губернии, где местных строительных рабочих было немного, славились рязанские плотники.

Следует отметить также, что в целом в Центрально-Земледельческом районе сравнительно меньшая часть строительных рабочих уходила на заработки в отдаленные губернии; более половины их обычно находило себе работу на местах. К примеру, в Воронежской губернии, по данным земских обследований, насчитывалось всего 16000 плотников, из которых ок. 12000 работали в своих уездах, а 4000 уходили на заработки за пределы губернии; там же каменщиков было 2250 чел., из них 1350 находили работу дома, а 900 чел. уходили на заработки. Печников насчитывалось до 1800 чел., из которых уходило 300; кровельщиков – 1000 чел,, из которых уходило всего 150 чел. и т.д.

Заканчивая обзор промыслов населения Центрально-Земледельческого района, отметим, что, несмотря на богатую почву и почти предельную распаханность земель, доходившую в некоторых уездах до 80%, несмотря даже на значительные хлебные избытки, вывозившиеся за пределы района, нужда в неземледельческих заработках во второй половине XIX в. возрастала и к началу XX в. оказалась весьма значительной. Что касается промышленности и местных кустарных промыслов, то они существовали не повсеместно и развивались очень медленно, а поэтому были не в состоянии обеспечить местными заработками возраставшее население. Последствием этого являлось усиленное развитие отхожих промыслов и достигавшее значительных размеров переселение крестьян района на новые места, преимущественно в Сибирь.

Ко всему этому следует добавить, что лишь местные кустарные промыслы и некоторые отрасли обрабатывающей промышленности являлись естественным и наиболее выгодным дополнением к земледельческим занятиям населения, давая возможность земледельцу заработать что-нибудь в свободное от сельскохозяйственных работ время и улучшая его существование, не отрывая полностью от

занятий земледелием. Большая часть остальных заработков, как местных на фабриках, так и отхожих, в большей степени отвлекала крестьян от земледелия – круглый год или преимущественно в летнее время и оставляла их свободными на зиму, когда они были свободны и у себя дома (строительные местные и отхожие промыслы, а также отхожие промыслы земледельческие).

Таким образом, оказывалось, что если развитие кустарных промыслов, а также некоторых видов промышленности, увеличивавших число рабочих на зиму и уменьшавших их число в летнюю пору на месте, являлось естественным и приспособленным к климатическим условиям Центрально-Земледельческого района дополнением к земледельческим занятиям его населения, то отхожие промыслы являлись естественным выходом только для избытка рабочих рук против потребностей местного земледелия. Поэтому усиление их развития к началу XX в. указывало на необходимость для части населения оторваться от местного земледелия, оставив его соответственному количеству земли населению, и перейти к неземледельческим промыслам и занятиям другого рода.[21]

В Северо-Западном районе также наблюдался уход населения на заработки за пределы своих губерний. Отхожие промыслы, благодаря близости столицы, получили в большинстве местностей значительное, а в отдельных случаях даже интенсивное развитие и таким образом приобрели весьма важное экономическое значение. Однако привести точные цифры уходивших из губерний на сторону рабочих, за недостатком статистического материала, не представляется возможным.

По данным земских обследований 1890-х гг., число лиц, участвовавших в отхожих промыслах, определялось в 340-350 тыс.чел. Вся масса отходников, таким образом, составляла более 10% всего сельского населения и более 20% его взрослой работоспособной части. Отхожими промыслами было занято больше всего в Новгородской губернии (особенно в Кирилловском, Боровицком и Белозерском уездах) – 145 тыс. чел., затем в Петербургской губернии – 90 тыс.чел., в Псковской – 60 тыс.чел. (более в Новоржевском, Великолуцком, Порховском, Псковском и наименее – в Торопецком уезде) и в Олонецкой губернии – 40 тыс.чел.

Центральным пунктом, куда направлялась основная масса рабочих, являлась, конечно, столица. Сюда прибывали на заработок в

огромном количестве не только рабочие-мужчины, но женщины и даже дети. Большинство отходников работало в Петербурге в качестве легковых и ломовых извозчиков, домашней прислуги, половых, дворников, каменщиков, землекопов, а также мастеровых, простых поденщиков на фабриках и заводах, огородников и т.д. Значительная часть отходников привлекалась еще к работам по сплаву леса и лесных материалов, а также проводу судов по водным системам.

В отходе рабочих из деревни по временам года наблюдалось две волны: одна осенью (август-сентябрь), другая – весной (апрель). Наибольшее осеннее оживление движения отходников объяснялось окончанием сельскохозяйственной страды и наступлением почти свободного времени для сельских жителей; весеннее движение соответствовало появлению огромного спроса на работников для сплава леса, судовых работ, строительства и ремонта домов и улиц столицы и, наконец, сельскохозяйственных работ.

Большинство отходников на рынке труда предлагало только свою физическую силу, и лишь немногие из них являлись сюда с некоторыми профессиональными знаниями. Вследствие огромного наплыва рабочих в столицу, применение своему труду находило далеко не все пришлое население. Хотя, конечно, рабочие-профессионалы – плотники, маляры, коновалы (из Новгородского уезда) и др. оказывались обеспеченными работой в значительно большей степени, нежели остальная масса пришлых рабочих, которым нередко приходилось из-за отсутствия работы возвращаться домой.[22]

Население Поволжья, также, как и других районов, кроме земледелия, рыболовства, кустарных промыслов и фабрично-заводской промышленности, часто вынуждено было искать себе заработок на стороне, причем передвижение отходников совершалось, главным образом, в пределах самого района, который привлекал к себе массу рабочих еще из соседних губерний и районов. По нашим подсчетам, общее число участников отхожих промыслов в районе ежегодно превышало 400 тыс.чел., что составляло 4,5% всей массы сельского населения.

Разные губернии района участвовали в отхожих промыслах далеко не в одинаковой степени. Более всего рабочих направлялось из Казанской губернии, как наименее обеспеченной землей в количественном и качественном отношениях. Из Казанской губернии ежегодно уходило на заработки св.180 тыс.чел., или до 9% всего

сельского населения. Менее всего рабочих на сторону уходило из Самарской губернии, притом лишь из ее северных уездов, что составляло до 30 тыс.чел., или 1,2% сельского населения губернии. Что же касается бедных рабочей силой южных уездов заволжских степей, то они не только не отправляли население на сторону, но привлекали его огромные массы к себе как с севера Самарский губернии, так и из Казанской, Симбирской, Саратовской и соседних губерний Центрально-Земледельческого района.

По данным комиссий по упорядочению отхожих промыслов, размеры нехватки заволжской части Самарской губернии в пришлых рабочих определялись примерно в 230-250 тыс.чел. Симбирская и Саратовская губернии по числу выхода рабочих на сторону занимали среднее место между названными губерниями: из первой ежегодно уходило на заработки до 45 тыс.чел. (3,1% сельского населения), а из второй – до 60 тыс чел. (2,8%).

Астраханская губерния в этом отношении занимала совершенно особое положение. Она почти совсем на отправляла рабочих на сторону, только небольшая часть крестьян Царевского уезда уходила на сельскохозяйственные работы в Самарскую губернию и в Область Войска Донского. Вместе с тем, в пределах губернии ежегодно происходило большое передвижение рабочих на рыбные и соляные промыслы, составлявшие основное занятие населения губернии. По официальным данным за 1898 г., в губернии уходило на заработки 94465 чел. (11% всего сельского населения), в том числе 23715 киргизов и 17730 калмыков. Кроме того, рыбные и соляные промыслы привлекали большое количество рабочих из других губерний и районов. На одних только рыбных промыслах в горячее время работало до 120 тыс.чел.

Все отхожие промыслы населения района можно разделить на две большие группы – земледельческие и неземледельческие. Тот и другой виды отхода имели примерно одинаковое развитие. Главным местом, куда направлялся земледельческий отход, было Заволжье (губернии Самарская, Оренбургская и Уфимская), а также Ставропольская губерния и Область Войска Донского. С середины апреля ежегодно начиналось движение рабочих "в низа", продолжавшееся вплоть до сентября.

Первым на этом пути рынком рабочей силы являлась Сызрань Симбирской губернии. Здесь постоянно находилось не менее

50-200 чел. рабочих; в весеннее время число рабочих, преимущественно женщин, доходило до 500-800 чел.; в июне число косцов достигало 1000-1500 чел. и, наконец, в страдное время (в начале июля) – от 8 до 12 тыс. чел. Здесь рабочие нанимались, главным образом, в северные уезды Самарской, в Уфимскую и Оренбургскую губернии.

Вторым рынком служил Саратов. В 1895 г. через него прошло примерно 60000 чел. сельскохозяйственных рабочих – преимущественно из Пензенской, Тамбовской и Саратовской губерний. Небольшая часть из них оставалась в Саратове для найма в самом городе и ближайших к нему экономиях (гр. Воронцова-Дашкова, Столыпина, кн. Щербатовых, Устинова и др.); подавляющее большинство переправлялось за Волгу. Здесь рабочие сосредоточивались в слободе Покровской (до 10000 чел.), Дьяковке, Малом Узене и Дергачах.

Кроме того, рабочие собирались для Николаевского уезда в селах: Балакове (по воскресным дням было от 3 до 5 тыс.чел.), Баронске (Екатериненштадт), Таловом Хуторе, Перелюбе, Семеновке, Большой Глушице и г.Николаевске; для Новоузенского уезда – в селах: Орловом Гае, Перекопном, слободе Ровной и г.Новоузенске; для Бузулукского уезда – в селах: Бадейке, Покровке, Алексеевке, г.Бузулуке и др.

Из неземледельческих отхожих промыслов, кроме указанных уже рыболовства, соляных и солевозных промыслов (чумачество), наиболее развиты были погрузка судов и плотов, судовые работы, сплав леса, бурлачество, плотничество, распилка леса, валяльный и шерстобитный промыслы, каменные и малярные работы, портняжничество, извоз, пастьба скота, земляные работы и пр.[23]

Итак, при достаточно подробном рассмотрении видов деятельности населения Центральной России, ясно видны разнообразие занятий и их связь с социально-профессиональным составом основных слоев и групп в крупнейшем регионе России. При всем разнообразии видов занятий населения, все же преобладали сельскохозяйственное производство и промышленность, тесно связанная с ним. Анализ всех имеющихся данных приводит нас к мысли о подвижности границ между различными социальными слоями и группами в условиях интенсивного развития рыночных отношений.

Развитие различных отраслей производства приводило к интенсификации миграционных процессов как внутри региона, так и за его пределами.

2. Изменения в национально-этнической и конфессиональной структурах

В 1897-1914 гг. произошли некоторые изменения в численности и удельном весе основных наций и народностей Центральной России. Уровень естественного прироста в регионе в изучаемый период повысился, хотя и не достиг показателей второй половины XIX в. и уступал среднему по империи. Минимальным он был в районах основного проживания русских (Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом).

Кроме того, в 1897-1917 гг. из центральных губерний на окраины империи переселилось 5,3 млн. мигрантов, среди которых преобладали русские. Это также способствовало уменьшению их удельного веса в Европейской России и росту их доли в рубежах империи. В пределах Центральной России процент русских вырос в районе интенсивного заселения – Северо-Западном за счет быстро растущего Петербурга (с 88,7 до 90,6%). Снижение же отмечалось в районе, где уровень естественного прироста у русских был понижен и откуда шла их миграция на окраины (Центрально-Земледельческий).

Особое положение занимали Центрально-Промышленный и Северо-Западный районы. В Центрально-Промышленном районе увеличение доли великорусского компонента было вызвано продолжавшимися в 1897-1914 гг. ассимиляционными процессами (прирост с 97,1 до 97,8%). Особенно заметными они оказались в Тверской губернии, где удельный вес русских вырос с 92,8% до 96,8% за счет сокращения его у карел (с 6,7 до 2,4%). В остальных губерниях прирост был невысок, а в Нижегородской отмечалось даже понижение (с 93,2 до 92,6%) в связи с небольшим ростом доли мордвы и татар. Однако пониженный естественный прирост (1901-1910 гг. – 12,5‰, 1911-1914 гг. – 11,5‰) привел к тому, что доля русских района ко всем русским империи с 1897 по 1914 гг. снизилась с 19,0% до 18,1%.[24]

Существенно вырос процент русских и в Северо-Западном районе (с 88,7 до 90,6%), где протекали одновременно и миграционные, и ассимиляционные процессы. С одной стороны, в Петербург из других губерний, регионов и из-за рубежа прибыло много

мигрантов (в основном русских). Механический прирост в Петербургской губернии составил в 1897-1914 гг. +1164,7 тыс.чел. В 1900 г. в Петербурге было учтено русских крестьян, прибывших из Тверской губернии, – 172,1 тыс. чел. (в 1910 г. – 261,0 тыс.), из Ярославской – 114,4 тыс. (в 1910 г. – 154,4 тыс.), из Новгородской – 73,6 тыс. (в 1910 г. – 106,7 тыс.), из Псковской – 61,9 тыс. (в 1910 г. – 106,7 тыс.), из Петербургской – 82,0 тыс. (в 1910 г. – 98,7 тыс.).

С другой стороны, шла естественная ассимиляция: в Олонецкой губернии доля финнов снизилась с 0,6% до 0,5%, вепсов – с 4,4% до 2,4%, карел – с 16,3% до 14,3%. В Петербургской губернии исчезают карелы и вепсы, доля финнов упала с 6,1% до 4,4%. В Новгородской – соответственно карел с 0,7% до 0,4%, вепсов – с 0,7% до 0,4%. В Псковской губернии исчезли финны. В результате в Олонецкой губернии процент русских вырос с 78,5% до 81,9%, в Петербургской – с 82,1% до 85,3%, в Новгородской – с 96,8% до 98,9%, в Псковской – с 94,7% до 96,0%. И вся доля русских района ко всем русским империи с 1897 по 1914 гг. снизилась с 7,9% до 7,3%. Это было обусловлено низким естественным приростом. В 1901-1910 гг. он равнялся 10,5‰, а в 1911-1914 гг. – 8,0‰.[25]

В других районах, где доля русских немного снизилась, процесс этот не был выражен так отчетливо (в Центрально-Земледельческом – с 87,6% до 86,8%). По всей вероятности, он вызывался оттоком отсюда прежде всего русских на окраины, а возможно, и более высоким естественным приростом у нерусского населения. Во всяком случае, падение удельного веса русских на территории нынешней России (с 75,5% до 72,4% общего населения), сохранение неизменным их удельного веса в границах бывшего СССР (44,2%-44,3%) и рост в рубежах бывшей империи (с 43,5 до 45,9%) находит свое логическое объяснение.

На территории Центральной России шел мощный миграционный поток русских мигрантов на окраины империи. Кроме того, в центре России отмечался пониженный естественный прирост. Усилившиеся ассимиляционные процессы не смогли переломить тенденцию падения удельного веса русского этнического компонента. Наконец, рост доли русских в границах Российской империи был в значительной мере обусловлен сильнейшей эмиграцией с

западных территорий. Так что отток большого числа мигрантов с западных земель способствовал повышению доли русских и в границах Европейской России.

На территории Центральной России украинский этнос составил в 1900 г. – 6,3% всего ее населения, а в 1914 г. – 7,3%. В то же время доля татар в регионе снизилась с 3,3% до 3,1%, мордвы – с 1,5% до 1,3%, а удельный вес башкир (2,0%) и чувашей (1,3%) остался неизменным. К 1914 г. изменилось и расселение украинцев. В Нижнем Поволжье их оказалось в 1900 г. – 6,5% всего населения района и к 1914 г. – 6,4%. Доля татар равнялась в Нижнем Поволжье в 1900 г. – 5,2% и в 1914 г. – 6,4%; в Среднем Поволжье – соответственно 16,8% и 17,4%.[26]

Рассмотрим более детально основные группы народов Центральной России. Самой крупной группой в 1900-х гг. являлась, как и в последующие годы, славянская, включавшая три восточнославянских народа – русских, украинцев, белорусов.

Русские жили во всех районах и губерниях региона. Главная масса русских к 1914 г., естественно, была сосредоточена в Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах, где они составляли 73,4% населения.

Высок процент русского населения (более 97%) и в Северо-Западном районе, губерниях Петербургской, Новгородской, Псковской и Олонецкой. В этих губерниях процент русского населения составлял 95-97%. В Петербургской губернии (без Петербурга) этот процент был невысоким, составляя 79,5%, главным образом, вследствие наличия довольно значительного финского (9,5%) и эстонского (4,3%) населения.

Весьма высоким был процент русского населения в Центрально-Промышленном районе. В таких губерниях, как Владимирская, Калужская, Костромская, Рязанская, Тульская, Ярославская, он и в 1900, и в 1914 г. превышал 99%. В Московской в 1914 г. он несколько снизился: с 99,1% до 97,9%.

В Центрально-Земледельческом районе в отношении удельного веса русских наблюдалась значительная неравномерность, связанная с наличием в отдельных губерниях и уездах украинского и мордовского населения. Если в Орловской губернии удельный вес русских и в 1900, и 1914 г. составлял примерно 99%, то в Курской он равнялся в 1900 г. – 76,2%, в 1914 г. – 80,4%, в Воронежской –

соответственно 64,3% и 66,8%. В Тамбовской губернии в 1900 г. русских было 94,9% (при довольно значительном количестве мордвы), а к 1914 г. показатель этот составил уже 99% русских, в Пензенской доля русских оставалась примерно одинаковой – 77,0%.

В губерниях Среднего Поволжья в 1900-х гг. население стало более однородным, пожалуй, за исключением Казанской губернии. Однако процент нерусского населения оставался весьма значительным. В частности, в таких губерниях, как Самарская и Симбирская, сказывалось наличие мордовского населения. В этих губерниях процент русского населения к 1914 г. составил: 75,1% – в Самарской, 80,1% – в Симбирской, а в 1900 г. – соответственно 76,4%, 78,4%. В Казанской губернии доля русских практически не изменилась (44,9%). Многонациональным был и состав населения губерний Нижнего Поволжья, где русских было к 1914 г. 74,5% – в Астраханской, 80,9% – в Саратовской, а в 1900 г. – соответственно 69,4%, 78,9%.[27]

Характеризуя расселение русских, хочется подчеркнуть то обстоятельство, что они жили практически во всех районах и губерниях Центральной России, включая такие полиэтничные территории Поволжья, как Казанская и Астраханская губернии. Это исторически сложившееся обстоятельство в последующие годы приобрело еще более значительный масштаб. Вместе с тем, следует отметить исключительно высокую национальную однородность русского населения в губерниях Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов. В губерниях Поволжья удельный вес русских к 1914 г. по сравнению с концом XIX в. почти не изменился.

Большая масса украинцев – св.7 млн.чел. к 1914 г. – жила в пределах губерний Центральной России. Украинцы составляли 7,8% всего населения Европейской России. Крупным ареалом проживания украинцев был Центрально-Земледельческий район (более 1,5 млн.чел., или 15,3% населения) – главным образом в Воронежской (более 1 млн.чел., или 32,6%) и Курской (более 500 тыс.чел., или 19,0%) губерниях. Много украинцев жило в Нижне-Волжском районе (более 400 тыс., или ок. 8%), на Средней Волге (более 200 тыс.) и в Северо-Западном районе Центральной России (более 100 тыс.). Украинцы в Центрально-Промышленном и Северо-Западном районах жили преимущественно в городах.

Значительная часть белорусов жила в пределах Центральной России. Перечислим районы расселения белорусов. Основная масса находилась в Северо-Западном районе – более чем 50 тыс.чел. В Центрально-Промышленном – более 30 тыс., Средне-Волжском и Центрально-Земледельческом – от 3 до 18 тыс.чел.

Следующим по численности славянским народом были поляки. Поляки в пределах Центральной России жили главным образом в городах Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов (соответственно более 40 тыс. и более 25 тыс. к 1914 г.), Центрально-Земледельческом, Поволжском районах. Чехи и словаки в пределах Центральной России жили главным образом в Центрально-Промышленном районе (более чем 1 тыс.).[28]

Если славянские народы компактно занимали центр региона, то неславянские народы располагались по окраинной территории – на северо-западе (Озерный район) и на юго-востоке (Поволжье). Наиболее многочисленными жителями окраин региона в 1900-х гг. после славян были народы тюркской группы алтайской языковой семьи – татары, чуваши и башкиры.

Татары являлись самым многочисленным (после русских) народом Поволжья, самым многочисленным (после русских и украинцев) народом центральной части России. При этом татары имели места расселения в самых различных частях региона.

Главная масса татар проживала в пределах Казанской губернии (св. 1 млн. чел. к 1914 г.). Большие группы татар жили в ряде губерний Поволжья – Самарской (122 тыс.), Саратовской (115 тыс.), Астраханской (48 тыс.), Симбирской (39 тыс.), а также в Нижегородской губернии Центрально-Промышленного района (79 тыс.).

Кроме того, в Центрально-Промышленном районе жило 124 тыс. татар, в Северо-Западном районе – 10 тыс. К татарам примыкал ряд этнических групп. Крупнейшая из них – мишари, жившие в Среднем Поволжье. К 1914 г. их насчитывалось 242 тыс.чел. Этнической группой татар кряшены, жившие в Казанской губернии (101 тыс. к 1914 г.).

Значительные группы башкир жили в Среднем Поволжье (23 тыс.). Основная масса чувашей жила в Казанской губернии (127 тыс. к 1914 г.), в Самарской (106 тыс.), Ульяновской (45 тыс.) и Саратовской (17 тыс.).[29]

На большой территории Центральной России в 1900-х гг. жили народы финно-угорской группы уральской языковой семьи. Это эстонцы, карелы, вепсы, лопари (саами), коми (зыряне), коми-пермяки, а также литовцы и латыши, принадлежавшие к балтийской или летто-литовской группе индоевропейской языковой семьи.

Латышей в пределах Европейской России жило к 1914 г. более 100 тыс. В Северо-Западном районе (более 35 тыс.) сельское и городское латышское население делилось примерно поровну, а в Центрально-Промышленном (более 15 тыс.) – преобладало городское. Литовцев в пределах Европейской России проживало более 25 тыс. (на 1914 г.) – значительно меньше, чем латышей. Они жили преимущественно в городах Северо-Западного (более 7 тыс.) и Центрально-Промышленного (ок. 4 тыс.) районов.

В 1900-х гг. статистика показывает наличие в Европейской России довольно большого числа эстонцев (97,8-100 тыс.). В том числе в Петербурге – 15 тыс., в Петербургской губернии – 49 тыс., в Новгородской – 6,5 тыс. По карелам имеются данные того же периода. Согласно этим данным, в Олонецкой губернии их насчитывалось 14,5 тыс., в Петербургской губернии – 10,6 тыс. Большая группа карел находилась в Тверской губернии.

В Северо-Западном районе жила довольно значительная группа финнов – примерно 18 тыс. В этом же районе, преимущественно в сельской местности, проживало примерно 115 тыс. так называемых петербургских финнов. К 1914 г. в Петербургской и Олонецкой губерниях проживало 32,7 тыс. вепсов, 0,7 тыс. води, 16 тыс. ижоры и 1,7 тыс. саами.[30] К этой же языковой семье примыкали удмурты, марийцы, мордва, жившие в бассейне Средней Волги.

Удмурты (вотяки) жили главным образом в пределах Казанской губернии (примерно 23 тыс.). Значительные группы марийцев находились в той же губернии (13 тыс. к 1914 г.). Мордовское население находилось в Пензенской (376 тыс. к 1914 г.), Самарской (251 тыс.), Симбирской (178 тыс.), Саратовской (154 тыс.), Нижегородской (84 тыс.) губерниях, а также в Казанской губернии (35 тыс.).

На Нижней Волге расселялось значительное калмыцкое население. Основная масса калмыков жила в 1900-х гг. в Саратовской (5,1 тыс.) и Астраханской (4,3 тыс.) губерниях.[31]

В Европейской России проживало большое число немцев – потомков немецких переселенцев, обосновавшихся в России в XVIII-XIX вв. Из более чем 800 тыс. немцев, живших к 1914 г. в Европейской России, основная масса (более 400 тыс.) находилась в губерниях Нижней Волги (более 90 тыс.). В этих губерниях они составляли преимущественно сельское население. В Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах, напротив, большинство немцев жило в городах – соответственно более 20 и 10 тыс.[32]

В Центральной России в изучаемый период проживала незначительная масса народов Кавказа. В городах Центрально-Промышленного района в 1900 г. находилось 7 тыс. армян и Нижне-Волжского – 4 тыс. Небольшая часть грузин жила в Центрально-Промышленном районе (более 2 тыс.), за немногим исключением в городах. Менее 3 тыс. ассирийцев (айсоров) жило в городах Центра.

Китайцев в городах Центрально-Промышленного района было к 1914 г. 1,5 тыс. На протяжении почти всего региона Центральной России раскинулись кочевья цыган. Наибольшие группы их находились к 1914 г. в Центрально-Промышленном (5,5 тыс.), Северо-Западном (4 тыс.), Центрально-Земледельческом (3,8 тыс.) районах.[33] Если в дальнейшем большая часть цыган перешла на оседлость, то к 1914 г. этот процесс еще не начался.

Особо следует выделить вопрос о национальном составе городского населения. Центральной России в 1900-х гг. Большинство городов в этот период были многонациональными. Эти годы не внесли существенных изменений в национальный состав населения городов. К 1914 г. в социальной и национальной структурах не произошло изменений принципиального, качественного порядка, ибо небольшие количественные перемены не могли повлечь существенных качественных изменений в национальном составе городского населения.

Городское население значительной части губерний Центральной России – Владимирской, Калужской, Костромской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Ярославской – было в основном русским, хотя и включало в каждой губернии по несколько тысяч представителей других национальностей.

Более сложным был национальный состав городского населения таких губерний, как Псковская (из 114768 горожан было 95467 рус-

ских, 2338 – белорусов, 2492 – поляков, 3502 – латышей, 6999 – евреев), Воронежская и Курская, где в городах проживало много украинцев (в Воронежской – 179050 русских и 104873 украинца, в Курской – соответственно 214960 и 64717).[34]

Сложным в национальном отношении было городское население Петербургской и Московской губерний. Здесь, прежде всего, разумеется, в самих Петербурге и Москве, в их пригородах и окружающих поселениях наряду с русскими, составлявшими большинство, жили и работали представители многих национальностей, из которых восемь превышали 5 тыс.чел. каждая.

Так, в Петербургской губернии русских насчитывалось 1097051 чел., украинцев – 64717 чел., евреев – 54745 чел., поляков – 31139 чел., немцев – 14628 чел., финнов – 10077 чел., татар – 9913 чел., эстонцев – 8885 чел., литовцев – 5502 чел., армян – 1022 чел.; в Московской губернии русских насчитывалось 1790661 чел., евреев – 87975 чел., поляков – 19772 чел., татар – 15675 чел., эстонцев– 15557 чел., латышей – 10264 чел., финнов – 10077 чел., немцев – 8898 чел., украинцев – 6157 чел., армян – 4634 чел. белорусов – 3548 чел., литовцев – 2646 чел., греков – 1061 чел.[35]

Русское население составляло подавляющее большинство в городах Среднего и Нижнего Поволжья. Однако в этих городах жило немало украинцев, татар, немцев, евреев.

Так, а Саратовской губернии проживало русских – 371654 чел., украинцев – 18647 чел., немцев – 12200 чел., евреев – 8029 чел., татар – 6335 чел., поляков – 1880 чел.; в Самарской губернии проживало русских – 269050 чел., татар – 10084 чел., евреев – 7032 чел., немцев – 1651 чел., поляков – 1365 чел., мордвы – 1048 чел.; в Симбирской губернии проживало русских – 165659 чел., татар – 5197 чел., евреев – 1688 чел., мордвы – 1196 чел.; а Астраханской губернии проживало русских – 121426 чел., татар – 20737 чел., евреев – 4065 чел., немцев – 1595 чел.

Итак, в большинстве русских губерний видна полиэтничность городского населения при явном преобладании русских. Еще более ярко эта полиэтничность выражена в городском населении поволжских губерний. Сравнительно много татар (св. 22%) было в городском населении Казанской губернии. Там проживало рус-

ских – 193983. чел., татар – 57372 чел., евреев– 4084 чел., чувашей – 1216 чел.[36]

Таким образом, видно, что практически города всей Центральной России были полиэтничны – менее в русских губерниях Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов, а также отчасти Северо-Западного района, более – в Поволжье.

Население Центральной России в 1900-х гг. распределялось по конфессиям следующим образом: православные и единоверцы – 83,0%, староверы и уклоняющиеся от православия – 1,7%, армяно-грегориане – 2,3%, католики – 4,3%,, лютеране – 3,1%, прочие христиане – 0,1%, мусульмане – 3,7%, иудеи – 1,7%, прочие нехристианские конфессии – 0,1%.[37]

Эти данные показывают, что в 1900-1913 гг. существенных изменений в распределении населения региона по конфессиям не произошло. По-прежнему св. 3/4 жителей Центральной России исповедовало православие или принадлежало к единоверию, к старообрядчеству и к сектантству – менее 2%. На втором месте после православных по своей численности стояли католики, затем мусульмане, лютеране, армяно-грегориане.

Отдельные районы Центральной России имели свои особенности в развитии конфессий. В Центрально-промышленном: районе в 1900-х гг. сохранял свое влияние раскол. В этом районе доля раскольников и сектантов составляла 2,7% ко всему населению. Больше всего их было в Московской губернии (3,5%) и в Нижегородской (4,7%); примерно в 2 раза меньше двух первых – в Калужской и Костромской – соответственно 3,5% и 2,9%.; примерно поровну во Владимирской и Тверской – 1,6% и 1,4% и, наконец, абсолютное меньшинство их было в Ярославской губернии – 0,5%.[38]

В Центрально-Земледельческом районе в 1900-х гг., как и ранее, по переписи 1897 г., почти все более или менее тайные сектанты и колеблющиеся записывались по вероисповеданию, в котором они были крещены и значились официально. Раскол здесь в разных видах существовал в северо-восточной части района – от Рязани до Пензы; юго-западной – часть Курской, Орловской и Воронежской губерний, а также Тульской. Сектанство охватывало обширную территорию на юго-востоке района – часть Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской губерний.[39]

В Северо-Западном районе в 1900-х гг. в религиозном отношении отмечалось сильное преобладание православия над другими религиями. Распределим население по принадлежности к различным вероисповеданиям: православные в среднем по району 95,5%, в том числе в Петербургской губернии – 85,5%, в Псковской – 97,2%, в Новгородской – 97,3%, в Олонецкой – 95,8%; единоверцы в среднем по району – 0,5%, в том числе в Новгородской губернии – 0,2%, в Олонецкой – 0,5%, в других губерниях района не было; раскольники в среднем – 1,9%, в том числе в Петербургской губернии – 1,1%, в Псковской – 2,9%, в Новгородской – 2,7%, в Олонецкой – 1,0%; протестанты в среднем – 3,9%, в том числе в Петербургской губернии – 13,2%, в Псковской – 0,9%, в Новгородской – 1,1%, в Олонецкой – 0,5%; католики в среднем – 1,2%, в том числе в Петербургской губернии – 3,2%, в Псковской – 0,2%, в Новгородской – 0,5%, в Олонецкой – 0,2%; иудеи в среднем – 0,2%, в том числе в Петербургской губернии – 1,2%, в Псковской – 0,3%, в Новгородской – 0,1%, в Олонецкой – 0,1%; мусульмане и пр. в среднем – 0,3%, в том числе в Петербургской губернии – 0,5%, в Псковской – 0,2%, в Новгородской – 0,2%, в Олонецкой – 0,1%.[40]

Из перечисленных народностей, населявших район, только эсты, латыши и немцы-колонисты исповедовали лютеранство, остальные же – православные и частично раскольники.

Относительное распределение населения Поволжья по вероисповеданиям в 1900-х гг. дают следующие данные. Православных и единоверцев в среднем по району стало несколько больше – ок. 80%, в том числе в Астраханской губернии – 64,1%, в Казанской – 69,9%, в Самарской – 80,1%, в Саратовской – 90,1%, в Симбирской – 89,9%; доля раскольников уменьшилась и достигла в среднем по району 1,8%, в том числе в Астраханской губернии – 0,3%, в Казанской – 1,2%, в Самарской – 3,1%, в Саратовской – 2,7%, в Симбирской – 1,7%; католиков в среднем ок. 1%, в том числе в Астраханской губернии – 0,1%, в Казанской – 0,2%, в Самарской – 2,5%, в Саратовской – 1,9%, в Симбирской – 0,2%; доля протестантов доля увеличилась и составила в среднем 2,9%, в том числе в Астраханской губернии – 0,2%, в Казанской – 0,3%, в Самарской – ок. 7%, в Саратовской – 6,3%, в Симбирской – 0,1%; армяно-грегориане в исследуемый период расселялись только в одной губернии района – Астраханской и составляли всего 0,2% всего населения;

иудеи в небольшом количестве были в большинстве губерний района, за исключением Саратовской, и составляли в среднем 0,2%, в том числе в Астраханской, Казанской, Самарской и Симбирской губерниях доля составляла по 0,1% в каждой; мусульмане составляли в среднем 17,7% по району, в том числе в Астраханской губернии – ок. 30%, в Казанской – 33,3%, в Самарской – 11,1%, в Саратовской – 4,7%, в Симбирской – 10,2%; доля язычников практически не изменилась и составила в среднем по району 2,1%, в том числе в Астраханской губернии – 10,2%, в Казанской – 0,5%, в Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях – по 0,1% в каждой.[41]

Приведенные данные убеждают в том, что православное население района по-прежнему доминировало и составляло 3/4 всего населения; за ними по количеству следовали мусульмане (татары, башкиры, киргизы), протестанты, раскольники, язычники (преимущественно калмыки-ламаиты), католики, армяно-грегориане и иудеи.

К 1914 г. население Центральной России отличалось полиэтничностью с преобладанием русского православного этноса, абсолютные и относительные показатели которого увеличились в первое десятилетие XX в. Район Поволжья, а особенно Казанская и Астраханская губернии, отличался наибольшей национально-конфессиональной неоднородностью. В изучаемый период продолжались и углублялись процессы ассимиляции наций и народностей региона, взаимодействие и взаимопроникновение национально-этнических общностей и конфессий.

3. Грамотность населения

В 1987-1914 гг. наблюдались весьма значительные различия в грамотности городского и сельского населения. Сельское население составляло преобладающую массу населения Центральной России, поэтому его уровень грамотности являлся и определяющим для общей грамотности всего населения региона.

Для характеристики изменений в грамотности сельского населения имеются массовые данные (материалы подворных переписей населения ряда губерний), а также специальное обследование

Олонецкой губернии. Эти данные о грамотности сельского населения относятся к населению с общей численностью ок. 10 млн.чел. (табл.1).

Таблица 1

Грамотность сельского населения ряда губерний Центральной России в 1907-1913 гг., % *

Губернии	Мужчины	Женщины	Оба пола
1. Московская	58,6	25,9	42,3
2. Тверская	51,0	18,5	34,8
3. Олонецкая	45,0	13,5	29,3
4. Тульская	46,3	11,0	28,7
5. Новгородская	35,9	7,7	21,8
6. Калужская	-	-	20,3
7. Самарская	31,1	8,1	19,6
6. Симбирская	27,6	3,8	15,7
9. Пензенская	25,9	3,8	14,9
Итого:	40,2	11,5	25,3

*Составлено и подсчитано по: РГАЭ. 1562. Оп.197. Д.1. Л.1-6; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1-4; Ф.1290. Оп.2, Д.967. Л.1-27.

В среднем по указанным губерниям в 1907-1913 гг. грамотных было 25,3% общей численности сельского населения, причем по отдельным губерниям этот показатель колебался от 14,9% (Пензенская) до 42,3% (Московская).

Расхождение в показателях грамотности среди мужчин и женщин к 1914 гг. несколько уменьшилось, но для сельского населения оно продолжало оставаться исключительно большим: в среднем в рассматриваемой группе губерний грамотных насчитывалось среди

мужчин 38%, а среди женщин – в 4 раза меньше – 9%. Таким образом, 9/10 женщин в сельских местностях были неграмотны. Особенно резко выделялись в этом отношении Симбирская и Пензенская губернии, где процент грамотных среди женщин был примерно в 7 раз меньше, чем среди мужчин. Хотя в 1897-1913 гг. грамотность сельского населения повысилась до 24-25%, все же 3/4 населения деревни оставалось неграмотным.

Изменения в грамотности городского населения Центральной России в 1900-х гг. представляется возможным проследить на ряде материалов по различным годам и периодам. За последующие годы после проведения переписи 1897 г. отсутствуют сплошные данные о грамотности городского населения, а имеются лишь материалы переписей населения отдельных городов. Чтобы попытаться ответить на вопрос, какова же была грамотность населения в первое десятилетие XX в., приходится сгруппировать имеющиеся данные в отношении отдельных городов и проследить, какие произошли изменения в этих городах по сравнению с 1897 г. К сожалению, таких городов оказалось немного. Соответствующее сопоставление произведено в приводимой табл.2.

Таблица 2

Грамотность населения Петербурга, Москвы и Воронежа в 1897-1916 гг., %*

Города	Годы	Мужчины	Женщины	Оба пола
Петербург	1897	71,8	51,5	61,7
	1910	76,1	56,7	66,4
Москва	1897	66,9	42,3	54,6
	1912	74,6	51,3	63,0
Воронеж	1897	60,4	43,4	52,9
	1911	-	-	61,2
	1916	-	-	65,8

*Составлено и подсчитано по: Матералы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.20; Статистический атлас г.Москвы и Московской губернии. М., 1924. Вып.I. С.20.

Наряду с Петербургом и Москвой, в которых грамотность являлась относительно высокой, в таблице представлен Воронеж. Таким образом, эти данные могут считаться достаточно типичными для характеристики грамотности всего городского населения Центральной России в 1900-х гг. Некоторые изменения в грамотности городского населения они в целом все же отражают. Грамотность городского населения этих городов с 1897 по 1913 гг. увеличилась примерно на 20%.

Дополним приведенные показатели о грамотности городского населения Центральной России более подробными данными по обеим столицам.

Показательны в этом отношении подсчеты грамотности населения Петербурга в 1890-1910 гг. Из данных табл.3 видно, что грамотность женщин в течение всего периода отстает. На основании материалов переписи населения Петербурга 1910 г. подсчитаны следующие показатели грамотности населения. В среднем для всего населения указанных возрастов процент грамотных был равен 70,7%, при соответствующих показателях для мужчин – 82,0% и для женщин – 59,3%. Таким образом, даже в 1910 г. около четверти петербургского населения в возрасте старше 6 лет были неграмотны (табл.4).

Таблица 3

Грамотность населения Петербурга без пригородов в 1890-1910гг., %*

Годы	Грамотные старше 6 лет		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
1890	74,3	53,5	63,9
1900	79,7	59,4	69,6
1910	86,3	65,8	76,1

*Составлено и подсчитано по: Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.20.

Имеются также данные об изменении грамотности детского населения Петербурга и Москвы в 1897-1910 гг. (табл.5). Как показывает эта таблица, в 1900-1902 гг. 22-23% петербургских и московских детей в возрасте 8-11 лет были неграмотными; к 1910 г. доля их уменьшилась незначительно и составила 19,3%.

Таблица 4

Грамотность и возрастно-половая структура населения Петербурга с пригородами в 1910 г., %*

Возрастные группы, лет	Грамотные старше 6 лет		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
6-10	53,4	50,2	51,8
11-15	95,3	91,5	93,4
16-20	93,4	80,5	87,0
21-25	89,6	71,7	80,7
26-30	88,7	62,5	75,6
31-35	86,8	61,8	74,3
36-40	83,6	56,7	70,2
41-45	82,1	56,0	69,1
46-50	79,6	52,7	66,2
51-55	79,5	52,8	66,2
56-60	78,2	49,6	63,9
61-65	81,7	50,9	66,3
66-70	79,3	46,2	62,8
70 и выше	76,1	46,7	61,4
Итого	82,0	59,3	70,7

*Составлено и подсчитано по: Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.20.

Таблица 5

Грамотность детского населения Петербурга и Москвы в 1897-1910 гг.*

Годы	Дети в возрасте 8-11 лет, тыс. чел.	Из них неграмотных	
		тыс. чел.	%
Петербург с пригородами			
1897	58,6	13,8	23,5
1900	67,4	14,9	22,1
1910	103,0	19,9	19,3
Москва			
1897	43,7	11,4	26,0
1902	51,0	11,7	22,9

*Составлено и подсчитано по: Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.20; Статистический атлас г. Москвы и Московской губернии. М., 1924..Вып.I. С.20.

На основании сводных данных, полученных в результате разработки материалов ряда переписей населения Москвы, приводим основные показатели изменения грамотности населения "второй" столицы в 1897-1912 гг. (табл.6).

Таблица 6

Грамотность населения Москвы в 1897-1912 гг.*

Годы	Численность населения старше 5 лет, тыс. чел.			Грамотные старше 5 лет, %		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
1897	554,4	409,1	963,5	71,4	46,1	58,8
1902	619,1	464,3	1083,4	74,2	48,6	61,4
1912	807,7	670,1	1477,8	81,1	56,6	68,9

*Составлено и подсчитано по: Статистический атлас г.Москвы и Московской губернии. М., 1924. Вып.I. С.20.

Далее приводим показатели грамотности отдельных групп населения Центральной России. При исследовании изменений в состоянии грамотности населения существенное значение имеют данные о проценте грамотных среди принятых на военную службу.

Сопоставимые массовые данные о динамике грамотных групп среди принятых на военную службу за 17 лет (1897-1913 гг.) приведены в табл.7. Эти показатели не являются характерными для динамики грамотности всего населения. Существенное значение их состоит в том, что они в целом отражают изменения в динамике грамотности мужчин в возрасте 20-24 года. Развитие школьной сети за рассматриваемый период не могло, понятно, значительно повлиять на рост грамотности населения старших возрастных групп. Внешкольным путем приобреталась грамотность лишь отдельными группами населения. Необходимо отметить, что процент грамотных среди общей массы призывавшихся на службу, очевидно, был ниже, чем среди принятых на военную службу.

Таблица 7

Грамотность призывавшихся на военную службу в Центральной России в 1897-1913 гг., %*

Годы	Грамотность	Годы	Грамотность
1897	42,3	1905	55,9
1898	44,5	1906	58,0
1899	46,8	1907	61,9
1900	49,0	1908	64,1
1901	50,0	1909	62,9
1902	51,5	1910	65,2
1903	52,9	1911	66,7
1904	55,5	1912	68,1
		1913	67,8

*Составлено и подсчитано по: Сборник сведений по России 1896 г. СПб., 1897. С.89-97; Фармаковский В. Начальная школа Министерства народного просвещения СПб., 1900. С.9-19; Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи. СПб., 1902. Вып.III. СПб., 1903. Вып.IV; Грамотность в России к X съезду Советов. М., 1920. С.19-20.

Данные таблицы показывают, что за 15 лет процент грамотных среди принятых на военную службу в губерниях Центральной России сильно повысился, но при этом и в 1913 г. примерно 1/3 (32,2%) принятых на военную службу были неграмотными.

Характерны также данные об удельном весе грамотных среди рабочих различных возрастных групп фабрично-заводской промышленности Москвы в 1902 г. Переписью 1902 г. было учтено 78,1 тыс. рабочих-мужчин и 29,7 тыс. работниц, всего 107,8 тыс.чел.

Доля грамотных среди всей массы рабочих разных возрастов в среднем была 44,7%, в том числе среди мужчин 68,0%, женщин – 21,3%. Среди рабочих в возрасте до 14 лет грамотных было 73,4%, в том числе мужского пола – 89,8%, женского пола – 56,9%; в возрасте 15-17 лет соответственно – 61,8%, 86,5%, 37,0%; в возрасте 18-19 дет – 55,5%, 81,3%, 29,8%; в возрасте 20-24 года – 49,1%, 74,7%, 23,4%; в возрасте 25-29 лет – 46,4%, 74,3%, 18,4%; в возрасте 30-39 лет – 38,3%, 66,1%, 10,5%; в возрасте 40-49 лет – 30,0%, 53,9%, 6,1%; в возрасте 50-59 лет – 24,4%, 43,9%, 4,9%; в возрасте 60 лет и старше – 23,3%, 41,5%, 5,1%.[42]

При среднем проценте грамотных 44,7% этот показатель был близок у рабочих в возрасте 30-39 и 40-49 лет. Грамотность среди фабрично-заводских работниц Москвы в 1900-х гг. была резко пониженной – 21,3%. Даже в возрастных группах 18-19 и 20-24 года она не превышала 30%.

На основании разработки материалов обследования состава рабочих фабрично-заводской промышленности Московской губернии, произведенного в 1908 г., возможно также проследить, как по мере перехода к старшим возрастным группам резко повышался процент неграмотных среди рабочих отдельных возрастных групп. При разработке материалов данного обследования рабочие были разделены на 11 возрастных групп. В следующих данных приводятся соответствующие показатели в отношении бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик (учтено 44,4 тыс. рабочих обоего пола), фабрик по обработке шелка (7,6 тыс. рабочих обоего пола) и механических заводов (8,5 тыс. рабочих-мужчин).

В бумагопрядильном и ткацком производстве грамотность рабочих обоего пола в среднем составляла 38,9%, в том числе мужчин – 64,3% и женщин – 19,4%; в шелкоткацком производстве соответст-

венно – 47,7%, 73,4% и 21,9%; в механическом производстве грамотность рабочих только мужского пола составляла 79,1%.

Грамотность по возрастным группам и производствам существенно отличалась. Она составила в возрастах 12-15 лет в первом производстве среди рабочих обоего пола 82,7%, среди мужчин – 92,6%, среди женщин – 72,8%; во втором производстве мужчин этого возраста не было занято, а грамотность женщин – 77,6%, как и общий средний показатель; в третьем производстве рабочих мужского пола этой возрастной группы также не было.

В возрасте 15-20 лет показатели соответственно были следующими – 67,6%, 88,8%, 46,3%; 69,1%, 97,3%, 40,8%; 97,0%; в возрасте 20-25 лет – 58,1%, 82,4%, 33,8%; 60,8%, 91,4%, 30,2%; 94,9%; в возрасте 25-30 лет – 48,5%, 78,1%, 18,9%; 58,6%, 98,5%, 18,6%; 90,4%; в возрасте 30-35 лет – 45,5%, 74,4%, 16,6%; 47,8%, 80,6%, 14,9%; 88,6%; в возрасте 35-40 лет – 37,8%, 65,8%, 9,7%; 41,8%, 75,9%, 7,6%; 83,6%; в возрасте 40-45 лет – 31,9%, 57,9%, 5,9%; 37,0%, 66,7%, 7,3%; 78,7%; в возрасте 45-50 лет – 25,7%, 47,4%, 4,0%; 33,3%, 62,8%, 3,7%; 73,5%; в возрасте 50-55 лет – 26,7%, 51,3%, 2,0%; 35,1%, 61,0%, 9,1%; 65,6%; в возрасте 55-60 лет – 19,5%, 36,8%, 2,2%; 45,8%, 45,8%, женщин этого возраста не было; 57,4%; в возрасте 60 лет и старше – 16,6%, 32,3%, 0,9%; 31,7%, 54,2%, 9,1%; 61,5%.[43]

Отметим наиболее существенные показатели. Так, на бумагопрядильных и бумаготкацких фабриках грамотные составляли среди рабочих в возрасте 12-15 лет 82,7%, а в возрасте старше 50 лет – 16,6-26,7%. Соответствующие показатели для рабочих-мужчин – 92,6% и 32,3-51,3%, а для работниц – 72,8% и 0,9-2,0%. На механических заводах в возрасте 12-15 лет все грамотны, в возрасте 15-20 лет было учтено 97%, а среди рабочих в возрасте 55 лет и старше грамотных было 59,5%. Таким образом, колебание процента грамотных среди рабочих отдельных возрастов, даже в пределах одной производственной группы, является значительным.

Материалы отдельных исследований свидетельствуют и о том, что удельный вес неграмотных являлся пониженным среди потомственных рабочих. Так, на основании материалов обследования рабочих московских бумагопрядильных и бумаготкацких фабрик в 1908 г., подсчитаны следующие показатели. Доля грамотных среди рабочих, отцы которых работали на фабриках, составила в среднем

57,5%, в том числу у мужчин – 80,5%, у женщин – 34,4%; вместе с тем, грамотность рабочих, отцы которых не работали на фабриках, определялась показателем 43,3%, в том числе у мужчин – 66,4%, у женщин – 20,2%.[44]

Таким образом, можно проследить, как значительно снижалась неграмотность рабочих в зависимости от участия их родителей в фабрично-заводском труде.

Многочисленные данные фабричной инспекции за 1900-е гг. показывают, насколько незначительно было число малолетних рабочих, имевших свидетельство об окончании курса в народных училищах. Показатели к 1913 г. не свидетельствуют о значительных достижениях в этом отношении. Так, Н.В.Чехов отмечал, что большинство поступавших в начальные школы не оканчивало в них полного курса, а также приводил на основании массовых материалов следующие данные: в отношении к общему числу учившихся в Центральной России окончило курс во всех начальных городских и сельских школах 10,2% и в церковно-приходских – 10,5%.[45]

И, наконец, следующую группу соответствующих статистических материалов составляют данные фабрично-заводской промышленности и общих показателей грамотности населения Центральной России в 1914 г. Доля грамотных рабочих обоего пола к общему числу рабочих всех групп производств в среднем составила 63,7%, в том числе мужчин – 75,3%, женщин – 52,2%.

По группам производств грамотность рабочих обнаруживала определенные колебания. В добыче и обработке камня, земли и глины этот показатель в среднем равнялся 65,7%, у мужчин – 73,7%, у женщин – 58,0%; в горной и горнозаводской промышленности соответственно – 58,3%, 74,0%, 42,6%; в металлообрабатывающей промышленности – 65,7%, 81,4%, 50,0%; в производстве машин, инструментов и аппаратов – 72,9%, 86,7%, 59,0%; в обработке дерева – 65,5%, 84,3%, 46,6%; в химической промышленности – 66,7%, 78,7%, 54,7%; в производстве пищевых продуктов и напитков – 61,7%, 75,0%, 48,3%; в кожевенной и меховой промышленности – 57,4%, 69,7%, 45,1%; в производстве по обработке хлопка – 57,2%, 76,4%, 37,9%; в производстве по обработке шерсти – 52,7%, 68,2%, 37,1%; в производстве по обработке льна – 59,3%, 78,3%, 40,3%; в производстве одежды и туалетных принадлежно-

стей – 50,4%, 32,6%, 68,2%; в обработке бумаги – 65,7%, 78,4%, 52,9%; в полиграфическом производстве – 93,0%, 96,6%, 89,4%.[46]

В итоге по группам производств в 1914 г. грамотных оказалось среди всех рабочих 63,7%; соответствующие показатели для мужчин-рабочих – 75,3% и работниц – 52,2%. При среднем проценте грамотных в 63,7% пониженные показатели следует отметить для рабочих по обработке шерсти и хлопка, повышенные – для рабочих по производству машин, инструментов и аппаратов полиграфического производства. Неграмотные среди работниц текстильной промышленности составляли 60-62%.

Значительно различались по проценту грамотных рабочие отдельных возрастных групп Центральной России в 1914 г. Отметим следующие показатели. Почти совпадал со средним процентом грамотных (64%) процент грамотных среди рабочих в возрасте 30-34 года (64,8%). В итоге по всем производствам грамотные среди рабочих в возрасте до 14 лет составляли 80,6%, а среди рабочих в возрасте 50 лет и старше – 42,3%. Соответствующие показатели для рабочих металлопромышленности – 93,6% и 62,8%.[47]

Подсчитаны также показатели грамотности в связи с возрастом среди работниц хлопчатобумажной промышленности – отрасли труда, в которой значительно были представлены работницы.

Характерно исключительно резкое различие процента неграмотных среди работниц отдельных возрастных групп. Так, при среднем проценте грамотных в 37,6%, подсчитанном для всех работниц хлопчатобумажной промышленности, этот показатель повышается до 63-70% для работниц младших возрастных групп, до 19 лет, и понижается до 5-8% для работниц в возрасте 50 лет и старше. Даже в возрасте 25-29 лет неграмотных среди работниц хлопчатобумажной промышленности оказалось 61,4%.[48]

Несомненно, на уменьшение процента неграмотных среди работниц младших возрастных групп оказало влияние то обстоятельство, что происходил рост числа девочек, обучавшихся в начальных школах. Но одновременно необходимо отметить, что этот рост происходил замедленным темпом.

О непрерывном повышении процента девочек в отношении к общей численности учащихся в начальных школах Центральной России, хотя все еще продолжающем оставаться на низком уровне, свидетельствуют следующие данные. В 1896 г. доля учащихся

девочек составил 24,2%, в 1906 г. – 29,2%, в 1911 г. – 32,1%.[49] Вместе с тем, приведенные данные о сравнительно низком проценте девочек среди учащихся в 1900-х гг. в значительной степени объясняют, почему так незначителен был процент грамотных среди работниц фабрично-заводской промышленности в изучаемый период.

Представляет интерес подсчет грамотности населения Центральной России накануне Первой мировой войны. Так как за этот период отсутствуют сплошные данные о грамотности населения, то соответствующие показатели о грамотности пришлось подсчитать, в основном используя для этого имеющиеся материалы в отношении грамотности городского и сельского населения. Если полученные показатели и не абсолютно точны, то все же они дают общее представление о произошедших за 14-15 лет сдвигах.

По данным подворных переписей, произведенных преимущественно в 1910-1913 гг., грамотных среди сельского населения оказалось 25,3%. В этих же губерниях региона среди сельского населения в 1897 г. было учтено 17,8% грамотных (рост по сравнению с 1897 г. на 38,2%). Процент грамотных среди городского населения за эти же годы увеличился примерно на 20%. Общий процент роста грамотности определяется в 34,8%. Принимая во внимание, что грамотность всего населения Центральной России составляла примерно 21,1%, подсчитываем грамотность населения для 1910-1913 гг. примерно в 28,4%.

Однако данные подворных переписей относились главным образом к 1910-1913 гг., а частично даже к 1908-1909 гг. Поэтому процент грамотности для 1914 г. следует повысить примерно до 30%, а для населения Центральной России в возрасте от 8 лет и старше он может быть подсчитан в 38-40%.[50]

Все эти данные свидетельствуют о том, что за 15-летний период развития региона успехи в области роста элементарной грамотности среди населения были весьма незначительны. К 1914 г. св. 60% всего населения Центральной России в возрасте старше 8 лет были неграмотными, а грамотность среди нерусских народностей находилась на еще более низком уровне. По переписи 1911 г. только 23,8% детей в возрасте 7-14 лет обучалось в сельских начальных школах.

Значительное место в начальном образовании Центральной России занимали церковно-приходские школы, получившие дальнейшее развитие в 1900-х гг. В них в 1905-1914 гг. обучалось около 2 млн. детей. На увеличении количества церковно-приходских школ

по особым мотивам настаивал обер-прокурор Святейшего Синода К.П.Победоносцев. Он отмечал, что эти "школы, по самым условиям существующего в них обучения и надзора, представляют собой гораздо более гарантий для правильного и благонадежного в церковном и народном духе образования, нежели другие виды народных школ, и поэтому заслуживают со стороны правительства поддержки и поощрения".[51]

Рост числа церковных начальных школ в 1900-х г. и учащихся в них был весьма значительным. Если в конце XIX в. в них насчитывалось ок. 100 тыс., а в начале XX в. – ок. 200 тыс. учащихся, то в 1913-1914 гг. учащихся было более 2 млн.

Еще в конце XIX в., как отмечал Н.В.Чехов, к числу школ духовного ведомства были причислены одним взмахом пера крестьянские школы грамоты, число которых тогда определялось несколькими тысячами.[52]

С 1900 по 1906 гг. численность учащихся в церковно-приходских школах увеличилась с 1634,5 тыс. до 2021,6 тыс., или на 27%. В последующие годы число учащихся в этой группе школ в целом оставалось стабильным. В начальных же школах Министерства народного просвещения с 1906 по 1914 г. численность учащихся увеличилась с 3596,4 тыс. до 5942,0 тыс., или на 65,2%. Таким образом, после 1905 г. понизился удельный вес учащихся в церковно-приходских школах в общей массе учащихся начальных школ. Но в эти же годы политика правительства, в частности, чистка учителей в министерских школах, приводила к тому, что отличия между церковно-приходскими и министерскими школами нередко стирались.

Вследствие недостатка государственных и общественных школ сельское население вынуждено было прибегать к устройству так называемых домашних школ. Роль их была особенно значительной в местностях, где было мало или отсутствовали земские и церковно-приходские школы. Но располагая материалами для характеристики школ этого типа, отметим данные А.С.Пругавина, который определял число учащихся в домашних школах в первой половине 1900-х гг. примерно в 300-400 тыс.чел.[53]

Если обратиться к материалам о продолжительности обучения в начальных школах Центральной России в 1911 г., то получится следующая картина (табл.8). Всего в городах и селах лишь 11,7% мальчиков и 8,3% девочек учились в школе более 3 лет. Как отмечал А.В.Захаров,

трехлетний курс школы, призванный дать законченное начальное образование и некоторую сумму знаний, большинству учащихся давал только грамотность, умение читать и не всегда писать.[54]

Таблица 8

Половая структура учащихся начальных школ и продолжительность обучения в городах и селах Центральной России в 1911 г., %*

Типы населенных пунктов	Пол	Продолжительность обучения		
		0-1 год	1-3 года	св.3 лет
Города	Мальчики	41,0	48,1	10,9
	Девочки	43,2	47,0	9,8
Села, деревни	Мальчики	38,2	49,3	12,5
	Девочки	48,6	44,7	6,7
Итого:	Мальчики	39,6	48,7	11,7
	Девочки	45,9	45,9	8,3

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1911 г. Пг,, 1912. С.91.

Существенным представляются также следующие показатели (табл.9). Возрастно-половая структура учащихся начальных школ Центральной России в 1914 г. свидетельствует о том, что в то время преобладающая масса детей в возрасте старше 12 лет вовсе не училась в школах.

О необеспеченности детского населения Центральной России школами накануне первой мировой войны можно судить по официальным данным Министерства народного просвещения в докладе "К вопросу о введении всеобщего обучения". На 1 января 1915 г. из всех детей школьного возраста училось только 51%.[55]

Особенно низкие показатели охвата детей начальной школой были среди сельского населения. Так, по данным Министерства народного просвещения в "Однодневной переписи начальных школ Российской империи, произведенной 18 января 1911 года" были опубликованы следующие итоговые показатели об изменениях

удельного веса учащихся в сельских начальных школах к детскому населению в возрасте 7-14 лет в 1894-1911 гг. Так, в 1894 г. доля учащихся обоего пола в среднем составляла 15,7%, в том числе мальчиков – 25,3%, девочек – 6,1%; в 1911 г. соответственно – 23,8%, 33,3%, 14,2%.

Таблица 9

Возрастно-половая структура учащихся начальных школ Центральной России в 1914 г., %*

Возраст, лет	Пол		
	Мальчики	Девочки	Оба пола
Ниже 8	1,8	2,4	2,1
8	10,0	13,1	11,6
9	17,3	21,4	19,4
10	23,2	25,9	24,5
11	19,5	18,4	18,9
12	15,8	11,6	13,7
13	7,6	4,6	6,1
14	3,2	1,8	2,5
15 и выше	1,6	0,8	1,2
Итого	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914 г., Пг. 1915. С.18-19.

Следовательно, и в 1911 г. лишь 23,8% детей в возрасте 7-14 лет обучались в сельских начальных школах. Доля учащихся обоего пола увеличилась в 1,5 раза, в том числе мальчиков – в 1,3 раза, девочек – в 2,3 раза, хотя удельный вес учащихся девочек значительно отставал от удельного веса учащихся мальчиков. Доля учащихся ко всему сельскому населению Центральной России в указанный период увеличилась лишь с 1,5% до 4,5%.[56] Несмотря на некоторый рост численности учащихся начальных школ, все же в 1911 г. процент учащихся ко всему населению продолжал оставаться на весьма низком уровне, особенно для женского населения.

Глава вторая.
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

1. Динамика численности и возрастно-полового состава населения

Численность населения 23 губерний Центральной России за 17 лет – с 1897 по 1913 гг. увеличилась на 34,1%. За рассматриваемый период в целом не наблюдалось столь резких различий в темпах прироста населения по отдельным губерниям. Более значительно повысили свою численность Петербургская (+48,5%), Московская (+47,3%), Воронежская (+43,2%) и Рязанская (+53,8%) губернии. Сравнительно невысоким был прирост численности в группе губерний Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов со значительным отходом населения (табл.10).

В результате подсчетов составлен следующий динамический ряд прироста населения 23 губерний Центральной России в 1897-1913 гг. соответственно по отдельным годам: в 1897 г. – 2,0%, в 1898 г. – 1,5%, в 1899 г. – 1,5%, в1900 г. – 1,8%, в 1901 г. – 1,8%, в 1902 г. – 1,4%, в 1903 г. – 1,8%, в 1904 г. – 1,9%, в 1905 г. – 1,8%, в 1906 г. – 1,3%, в 1907 г. – 1,7%, в 1908 г. – 1,7%, в 1909 г. – 1,5%, в 1910 г. – 1,4%, в 1911 г. – 1,3%, в 1912 г. – 1,7%, в 1913 г. – 1,6%.[1]

Несколько повышенные показатели прироста численности населения приходились на 1904 г. (1,9%) и 1908 г. (1,7%). Сравнительно пониженным оказался рост населения в 1906 г. (1,3%).[2]

Для понимания особенностей движения населения отдельных районов считаем целесообразным привести ряд дополнительных данных по районам и губерниям. Следует также выявить основные направления в динамике численности населения отдельных районов и губерний и связанных с ними сдвигов в размещении населения региона, а также происшедших изменений в плотности (см.табл.10).

Таблица 10

Численность населения Центральной России в 1897-1914 гг.*

Губернии и районы	Численность населения, тыс. чел.		Прирост населения,	
	1897 г.	1914 г.	с 1897 по 1914 гг.	
			тыс. чел.	%
1	2	3	4	5
1. Петербургская	2112,0	3136,5	1024,5	48,5
2. Псковская	1122,3	1425,1	302,8	27,0
3. Новгородская	1367,0	1671,5	304,5	22,2
4. Олонецкая	364,2	465,8	101,6	27,8
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	4965,5	6698,9	1733,4	31,4
5. Московская	2430,6	3591,3	1160,7	47,3
6. Владимирская	1515,7	2027,0	511,3	33,0
7. Калужская	1132,8	1476,6	343,8	30,3
8. Тверская	1769,6	2394,1	624,5	35,3
9. Ярославская	1071,4	1297,2	225,8	21,1
10. Костромская	1387,0	1822,6	435,6	31,4
11. Нижегородская	1584,8	2066,8	482,0	30,5
Всего: II. Центрально-Промышленный	10691,9	14675,6	3783,7	32,7
12. Курская	2371,0	3256,6	885,6	37,8
13. Орловская	2033,8	2781,7	747,9	35,4
14. Тамбовская	2684,0	3530,0	846,0	31,5
15. Воронежская	2531,3	3630,9	1099,6	43,2
16. Пензенская	1470,5	1911,6	441,1	30,0
17. Рязанская	1802,2	2773,9	971,7	53,8
18. Тульская	1419,5	1886,2	466,7	32,8
Всего: III. Центрально-Земледельческий	14312,3	19770,9	5458,6	37,8
9. Казанская	2170,7	2867,0	696,3	32,1
20. Самарская	2751,3	3800,8	1049,5	38,0

Окончание табл. 10

1	2	3	4	5
22. Симбирская	1527,8	2067,8	540,0	35,3
23. Астраханская	1003,5	1315,9	312,4	31,1
Всего: IV. Поволжье	9859,1	13320,8	3461,7	34,5
Итого: Центральная Россия	40028,8	54466,2	14437,4	34,1
Итого: 50 губерний Европейской России	93442,9	127776,5	34333,6	36,7

*Составлено и подсчитано по: РГАЭ. Ф.1662. Оп.197. Д.1. Л.1-6; РГИА. Ф.4ЭЗ. Оп.1. Д,58. Л.1-4; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1-27; Вся Россия. СПб., 1911. Т.1. С.9-11, 63-65, 126, 127, 153, 154, 161-163, 168, 169; Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918. С.98; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905. Т.I. Табл. XXI, XXII. С.98.

В среднем по 23 губерниям Центральной России население возросло с 1897 по 1913 гг. в 1,4 раза. Несколько выделялись высоким темпом роста Центрально-Промышленный и Поволжский районы. В Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах население с 1897 по 1913 гг. увеличилось в 1,3-1,4 раза. Укажем также, что из общего абсолютного прироста численности населения в 23 губерниях Центральной России на эти два района приходилось свыше половины прироста населения за весь этот период.

В результате неравномерного роста численности населения отдельных районов выявились весьма существенные сдвиги в удельном весе численности населения этих районов к общей численности 50 губерний Европейской России к началу 1914 г.: Северо-Западный – 5,2%, Центрально-Промышленный – 10,4%, Центрально-Земледельческий –16,6%, Поволжье – 10,4%.

Из этих данных видно, что наиболее высоким был удельный вес численности населения Центрально-Земледельческого района в отношении к общей численности населения Европейской России. По следующим двум районам – Центрально-Промышленному и Поволжскому – удельный вес оказался несколько меньшим и примерно одинаковым. А в Северо-Западном районе наблюдается самый низкий удельный вес численности населения, так как в этом районе рост численности в течение изучаемых лет оказался несколько пониженным по сравнению со средними показателями других районов Центральной России, а также всей Европейской России.

В значительной степени повысился рост населения Петербургской губернии (в 1,5 раза) главным образом за счет увеличения жителей Петербурга. Население Северо-Западного района, за исключением Петербургской губернии, с 1897 по 1913 гг. возросло лишь в 1,3 раза. Несомненно, что из Новгородской, Псковской и Олонецкой губерний происходил исход сравнительно значительной части сельского населения на постоянную и временную работу в городские центры вне своей губернии.

Рост населения в Центрально-Промышленном районе в значительной степени был обусловлен приростом городского, преимущественно промышленного, населения и особенно за счет Москвы. Этот район, как видно по темпу роста населения, был на первом месте. Это явление отчетливо выступает, если сопоставить рост населения по всему Центрально-Промышленному району и по этому же району без Московской губернии. Население Московской губернии с 1897 по 1913 гг. возросло в 1,5 раза. Численность же населения Центрально-Промышленного района без столичной губернии – всего лишь в 1,3 раза. Но при этом следует принять во внимание то обстоятельство, что население Москвы в значительней степени пополнилось выходцами из сельских местностей указанных семи губерний района.

Прирост населения Тверской, Владимирской, Костромской, Нижегородской и Калужской губерний выразился соответственно в 35,3%, 33,0%, 31,4%, 30,5%, 30,3%. В Ярославской губернии – со значительным отходом на заработки – численность населения за 17 лет увеличилась всего лишь на 21,1%.

В Центрально-Земледельческом районе выявились значительные различия в темпах роста населения по отдельным губерниям в период 1897-1913 гг. Наряду с губерниями, в которых рост населения был значительно выше среднего по району, в некоторых губерниях прирост численности населения был сравнительно невысоким. Отметим наиболее существенные показатели. Численность населения в указанный период возросла в Рязанской губернии в 1,5 раза, или на 53,8%, в Воронежской – в 1,4 раза, или на 43,2%, а в Тульской – лишь на 32,8% и в Пензенской – на 30,0%. При этом в последних двух губерниях наблюдался значительный отход населения на заработки в другие губернии.

В Поволжье население росло за указанный период более равномерно, чем в других районах Центральной России, хотя и здесь обнаружились некоторые колебания в показателях прироста. Наименьший прирост был в Казанской и Астраханской губерниях – соответственно в 1,3 раза, или на 32,1%, и на 31,1%; наибольший прирост в Самарской и Саратовской губерниях – в 1,4 раза, или на 38,0%, и на 35,9%. Это объяснялось более интенсивными миграционными потоками в эти две губернии, а также несколько более высокой рождаемостью и пониженной смертностью. К тому же, население этого района менее отвлекалось отхожими промыслами и фабрично-заводской промышленностью.

Помимо приведенных общих показателей о приросте населения отдельных районов Центральной России, существенный интерес представляют данные о приросте населения отдельных социальных групп в связи с их экономическим положением. В изучаемый период в результате существенных социально-экономических изменений (расслоение крестьянства, увеличение промысловых заработков в общем доходе сельского населения) группировка лишь по размерам надела земли представляется где безусловно недостаточной.

П.П.Семенов связывал зависимость прироста населения от размеров наделов, а также от географических полос внутри каждого района.[3] Прирост населения возрастал с увеличением надела. Частные же отклонения от этой зависимости обнаруживались в двух полосах: в черноземной полузалежной полосе не одно количество надельной земли обусловливало прирост населения, так как в условиях многоземелья этой полосы крестьяне в некоторых местностях имели возможность дешевой аренды земли в значительной количестве, тогда как в другой полосе черноземной незалежной собственники земли поднимали арендную плату до высокого уровня.

В переходной полосе прирост населения обусловливался не только количеством надела, но и его качеством, которое была неоднородным, как в двух черноземных полосах. Наконец, в промыслово-лесистой полосе прирост населения совсем не зависел от количества надела, а значит, и благосостояние населения, как и вообще средства его существования, не находились в непосредственней зависимости от земледелия и в значительной мере обусловливались местными и отхожими промыслами.

В двух наиболее плодородных полосах (черноземных), которые располагались преимущественно в Центрально-Земледельческом и Поволжском районах, прирост населения был гораздо значительнее, чем в менее плодородных (нечерноземных), располагавшихся в основном в Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах, а из черноземных полос прирост был значительнее в многоземельной и менее заселенной.

На динамику численности населения Центральной России влияли также миграционные потоки в Сибирь. Рассматривая вопрос, из каких губерний региона направлялись переселенцы, следует отметить, что переселение по отдельным районам было весьма неравномерным. Об этом свидетельствуют подсчитанные данные с 1896 по 1912 гг. Так, из Северо-Западного района численность выходцев была минимальной – 26,8 тыс.чел., или 0,5% всех выходцев Европейской России; несколько больше их было из Центрально-Промышленного района – 80,2 тыс.чел., или 1,8%; значительным был миграционный поток из Поволжья – 377,9 тыс.чел., или 8,7%, и самым большим был выход из Центрально-Земледельческого района – 1086,7 тыс.чел., или 24,0%. В целом из-за миграций в Сибирь дефицит прироста населения Центральной России в указанный период составил 1571,6 тыс.чел., или 35,0% всего дефицита прироста Европейской России.[4]

Отмечая, что с конца XIX в. учет переселенцев велся полнее, В.В.Покшишевский в то же время писал, что переселения в Сибирь охватывали крестьянство всей Европейской России, усиливаясь, во-первых, там, где особенно велика была нужда, во-вторых, где отсутствие общины делало самого крестьянина более подвижным, в-третьих, в местностях, географически лучше связанных с Сибирью.[5] При этом положение новых путей, связанных с южными участками Сибирского миграционного потока, совпадало с распространением аграрного кризиса в южной степной части Поволжья и Заволжья и в некоторых губерниях Центрально-Земледельческого района, дополнительно вовлекало в движение большое число выходцев из этих губерний, что отрицательно влияло на динамику роста численности населения.

При этом следует выделить отдельные губернии Центральной России с наиболее значительным числом переселенцев в Сибирь с 1885 по 1914 гг. В этот период из Курской губернии переселилось 303,5 тыс.чел. семейных переселенцев, из Воронежской – 237,5 тыс.чел., из Тамбовской – 198,0 тыс.чел. , из Орловской – 161,4 тыс.чел., из Самарской – 157,0 тыс.чел;, из Пензенской – 124,4 тыс.чел., из Саратовской – 100,2 тыс.чел. В целом по причине миграций в Сибирь дефицит прироста населения указанных губерний составил 1287,0 тыс.чел. Наиболее "пострадавшими" в этом отношении губерниями Центральной России были Курская, Воронежская и Тамбовская, потерявшие более половины из общей массы выходцев семи губерний – 744,0 тыс.чел.[6]

На динамику численности населения Центральной России отрицательно влияли исключительно тяжелые условии жизни и высокая смертность переселенцев. К примеру, П.П.Семенов на основании своего личного ознакомления с условиями переселения крестьян утверждал, что при переселениях население значительно убывало. Убыль в рядах переселенцев центральных губерний составляла от 5 до 10%; погибали главным образом дети и старики. Во время переездов переселенцев на железных дорогах, пароходах и в особенности на перевалочных пунктах потери людей достигали 30%.[7]

Н.Д.Телешов указывал, что при переселении в Сибирь инфекционные заболевания и смертность достигали неслыханных размеров. "Умирает здесь множество народа, и фраза переселенца, что они здесь "проедаются да детей хоронят", – сущая правда",[8] – писал он.

Одним из наиболее характерных явлений развития России по пути рынка и предпринимательства являлся процесс значительного роста численности городского населения. Особенно интенсивно рост городов наблюдался в 1900-е гг. Темпы роста численности городского населения Центральной России были гораздо более высокими по сравнению с ростом всего населения региона. С 1897 по 1914 гг. численность городского населения возросла на 54,3%, немного уступая общеимперским показателям – 58,4%, тогда как численность

всего населения в Центральной России увеличилась на 34,1%, незначительно превосходя показатели России – 33,7%.[9] В течение всего изучаемого периода на ускорение роста городского населения существенное влияние оказало развитие промышленности и увеличение общей численности рабочих, занятых на фабриках и заводах. Но при этом нельзя забывать, что и по данным, относящимся к началу 1914 г., абсолютная численность городского населения и его удельный вес в отношении к общей численности населения продолжали оставаться невысокими.

В табл.11 приведены данные о численности населения 23 губернских центров в 1897-1914 гг., а также подсчитаны показатели прироста населения этих городов. Из табл.11 видно, что при среднем росте всего населения губернских городов Центральной России в 1,6 раза отдельные города в значительной степени различались по темпу роста населения. Так, за рассматриваемый период численность обеих столиц возросла в 1,7 раза каждая; за те же годы численность населения Пскова, Новгорода, Владимира, Твери, Курска, Воронежа увеличилась только в 1,1-1,2 раза.

Таблица 11

Численность населения губернских городов Центральной России в 1897-1914 гг.*

Города	Численность населения, тыс. чел.		Прирост населения, на ...чел.
	1897 г.	1914 г.	с 1897 по 1914 г.
1	2	3	4
1. Петербург	1264,9	2118,5	853,6
2. Москва	1038,6	1762,7	724,1
3. Саратов	137,1	235,3	98,2
4. Казань	130,0	194,2	64,2
5. Астрахань	112,9	154,5	41,6
6. Самара	90,0	143,8	53,8
7. Тула	114,7	139,7	25,0
8. Нижний Новгород	90,1	111,6	21,5
9. Ярославль	71,6	111,2	39,6

Окончание табл.11

1	2	3	4
10. Орел	69,7	96,2	26,5
11. Воронеж	80,6	93,7	13,1
12. Курск	75,7	87,8	12,1
13. Пенза	60,0	78,9	18,9
14. Тамбов	48,0	71,2	23,2
15. Кострома	41,4	68,7	27,3
16. Тверь	53,5	63,9	10,4
17. Калуга	49,5	56,3	6,8
18. Симбирск	41,7	55,2	13,5
19. Рязань	46,1	49,4	3,3
20. Псков	30,5	34,1	3,6
21. Владимир	28,5	32,7	4,2
22. Новгород	25,7	28,2	2,5
23. Петрозаводск	12,5	16,4	3,9
Итого:	3713,3	5804,2	2090,9

*Составлено и подсчитано по: РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.68. Л.1-4; Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С.105; Статистический сборник 1914 г. Пг., 1915. С.191.

Высокий прирост населения в изучаемый период наблюдался в крупных торгово-промышленных центрах региона – Петербурге, Москве, Саратове, Самаре, Казани. В изучаемый период численность населения указанной группы городов возросла в 1,5-1,7 раза, или в несколько большем темпе, чем росло все городское население Центральной России. Численность населения отдельных городов, главным образом в промышленных и во вновь заселявшихся районах, увеличивалось в еще более интенсивном темпе.

Следует отметить, что особенности социально-экономического развития России в некоторой степени затрудняли определение фактического роста городского населения в регионе. Касаясь роста промышленного населения, следует отметить, что его рост можно на-

блюдать в чистом виде лишь тогда, когда имелась территория уже заселенная. Населению такой территории нет другого выхода, как мигрировать в промышленные центры или в другие страны. Это относится прежде всего к Центрально-Промышленному и Центрально-Земледельческому районам. Но обстоятельства существенно менялись в слабозаселенных губерниях Северо-Западного района (кроме Петербургской) и в части степного Поволжья и Заволжья. Население таких территорий, выталкиваемое из земледелия в заселенном районе, может перейти в незаселенные части территории и взяться за обработку новой земли. В таком случае получался рост земледельческого населения, и этот рост шел не менее быстро, чем рост индустриального населения.

Центральная Россия в изучаемый период демонстрировала одновременное проявление обоих процессов. С одной стороны, в южные и восточные окраины страны направлялся громадный поток переселенцев из Центрально-Земледельческого района С другой стороны, шел параллельный процесс с образованием нового земледельческого населения на новых землях, отвлечение населения от земледелия к промышленности.

С 1897 по 1914 гг. все население Центральной России возросло на 38,6%, в том числе городское – на 43,0%, сельское – на 34,1%. Обе столичные губернии здесь лидировали в приросте городского населения: общий удельный вес прироста населения в них составил 45,7%, городского – 65,5%, сельского – 25,8%. В Севере-Западном района (без Петербургской губернии) численность населения выросла на 34,5%, в том числе городского – на 37,3%, сельского – на 31,7%; в Центрально-Промышленном соответственно – 34,7%, 39,2% и 30,2%, в Центрально-Земледельческом – 37,6%, 41,6% и 33,6%; в Поволжском – 47,4%, 53,7% и 41,0%.[10]

На рост численности населения влияли также следующие факторы. Из Центрально-Промышленного района и обеих столичных губерний миграция в другие района была очень слабая, из Центрально-Земледельческого района миграция была весьма интенсивной, отчасти в предыдущий район, в том числе в обе столичные губернии, но главным образом в Повóлжье, район, заселявшийся в пореформенную эпоху. Удельный вес городского населения во всех этих районах отличался незначительно от удельного веса городского населения всей Европейской России.

В Центрально-Промышленном районе наблюдалось особенно быстрое повышение доли городского населения, рост сельского населения здесь очень слаб, почти вдвое слабее, чем по всей России в целом; рост городского населения, напротив, значительно выше среднего. В Центрально-Земледельческом районе видна иная картина: процент городского населения здесь еще невысок и возрастает медленно; увеличение населения, как городского, так и сельского, здесь значительно слабее, чем в среднем по России. Объяснение этого явления в том, что из этого района шел громадный поток переселенцев на окраины. В Поволжье процент городского населения увеличился несколько меньше среднего. Между тем, динамика роста городского населения здесь была не только не слабее, но гораздо выше среднеимперской. Отвлечение населения от земледелия к промышленности шло очень сильно, но на него накладывался громадный рост земледельческого населения вследствие миграционных процессов. По отдельным губерниям это "затемнение" процесса индустриализации населения еще нагляднее.

Используя данные ЦСК МВД и материалы переписи 1897 г., определим долю городского населения Центральной России к началу XX в. в 12,9%, а к началу 1914 г. – в 15,3%. О пределах возможных поправок и уточнений данных о городском населении можно судить по следующим соображениям. В.П.Семенов-Тян-Шанский считал необходимым при определении численности городского населения обязательно учитывать и население тех населенных пунктов, которые официально не отнесены к городским селениям, но являлись торгово-промышленными. На основании ряда подсчетов он писал, что городское население в указанных территориальных пределах (Европейская Россия с Предкавказьем, но без зауральских городов и Финляндии) считалось в 1897 г. достигшим 13% всего населения; им же установлено – 15% всего населения.

Таким образом, если принять эту поправку В.П.Семенова-Тян-Шанского, то удельный вес городского населения в отношении к общей численности всего населения Центральной России будет составлять на 1 января 1914 г. не 15,3%, а 17,3%.[11]

Уместно привести показатели на 1 января 1914 г. численности и удельного веса городского населения отдельных губерний Центральной России, подсчитанные по сведениям ЦСК МВД: Петербургская – 2338,9 тыс.чел., или 73,9% всего населения, Москов-

ская соответственно – 1900 тыс.чел., 52,9%, Ярославская – 207,6 тыс.чел., 16,0%, Саратовская – 518,0 тыс.чел., 15,8%, Астраханская – 187,9 тыс.чел., 14,3%, Владимирская – 276,6 тыс.чел, 12,6%, Тульская – 225,1 тыс.чел., 11,9%, Орловская – 320,0 тыс. чел., 11,6%, Казанская – 280,1 тыс.чел., 9,8%, Пензенская – 187,1 тыс.чел., 9,8%, Калужская – 132,8 тыс.чел., 9,0%, Курская – 290,5 тыс.чел., 8,9%, Нижегородская –179,9 тыс.чел., 8,7%, Тамбовская – 304,4 тыс.чел., 8,6%, Олонецкая – 36,1 тыс.чел., 7,8%, Костромская – 138,0 тыс.чел., 7,6%, Тверская – 179,2 тыс.чел., 7,5%, Симбирская – 151,5 тыс.чел., 7,3%, Рязанская – 200,0 тыс. чел., 7,2%, Новгородская – 110,1 тыс.чел., 6,6%, Псковская – 92,1 тыс. чел., 6,5%, Самарская – 242,2 тыс.чел., 6,4%, Воронежская – 207,4 тыс.чел., 5,7%.[12]

Удельный вес городского населения был наиболее высоким в столичных губерниях – Петербургской (73,9%) и Московской (52,9%). Сравнительно высокий удельный вес городского населения можно отметить в Ярославской (16,0%) и Саратовской (15,8%) губерниях. В данном случае сказалось влияние численности населения большого губернского города. Наиболее низким был процент городского населения в губерниях Новгородской (6,6%), Псковской (6,5%) и Воронежской (5,7%).

Можно проследить также значительные колебания в темпе прироста городского населения в связи с размерами города в период с 1897 по 1914гг. В городах, имевших св. 50 тыс.чел. населения, прирост составил 64,8%, в городах численностью 10-80 тыс.чел. прирост был равен 47,1%, а в малых городах до 10 тыс.чел. – 28,3%.[13] Следовательно, за рассматриваемые 17 лет наивысший прирост наблюдался в столичных и наиболее крупных губернских центрах, значительным он был и в средних городах, и незначительным приростом населения отличались малые уездные и заштатные города.

О сравнительно высокой концентрации городского населения Центральной России к началу 1914 г. можно судить по данным о численности населения в губернских центрах региона (см.табл.45) Согласно общеимперским данным, 9 губернских городов (включая 2 столичных) вошли в числе 29 самых крупных городов России с численностью населения св.100 тыс.чел. Это обе столицы – Петербург и Москва, а также Саратов, Казань, Астрахань, Самара,

Тула, Нижний Новгород и Ярославль. Таким образом, сюда вошел один город Северо-Западного района, три города Центрально-Промышленного района, один город Центрально-Земледельческого района и четыре города Поволжья.

В этой небольшой группе самых крупных городов Российской империи к началу 1914 г. проживало 9346,9 тыс.чел., что составляло ок. 40% всего городского населения страны. В 9 городах Центральной России проживала 4971,5 тыс.чел., или св. 20% всего населения в городах империи, что равнялось более половины населения 29 крупнейших городов. Следовательно, население городов, представлявших из себя крупные индустриальные и торговые центры, росло гораздо быстрее, чем население других городов.

Для исследуемого периода весьма характерным оказался высокий прирост населения пригородов крупных центров страны и особенно Петербурга. Население пригородов, как правило, была тесно связано в своей трудовой деятельности с экономикой самого города. Это явление можно проследить на примере Петербурга, абсолютная численность и удельный вес населения пригородов которого были весьма значительными, о чем свидетельствуют данные табл.12. Удельный вес численности населения пригородов в отношении к общей численности населения Петербурга непрерывно возрастал и за 14 лет увеличился более чем в 1,5 раза.

В пригородах Москвы наблюдался более повышенный прирост населения по сравнению с ростом жителей самой Москвы и окраин, входивших в черту города. Так, с 1897 по 1912 г. население Москвы возросло с 978,5 тыс. до 1398,9 тыс.чел., пли на 43%: население пригородов за эти 15 лет увеличилось с 60,1 тыс. до 218,3 тыс. чел., или в 3,6 раза. В результате этого удельный вес численности населения пригородов в общей численности населения Москвы повысился с 5,8% в 1897 г. до 13,5% в 1914 г.(табл.13,14).

Процессы общего высокого роста населения, и притом весьма неравномерного по отдельным районам Центральной России, оказали существенное влияние на показатели плотности населения как в целом по региону, так и в отдельных губерниях. Переходя к освещению вопроса о плотности населения, следует сказать, что обычные представления об исключительно низкой плотности населения Российской империи были вызваны тем, что главнее внимание обращалось на показатели плотности населения, исчисленные в отношении

всей огромной территории страны. Но эти общие показатели безусловно являются недостаточными. Учитывая большие различия в плотности населения в отдельных районах страны и региона, необходимо выявить по возможности дифференцированные показатели.

Таблица 12

Численность населения Петербурга с пригородами в 1897-1910 гг.*

Годы	Численность населения, тыс. чел.		
	город	пригороды	всего
1897	1130,4	134,5	1264,9
1900	1246,1	191,5	1439,6
1910	1597,0	308,6	1905,6

*Составлено и подсчитано по: Население С.-Петербурга по переписи 15 декабря 1900 г.: Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901-1902 гг. Пг., 1902. С.13; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.3; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.9-10; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Пг., 1935. С.13.

Таблица 13

Численность населения Москвы в 1897-1914 гг.*

Годы	Численность населения	
	тыс.чел.	%
1897	1038,6	100,0
1902	1174,7	113,1
1907	1345,7	129,6
1912	1617,7	155,8
1914	1762,7	169,7

*Составлено и подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января 1902 г.: Возрастной состав населения Москвы и ее пригородов. М., 1903. Вып.III. С.12-21; Статистический атлас г.Москвы и Московской губернии. М., 1922. Вып.I. С.20.

Таблица 14

Численность населения Москвы в 1897-1915 гг.*

Годы	Численность населения, тыс. чел.		
	центр	окраины	всего
1897	357	685	1042
1902	357	822	1179
1907	383	967	1350
1912	436	1182	1618
1915	519	1465	1984

*Составлено и подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января 1902 г. ... Вып.III. С. 12-21; Статистический атлас г.Москвы и Московской губернии. М., 1924. . Вып.I. С.20.

Средние показатели плотности населения Центральной России приближались к аналогичным показателям Европейской России, немного уступая последним, в то время как эти показатели по районам исследуемого региона изменились более существенно. Они составили в 1897 и 1914 гг. соответственно: в Северо-Западном районе – 25,0 чел. на 1 кв. версту и 34,4 чел. на 1 кв. версту, увеличившись на 9,4 чел., или в 1,4 раза; в Центрально-Промышленном – 40,0 чел., 54,1 чел., на 14,1 чел., в 1,4 раза; в Центрально-Земледельческом – 48,8 чел., 67,2 чел., на 18,4 чел., в 1,4 раза; в Поволжье – 26,3 чел., 35,5 чел., на 9,2 чел., в 1,3 раза (табл.15.)

Данные таблицы свидетельствуют о больших различиях в плотности населения по отдельным губерниям. Так, к началу 1914 г. на 1 кв. версту приходилось жителей в Московской губернии – 122,8 чел., в Петербургской – 80,0 чел., в то время как в Астраханской и Олонецкой губерниях эти показатели равнялись соответственно – 6,3 чел. и 4,1 чел. Средняя плотность населения Московской губернии превосходила среднюю плотность населения Астраханской губернии в 19,5 раза, а Олонецкой – в 30,0 раза; аналогичные показатели Петербургской губернии в отношении двух последних были 12,7 раза и 19,5 раза.

Таблица 15

Плотность населения Центральной России в 1897-1914 гг.*

Губернии и районы	Плотность населения на 1 кв. версту	
	1897 г.	1914 г.
1	2	3
1. Петербургская	53,9	80,0
2. Псковская	29,6	37,5
3. Новгородская	13,2	16,0
4. Олонецкая	3,2	4,1
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	24,9	34,4
5. Московская	83,1	122,8
6. Владимирская	35,4	47,3
7. Калужская	41,7	54,3
8. Тверская	31,3	42,1
9. Ярославская	34,3	41,6
10. Костромская	18,8	24,7
11. Нижегородская	35,2	45,9
Всего: II. Центрально-Промышленный	9,9	54,1
12. Курская	58,1	79,8
13. Орловская	49,5	67,3
14.Тамбовская	45,9	60,3
15. Воронежская	43,7	62,7
16. Пензенская	43,1	56,6
17. Рязанская	48,9	75,3
18. Тульская	52,2	69,3
Всего: III. Центрально-Земледельческий	48,8	67,2
19. Казанская	38,8	51,2
20. Самарская	20,1	28,6
21. Саратовская	32,4	44,0
22. Симбирская	35,1	47,5

Окончание табл.15

1	2	3
28. Астраханская	5,3	6,3
Всего: IV. Поволжье	26,3	35,5
Итого: Центральная Россия	35,0	47,8
Итого: 50 губерний Европейской России	36,4	49,8

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения. Т.1. С.17; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С.18.

Эти общие данные уместно дополнить некоторыми более детальными – на отдельные даты. На 1 января 1914 г. из 23 губерний Центральной России с населением 54466,2 тыс.чел. только в двух губерниях плотность населения составляла 80 чел. и выше на 1 кв. версту, в них проживали 6727,8 тыс.чел., или 12,3% всего населения региона. В шести губерниях приходилось жителей от 60 до 80 чел. на 1 кв. версту, там проживало 17859,3 тыс.чел., или 32,8%; в десяти губерниях – от 30 до 60 чел. на 1 кв. версту, в них проживало 20802,5 тыс.чел., или 38,2%, в трех губерниях – от 15 до 30 чел. на 1 кв. версту, в них проживало 7294,9 тыс.чел., или 13,4%, и, наконец, в двух губерниях – ниже 15 чел. на 1 кв. версту – проживало 1781,7 тыс.чел., или 3,3%.

Как видим, к началу 1914 г. лишь в пяти губерниях на 1 кв. версту приходилось менее 30 чел. В этих губерниях проживало 9076,6 тыс.чел., или 16,7% общей численности населения 23 губерний Центральной России. В восьми губерниях на 1 кв. версту приходилось от 60 до 80 чел. и выше и проживало 24587,1 тыс.чел., или 45,1% общей численности населения. Наибольшее же количество населения проживало в шестнадцати губерниях с плотностью от 30 до 80 чел. на 1 кв. версту – 38661,8 тыс.чел., или 71,0%.[14]

По данным подсчетам, резкого различия в плотности населения трех районов Центральной России – Центрально-Промышленного, Центрально-Земледельческого и Поволжского – не было; исключение составлял Северо-Западный район, где средняя плотность была 19,2 чел. на 1 кв. версту (в данном случае в подсчеты не включена столичная Петербургская губерния). Плотность населения Центральных губерний региона являлась сравнительно высокой. Наиболее населенным географическим ареалом Центральной России были губернии Московская, Калужская, Курская, Орловская, Рязанская, Тульская и др.

Данные о средней плотности населения отдельных районов и губерний безусловно не являются вполне достаточными для конкретного представления о высокой степени дифференциации показателей плотности населения по всей Центральной России. Необходимо учесть, что и в пределах губернии, а многие губернии занимали весьма значительные территории, наблюдались заметные различия по плотности населения. Поэтому считаем целесообразным привести по рассматриваемому вопросу еще некоторые показатели.

К началу XX в. возрастной состав населения Центральной России характеризовался следующими показателями. В городах региона на 100 чел. приходилось в возрасте 0-1 год – 2,7 чел., 1-15 лет – 27,3 чел., 15-60 лет – 63,7 чел., 60 лет и выше – 6,3 чел., неизвестного возраста – 0,1 чел.; в селах соответственно – 3,5 чел., 36,2 чел., 53,3 чел., 6,9 чел., 0,1 чел. Таким образом, на 100 чел. населения приходилось в рабочем возрасте 15-60 лет в городах – 63,7 чел., в селах – только 53,3 чел. Соответствующие показатели для детей в возрасте до 15 лет – 27,3 чел. и 36,2 чел. Как видим, больше детей указанных возрастов имелось в селах. Средние показатели младенцев в селах также превышали городские; соответственно: в городе – 2,7 чел., в селе – 3,5 чел.[15]

В подсчет были включены данные подворных земских переписей, произведенных преимущественно после всеобщей переписи населения 1897 г., в которых возрастные интервалы были примерно одинаковыми.

Удельный вес младенцев и детей мужского пола до 6 лет составил 21,6%, детей и подростков мужского пола 7-17 лет – 24,5%, мужчин 18-59 лет – 48,0%, мужчин 60 лет и старше – 5,9%. Доля младенцев и детей до 6 лет женского пала составила 21,4%, детей и

подростков женского пола 7-15 лет – 20,3%, женщин 16-64 лет – 49,3%, женщин 55 лет и старше – 9,0%. Сельских жителей обоего пола: до 6 лет было 21,5%, детей и подростков до 17 лет – 22,4%, взрослых до 59 лет – 48,6%, пожилых и престарелых 60 лет и старше – 7,5%, всех возрастов – 100,0%.[16]

Особенностью распределения по возрастным группам у мужчин и женщин был тот факт, что у мужчин старшая возрастная группа была несколько пониженной, чем у женщин. Группа рабочего возраста составляла 48,6% общей численности сельского населения.

В табл.16,17 приведены данные о распределении сельского населения ряда губерний Центральной России по возрасту и полу с 1894 по 1913 г. Из этих таблиц видно, что в губерниях со сравнительно высокими показателями рождаемости удельный вес детского населения был высоким, а процент населения в рабочем возрасте был менее значительным. Вместе с тем, в некоторых губерниях с большей долей населения, занятого в промышленности и отхожих промыслах, таких, как Московская, Ярославская, удельный вес населения рабочего возраста оказался несколько более высоким.

Таблица 16

Возрастная структура сельского населения ряда губерний Центральной России в 1894-1913 гг.*

Губернии	Численность населения, тыс.чел.	%				
		0-6 лет	7-13 лет	14-17 лет	18-59 лет	60 лет и выше
1	2	3	4	5	6	7
1.Владимирская	1331,3	19,3	12,8	8,1	50,3	9,5
2.Воронежская	314,4	22,1	13,0	8,7	50,5	5,7
3.Костромская	1053,5	22,5	13,5	6,0	49,8	8,2
4.Московская	62,1	22,0	11,0	7,8	52,3	6,9
5.Новгородская	293,9	20,4	13,6	9,4	50,1	7,0
6.Орловская	275,2	20,6	14,0	8,1	49,8	7,5

Окончание табл.16

1	2	3	4	5	6	7
7.Пензенская	129,5	21,8	17,8	6,2	47,1	7,1
8.Самарская	591,9	21,9	14,9	9,0	45,2	9,0
9.Тверская	1008,3	21,6	10,9	8,3	49,1	10,1
10.Тульская	1509,0	21,1	23,3	23,3	49,2	6,4
11.Ярославская	509,0	20,0	12,8	6,0	51,2	10,0
Итого:	7073,1	21,2	21,4	21,4	49,5	8,0

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918. Вып.I. С.65.

Таблица 17

Возрастно-половая структура сельского населения ряда губерний Центральной России в 1894-1913 гг.*

Губернии	Численность населения, тыс.чел.	Возрастные группы, лет				
		0-6	7-13	14-17	18-59	60 и выше
1	2	3	4	5	6	7
Мужчины						
1.Владимирская	639,9	19,7	15,4	7,8	49,8	7,3
2.Воронежская	161,9	22,0	15,2	8,4	49,7	4,7
3.Костромская	501,1	23,0	13,9	8,1	49,2	5,8
4.Московская	29,3	22,6	13,7	7,5	50,1	6,1
5.Новгородская	45,7	19,8	16,2	9,5	49,4	5,1
6.Орловская	138,0	20,6	16,0	8,0	48,5	6,6
7.Пензенская	64,4	21,8	18,1	8,1	46,5	5,6
8.Самарская	292,8	22,0	17,6	8,8	44,1	7,5
9.Тверская	482,6	22,0	13,6	8,0	49,4	7,3
10.Тульская	748,7	21,3	17,3	8,0	48,8	4,6
11.Ярославская	238,5	21,0	13,4	8,3	50,8	6,5
Итого	3342,9	21,4	15,5	8,2	53,2	6,1
Женщины						
1.Владимирская	691,5	18,8	10,4	8,4	50,7	11,7
2.Воронежская	157,5	22,1	10,7	9,0	51,4	9,1

Окончание табл.17

1	2	3	4	5	6	7
3.Костромская	542,4	22,1	13,1	3,9	50,4	10,5
4. Московская	32,7	21,4	8,5	8,1	54,3	7,7
5.Новгородская	48,2	18,9	11,3	9,3	51,7	8,8
6.Орловская	137,1	20,6	12,6	8,3	50,7	8,4
7.Пензенская	65,2	21,8	17,7	4,3	47,7	8,5
8.Самарская	299,1	21,8	12,2	9,5	46,1	10,6
9.Тверская	520,6	21,2	8,4	8,7	49,0	12,7
10.Тульская	760,3	20,8	21,4	21,4	49,6	8,2
11.Ярославская	270,5	19,1	12,2	3,9	51,7	13,1
Итого	3525,1	20,8	19,3	19,3	50,3	9,9

*Составлено и подсчитано по: .Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918. Вып.I. С.65.

Изменения показателей возрастно-полового состава городского населения Центральной России с конца XIX в. по 1914 г. явились результатом значительных сдвигов в сериально-экономическом развитии страны.

О распределении городского населения Центральной России по полу с 1897 по 1914 г. свидетельствуют следующие данные: соответственно по годам на 100 мужчин приходилось 91 и 96 женщин. В среднем по России на 100 мужчин приходилось 88 и 93 женщины. Следовательно, к началу 1914 г. удельный вес женщин среди городского населения по сравнению с 1897 г. значительно повысился.[17]

В отношении ряда крупных городов приходится отметить некоторые особенности в распределении населения по возрасту и полу.

Рассмотрим данные о составе петербургского населения по полу в 1890-1910 гг. (см.табл.18) Темп роста численности женщин в Петербурге в первое десятилетие XX в. был более высоким по сравнению с темпом роста численности мужчин. Поэтому расхождение общей численности мужского и женского населения столицы в эти годы уменьшилось, сравнительно значительный рост дает

возрастная группа до 15 лет, в которой было в 1890 г. 22,2%, а в 1910 г. – 24,9% (табл.18-21). Заметно уменьшилась возрастная группа от 31 до 60 лет – с 34,9% в 1890 г. до 32,1% в 1910 г.

В 1910 г. в Петербурге на 100 мужчин приходилась 91 женщина. По этот показатель различался по отдельным возрастным группам. Женщины преобладали в группах ниже 10 лет и выше 51 года, а особенно в группах 60 лет и старше. Во всех остальных возрастных группах, главным образом в работоспособных и репродуктивных возрастах, преобладали мужчины (табл.18-21).

Таблица 18

Половая структура населения Петербурга в 1890-1910 гг., тыс.чел.*

Годы	Мужчины	Женщины	Оба пола
1890	512,7	441,7	954,4
1900	680,1	568,0	1248,1
1910	854,9	782,2	1637,1

*Составлено и подсчитано по: Население С.-Петербурга по переписи 15 декабря 1900 г.: Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901-1902 гг. СПб., 1903. С.13; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.3.

Таблица 19

Возрастная структура населения Петербурга в 1890-1910 гг., % *

Годы	Возрастные группы, лет					
	0-15	16-30	31-60	61 и старше	неизвестно	всего
1890	22,2	38,2	34,9	4,6	0,1	100,0
1900	23,1	39,8	32,8	4,2	0,1	100,0
1910	24,9	38,9	32,1	3,6	0,5	100,6

*Составлено и подсчитано по: Население С.-Петербурга по переписи 15 декабря 1900 г.: Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901-1902 гг. Пг., 1902. С.13; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг,, 1922. С.3.

Таблица 20

Возрастно-половая структура населения Петербурга с пригородами в 1910 г.*

Возрастные группы, лет	Численность населения, тыс. чел.		
	мужчины	женщины	оба пола
0-10	172,7	177,3	350,0
10-20	208,9	169,2	373,1
21-30	272,9	222,1	495,0
31-40	181,9	143,5	326,4
41-50	98,6	91,6	190,2
51-60	42,8	54,0	96,8
60 и выше	19,7	46,5	65,2
Итого:	997,1	906,5	1905,6

*Составлено и подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.3.

Таблица 21

Возрастно-половая структура населения Петербурга в 1900-1910 гг., ‰*

Возрастные группы, лет	1900 г.			1910 г.		
	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола
0-9	134,2	167,3	149,1	160,9	181,3	170,7
10-19	201,0	163,6	184,1	192,1	175,2	184,1
20-29	300,4	236,0	271,4	274,3	246,2	260,8
30-39	185,0	175,2	180,6	192,3	166,3	179,9
40-49	105,1	115,7	109,9	107,3	106,4	106,9
50-59	47,6	71,9	58,6	49,2	64,2	56,7
60-69	19,7	45,5	31,3	17,9	38,8	27,8
70-79	6,0	20,2	12,4	5,1	168	10,7
80 и выше	1,0	4,6	2,6	0,9	4,1	2,4

*Составлено и подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.3.

Следующие данные характеризуют распределение населения Петербурга по возрастным группам в 1910 г.: 0-10 лет – 17,1%, 11-20 лет –18,4%, 21-30 лет – 26,1%, 31-40 лет – 18,0%, 41-50 лет – 10,7%, 51-60 лет – 5,7%, 61-80 лет – 3,8%, 80 лет и выше – 0,2%, итого – 100,0%. К 1910 г. в столице проживала значительная часть трудоспособного населения репродуктивных возрастов; они составляли более половины всего населения – 54,8%. Немало было также детей и подростков – св. трети, или 35,5%. Удельный вес лиц пожилого и преклонного возраста был сравнительно незначительным – 9,7%.[18]

С 1897 по 1915 г. рост численности женского населения в Москве происходил в более интенсивном темпе, чем рост мужского населения. Как видно из табл.22, численность женщин, приходящаяся на 100 мужчин, непрерывно возрастала: с 76 в 1897 г. до 89 в 1915 г.

Таблица 22

Половая структура населения Москвы в 1897-1915 гг.*

Годы	Численность населения, тыс. чел.			Коэффициент женщин, ‰
	мужчины	женщины	оба пола	
1897	591,9	446,7	1038,6	75,5
1902	664,8	500,9	1174,7	78,7
1907	746,5	599,2	1345,7	80,3
1912	877,7	740,0	1617,7	84,3
1915	1048,9	934,8	1983,7	89,1

*Составлено и подсчитано по: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С.105; Статистический ежегодник России 1915 г. Пг., 1916. С.91; Главнейшие предварительные данные переписи Москвы ... Вып.III. С.12-21.

О распределении населения Москвы (без пригородов) по основным возрастным группам имеются данные переписей 1902 и 1912 гг. (табл.23). За рассматриваемые годы вполне определились существенные сдвиги в возрастном составе московского населения. Увеличился удельный вес двух возрастных групп – 0-9 лет и 20-29 лет, группа 30-39 лет в целом осталась стабильной, а удельный вес всех

остальных групп понизился. Следует также отметить, что среди московского населения значительное место занимало население рабочих и репродуктивных возрастов: в 1912 г. удельный вес населения 15-59 лет составлял 74,8%. Материалы переписей населения дают наглядное представление о значительном росте детского населения (0-9 лет) в Москве с 1902 по 1912 г.

Таблица 23

Возрастная структура населения Москвы в 1902-1912 гг.*

Возрастные группы, лет	Численность, чел.		%	
	1902 г.	1912 г.	1902 г.	1912 г.
0-9	146956	214229	13,5	15,3
10-19	208157	270363	19,1	19,4
20-29	288649	367866	26,4	26,4
30-39	201528	251424	18,5	18,0
40-69	193952	234458	17,8	16,8
60-79	48450	53901	4,4	3,9
80 и выше	2924	3299	0,3	0,2
Итого	1090616	1395520	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января 1902 г.: Возрастной состав населения Москвы и ее пригородов. М., 1903. Вып.III. С.12-21.

Более детально динамику роста численности детей в Москве с 1902 по 1912 г. отражают следующие данные по трем возрастным группам. Численность младенцев возросла с 23423 чел. до 31469 чел. (на 8046 чел., или на 34,4%); численность детей в возрасте 1-4 года увеличилась с 60698 чел. до 85470 чел. (на 24772 чел., или на 40,8%); численность детей в возрасте 5-9 лет увеличилась с 62835 чел. до 97290 чел. (на 34455 чел., или на 54,8%); всего численность младенцев и детей до 9 лет возросла с 146956 чел. до 214229 чел. (на 67273 чел., или на 43,3%).[19]

Таким образом, количество детей в возрасте до 9 лет возросло более чем на 67 тыс. Рост детского населения происходил в гораздо

более интенсивном темпе по сравнению с общим ростом всего населения; численность младенцев увеличилась при этом более чем на треть всего роста детского населения "второй" столицы.

Безусловно, что все приведенные данные и подсчеты в целом свидетельствуют о создании постоянного населения городов, проживавшего там се своими семьями. Различия в численности мужчин и женщин в городах стали менее значительными. В ряде крупных городов в более интенсивном темпе по сравнению с общим ростом всего населения происходило увеличение детского населения.

2. Естественное движение населения в городе и деревне

Исследование процессов естественного движения населения Центральной России в 1897-1914 гг. требует анализа его особенностей и вследствие того, что при довольно высоких показателях как общей, так и детской смертности прирост населения был довольно высоким.

Невозможно было ограничиться лишь общей характеристикой естественного движения населения. В течение всего изучаемого периода на огромной территории региона при разнообразии социально-экономических и санитарно-бытовых условий определились весьма значительные различия показателей естественного движения населения отдельных территорий. Наряду с местностями, в которых показатели естественного движения населения оставались в целом устойчивыми, имелись и такие территории, где происходило некоторое снижение показателей рождаемости и смертности. Учитывая все это, представляется целесообразным подсчитать и систематизировать основные данные и, в частности, относительные показатели естественного движения населения отдельных районов и губерний Центральной России.

Общеизвестно, в каких исключительно тяжелых экономических и санитарно-бытовых условиях находились низшие слои городского и сельского населения России в изучаемый период. Тяжелыми условиями жизни этих слоев был обусловлен процесс воспроизводства населения. Этого факта не могла скрыть и официальная статистика. В различных изданиях и отчетах можно найти немало ссылок на тяжелые условия и качество жизни населения.

Уместно привести соответствующие показатели естественного движения населения 23 губерний Центральной России за отдельные годы. Так, в 1897 г. рождаемость составила 50,0‰, смертность – 31,7‰, естественный прирост – 18,3‰; в 1898 г. соответственно 48,6‰, 33,2‰, 15,4‰; в 1899 г. – 49,3‰, 31,2‰, 18,1‰; в 1900 г. – 49,3‰, 31,1‰, 18,2‰; в 1901 г. – 47,9‰, 32,1‰,15,8‰; в 1902 г. – 49,1‰, 31,5‰, 17,6‰; в 1903 г. – 48,1‰, 30,0‰, 18,1‰; в 1904 г. – 48,6‰, 29,9‰, 18,7‰; в 1905г. – 45,0‰, 31,7‰, 13,3‰; в 1906 г. – 47,1‰, 29,9‰, 17,2‰; в 1907 г. – 47,5‰, 28,4‰, 19,1‰; в 1908 г. – 44,8‰, 28,3‰, 16,5‰; в 1909 г. – 44,7‰, 29,5‰, 15,2‰; в 1910 г. – 45,1‰, 31,5‰, 13,6‰; в 1911 г. – 45,0‰, 27,4‰, 17,6‰; в 1912 г. – 43,7‰, 26,5‰, 17,2‰; в 1913 г. – 43,1‰, 27,4‰, 15,7‰.[20]

Нельзя не обратить внимания на сравнительно большой прирост населения в 1897, 1899, 1900, 1903, 1904, 1907 гг. (от 18,1‰ до 19,1‰). Особо высокие показатели смертности наблюдались в 1898 г. – 33,2‰, в 1901 г. – 32,1‰, в 1905 г. – 31,7‰. Пониженный естественный прирост населения был в 1905 г. – 13,3‰, в 1909 г. – 15,2‰, в 1910 г. – 13,6‰. Сравнительно более высокий рост рождаемости происходил в годы относительно максимального роста промышленности 1897-1900 гг. Среднегодовой коэффициент умерших значительно возрос к концу XIX в. и уменьшился в 1897-1900 гг. и в 1911-1913 гг. Темп естественного прироста населения был более высоким в 1897-1900 гг.

Заслуживают внимания также показатели естественного движения населения Центральной России, исчисленные путем деления числа родившихся на число умерших. В приводимых ниже данных установлены отношения числа родившихся к числу умерших по 23 губерниям региона с 1896 по 1913 гг. по пятилетиям. Так, в 1896-1900 гг. этот показатель равнялся 154,4, в 1901-1905 гг. – 153,7, в 1906-1910 гг. – 155,1, в 1911-1913 гг. – 162,1, в среднем – 156,3. Таким образом, в среднем за 1896-1913 гг. число родившихся превышало число умерших в 1,6 раза.[21]

Рассмотрим сводные показатели рождаемости населения региона. Подсчеты коэффициентов рождаемости за каждые пять лет в 1896-1913 гг. по районам и губерниям представлены в табл.24. Очевидно, что для большинства губерний средние показатели рождаемости по пятилетиям являлись в целом устойчивыми. Из этой таблицы видно также, что за 17 лет значительно уменьшились

показатели рождаемости почти по всем губерниям Северо-Западного района, по некоторым губерниям Центрально-Промышленного района; незначительно снизились эти показатели по Центрально-Земледельческому и Поволжскому районам.

Рождаемость в Центральной России характеризуется также данными о количестве рождений, приходящихся на каждый заключенный брак. Подсчеты по этим данным сгруппированы в табл.25. В среднем по 23 губерниям Центральной России в 1910 г. на заключенный брак приходилось 5,8 рождений, что было несколько выше показателей Европейской России – 5,3. Однако по районам региона эти показатели были близкими, за исключением Северо-Западного, где наблюдался наименьший показатель – 5,3. Наиболее высокими показателями отличались группы губерний Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. В четырех губерниях – Тульской, Пензенской, Тамбовской и Нижегородской – были наивысшие показатели – 6,6-6,8 рождений.

Несомненно, что в общем приведенные показатели являются несколько преуменьшенными, так как имел место недоучет рождений церковной статистикой и государственными структурами.

Таблица 24

Рождаемость населения Центральной России в 1896-1913 гг., ‰*

Губернии и районы	1896-1900 гг.	1901-1906 гг.	1906-1910 гг.	1911-1913 гг.	В среднем за 1896-1913 гг.
1	2	3	4	5	6
1. Петербургская	32,8	33,4	31,3	29,3	31,7
2. Псковская	45,2	42,5	41,5	39,1	42,1
3. Новгородская	41,6	40,4	41,1	42,0	41,3
4. Олонецкая	45,3	44,5	45,9	45,8	45,4
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	41,2	40,2	40,0	39,1	40,1
5. Московская	39,7	39,2	40,7	39,6	39,8
6. Владимирская	47,1	45,9	43,1	40,2	44,1
7. Калужская	52,6	53,8	46,9	46,5	50,0
8. Тверская	45,0	45,0	42,1	40,1	43,1

Окончание табл.24

1	2	3	4	5	6
9. Ярославская	37,6	39,6	38,0	36,4	37,9
10. Костромская	47,6	46,8	45,5	45,1	46,3
11. Нижегородская	52,8	51,2	49,8	46,0	50,0
Всего: II. Центрально-Промышленный	46,1	45,9	43,7	42,0	44,4
12. Курская	51,4	50,9	44,3	46,4	48,3
13. Орловская	52,7	52,1	47,5	44,8	49,3
14. Тамбовская	50,1	49,7	49,2	47,2	49,1
15. Воронежская	56,6	54,3	50,8	48,8	52,6
16. Пензенская	54,7	52,5	52,5	48,7	52,1
17.Рязанская	50,2	47,3	44,5	40,6	45,7
18.Тульская	56,9	51,4	47,9	44,0	50,1
Всего: III. Центрально-Земледельческий	53,2	51,2	48,1	45,8	49,6
19. Казанская	48,3	47,5	45,2	42,8	46,0
20. Самарская	57,6	58,3	55,4	55,0	56,6
21. Саратовская	55,9	53,1	49,0	47,2	51,3
22. Симбирская	52,4	53,8	53,8	49,5	52,4
23. Астраханская	-	52,8	55,7	54,1	54,2
Всего: IV. Поволжье	53,6	53,1	51,8	49,7	52,1
Итого: Центральная Россия	48,5	47,6	45,9	44,2	46,6
Итого: 50 губерний Европейской России	49,5	47,7	45,8	43,9	46,7

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. – М., 1956. С.267-168.

Таблица 25

Количество рождений на каждый заключенный брак в губерниях Центральной России в 1910 г.*

Губернии и районы	Количество рождений
1.Петербургская	5,1
2.Псковская	5,2
3.Новгородская	5,6
4.Олонецкая	5,1
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	5,3
5.Московская	6,1
6.Владимирская	6,0
7.Калужская	5,1
8.Тверская	5,9
9.Ярославская	4,9
10.Костромская	5,2
11.Нижегородская	6,6
Всего: II. Центрально-Промышленный	5,7
12.Курская	5,8
13.Орловская	5,5
14.Тамбовская	6,7
15.Воронежская	6,3
16.Пензенская	6,7
17.Рязанская	6,1
18.Тульская	6,8
Всего: III. Центрально-Земледельческий	6,3
19.Казанская	5,4
20.Самарская	6,1
21.Саратовская	5,8
22.Симбирская	6,1
23.Астраханская	5,5
Всего: IV. Поволжье	5,8
Итого: Центральная Россия	5,8
Итого: 50 губерний Европейской России	5,3

*Составлено и подсчитано по: Ращин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.167-168.

Рождаемость в Центральной России в изучаемый период отличалась одним из самых высоких зарегистрированных в мире уровней. Среднее значение общего коэффициента рождаемости в 1896-1913 гг., как видно из табл.26, равнялось соответственно – 46,7‰ и 46,6‰ и было намного больше, чем в странах Западной Европы.[22] В некоторых российских губерниях в отдельные годы величина коэффициента рождаемости превышала даже 60,0‰. Индекс общей рождаемости Коула в европейской части страны в начале XX в. равнялся 0,54 и был самым высоким на континенте.[23]

К сожалению, в России не велась регистрация рождаемости по возрасту матери и порядку рождения, за исключением Петербурга и, возможно, ряда других мест. Это затрудняет изучение возрастных особенностей рождаемости и определение величины суммарного коэффициента рождаемости, которая по существующим оценкам была также очень высокая. Так, по оценкам С.Захарова, суммарный коэффициент рождаемости в начале XX в. в Центральной России составлял 7,4. По оценкам Коула-Трассела, в 1913 г. он равнялся в регионе 6,2-6,4.[24]

В начале XX в. в Центральной России обнаружилась тенденция к снижению уровня рождаемости. По сравнению со странами Западной Европы это снижение было незначительным и запоздалым. С 1896-1900 гг. по 1911-1913 гг. коэффициент рождаемости снизился с 48,5‰ до 44,2‰ (см.табл.26). Однако на отдельных территориях и в сериальных группах, в большей степени подвергшихся процессу модернизации, демографический переход в рождаемости начался раньше и происходил достаточно интенсивно. С конца XIX в. по 1914 гг. наблюдалась значительная географическая неоднородность в уровне рождаемости населения Центральной России. Так, в 1896-1900 гг. общий коэффициент рождаемости в 23 губерниях региона варьировал между 32,8‰ и 57,6‰, а в 1911-1913 гг. – между 29,3‰ и 55,0‰. Причем в течение всего данного периода эта неоднородность, в отличие от смертности, возрастала. Существенные различия в динамике уровня рождаемости наблюдались между губерниями Северо-Западного района и других районов Центральной России. При этом максимальные значения общего коэффициента рождаемости, которые наблюдались в поволжских, а также в некоторых центрально-земледельческих губерниях практически не изменились, а минимальные в северо-западных губерниях устойчиво снижались (табл.26, 27).

Таблица 26

Соотношение рождаемости городского и сельского населения Центральной России в 1911-1913 гг.*

Губернии и районы	Города, ‰	Села, ‰	Рожденные в селах к рожденным в городах, %
1	2	3	4
1. Петербургская	28,5	31,5	110,6
2. Псковская	36,4	39,3	106,0
3. Новгородская	40,1	42,1	106,0
4. Олонецкая	37,8	46,4	123,0
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	35,7	39,8	111,7
5. Московская	35,4	44,0	124,3
6. Владимирская	38,1	37,7	99,0
7. Калужская	36,4	47,1	129,4
8. Тверская	33,2	40,5	122,0
9. Ярославская	38,8	35,9	92,6
10. Костромская	51,9	44,7	86,2
11. Нижегородская	37,3	45,0	120,7
Всего: II. Центрально-Промышленный	38,7	42,1	110,6
12. Курская	37,5	47,1	125,6
13. Орловская	34,6	46,5	134,4
14. Тамбовская	38,6	47,7	123,6
15. Воронежская	32,2	49,6	154,1
16. Пензенская	45,0	48,9	108,7
17. Рязанская	39,0	40,6	104,3
18. Тульская	38,2	44,6	117,0
Всего: III. Центрально-Земледельческий	37,9	46,4	124,0
19. Казанская	34,8	43,5	125,0
20. Самарская	69,7	54,1	77,7

Окончание табл. 26

1	2	3	4
21. Саратовская	36,8	49,1	133,5
22. Симбирская	46,5	49,6	106,7
23. Астраханская	39,0	35,8	92,0
Всего: IV. Поволжье	45,4	46,4	107,0
Итого: Центральная Россия	39,4	43,7	113,3
Итого: 50 губерний Европейской России	33,1	43,9	132,6

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.247-249.

Приведенные подсчеты и таблицы отражают не только географическую, но отчасти и национально-этническую основу территориальной дифференциации динамики уровня рождаемости, Особенности динамики общего коэффициента рождаемости приближают северо-западные губернии к прибалтийским и даже к ряду стран Северной Европы. Однако о демографическом переходе к новому типу рождаемости этих губерний можно говорить лишь применительно к периоду после 1914 г. В центрально-промышленных, а особенно в центрально-земледельческих и поволжских губерниях демографический переход в рождаемости начался в последнюю очередь, к 1917 г.

В приводимой табл.26 даются сравнительные показатели рождаемости населения в городах и в сельской местности по отдельным районам и губерниям в 1911-1913 гг. Из данных таблицы видно, что в 18 губерниях показатели рождаемости в сельских местностях были выше, чем в городах; в 5 же губерниях рождаемость в городах была выше, чем в сельских местностях. Это явление наблюдалось во Владимирской, Ярославской, Костромской, Самарской и Астраханской губерниях.

Войны всегда были значительным ударом по уровню рождаемости в России. Массовая мобилизация мужского населения вызывала

разрыв прежних семейных связей и резко сокращала возникновение новых семейных союзов. Все это в скором времени выражалось в снижении рождаемости. В первое десятилетие XX в. наиболее сильное влияние на снижение рождаемости оказала русско-японская война, что и отражено в табл.27. Как видно, уже в 1905 г. коэффициент рождаемости сократился почти на 10% по сравнению с 1904 г. Это результат мобилизации в 1904 г. более 1 млн. молодых мужчин из губерний Центральной России на русско-японскую войну.

Таблица 27

Рождаемость населения Центральной России в 1904-1907 гг., ‰*

Годы	Рождаемость
1904	48,6
1905	44,9
1906	47,0
1907	47,2
Итого	46,9

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.167-168.

Национально-этническая дифференциация рождаемости, связанная с конфессиональной, показана в табл.28. Снижение рождаемости у православных с 1896 по 1910 г. произошло незначительно, всего на 6,5‰; у лютеран значительно больше – на 9,7‰; у католиков несколько меньше – на 7,4‰; почти на одинаковом уровне с лютеранами находились иудеи – на 10,4‰; практически не произошло снижения рождаемости у мусульман – на 1,2‰. Вместе с тем, общая тенденция, характерная дня народностей почти всех конфессий Центральной России, была на снижение рождаемости и постепенное приближение к новому демографическому переходу.

Снижение рождаемости в большей степени затронуло города, чем сельскую местность. Так, в 1913 г. общий коэффициент инертности для городского населения в среднем равнялся 30,2‰, для сельского – 48,8‰, индекс общей рождаемости Коула в начале XX в. для городского населения равнялся 0,39, а для сельского – 0,56.[25]

Если в Петербурге суммарный коэффициент в начале XX в. был небольшим – 3,2, то в сельской местности он достиг значительной величины. Так, результаты отдельных местных обследований показали, что рязанские крестьянки, независимо от семейного состояния, рожали в среднем 7,7 раза, костромские и ярославские – 8,0, воронежские – 8,9.[26]

О сословных различиях в уровне рождаемости дают представление следующие данные о возрастной структуре населения в 1910-х гг. Так, у дворян и чиновников доля детей до 10 лет и младенцев была 21,5%, детей и подростков до 20 лет – 18,7%; у купцов и мещан соответственно – 26,4% и 21,0%; у сельских сословий – 28,0% и 21,5%.[27] Как видим, привилегированные сословия отличались более низким удельным весом детских возрастов.

Таблица 28

Структура рождаемости по вероисповеданию населения Центральной России в 1896-1910 гг., ‰*

Вероисповедания	Годы		
	1896-1897	1900-1904	1910
Православные	53,6	51,1	47,1
Лютеране	32,0	29,2	22,3
Католики	37,9	36,5	30,5
Мусульмане	48,3	43,9	47,1
Иудеи	32,1	30,7	21,7

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.167-168.

Представление о повозрастных особенностях снижения рождаемости в Центральной России дают соответствующие расчеты по Петербургу. С 1890 по 1910 г. повозрастные коэффициенты рождаемости уменьшились во всех возрастных группах, но особенно заметно – в группе 20-34 года. Средний коэффициент рождаемости снизился с 3,31 в 1890 г. до 2,83 в 1910 г. При этом в распре-

делении детей по порядку рождения несколько уменьшилась доля последних по очередности. Доля первых двух детей в 1890 г. составила 36,7% всех рождений, в 1910 г. – 40,8%, третьих и четвертых детей – 29,7% и 29,0%, остальных – 33,6% и 30,2%.[28]

В 1900-х гг. в Центральной России в условиях почти полного отсутствия внутрисемейного регулирования деторождения уровень рождаемости и его дифференциация определились особенностями процесса брачности. Вне брака в России рождалось мало детей. В изучаемый период их доля в общем числе новорожденных составляла 2,9% и была одной из самых низких в Европе; в Англии эти показатели составляли 6,8%, во Франции – 7,1%, в Дании – 9%, в Австрии – 11,4%.[29]

Практически во всех губерниях центральной России (и в большинстве – Европейской) преобладал восточноевропейский тип брачности, для которого были характерны ранний возраст и всеобщность вступления в брак. Основой этого типа брачности и в XX в. являлась община и ее землепользования в условиях наличия значительных земельных угодий. Говоря об экономических стимулах ранней брачности у крестьян, Д.Н.Жбанков отмечал, что среди крестьян мужчины по достижении известного возраста должны были жениться по чисто экономическим соображениям, так как с помощью брака было принято основывать не только семью, но и хозяйство.[30]

При традиционном типе рождаемости характер грудного вскармливания (длительность периода, частота) был основным фактором, определявшим длительность интервала между рождениями и, в конечном итоге, общее число рождений в семье. Динамике изменений и географии лактационного поведения в Центральной России и его влиянию на уровень рождаемости не уделялось большого внимания в научной литературе.

Традицией предписывались следующие сроки кормления ребенка грудью. Известный этнолог Д.К.Зеленин отмечал, что обычно такое кормление продолжалось больше года, а в большинства случаев – до следующей беременности. Нормальным сроком считалось время "трех постов", то есть полтора-два года, поскольку учитывались только два поста в году – Великий и Успенский (в августе). Очень часто, однако, кормление грудью длилось три и

даже четыре года, так как существовало твердое убеждение, что в период кормления не может наступить новая беременность.[31]

У мусульман период кормления четко регламентировался Кораном: женщины кормили своих детей два полных года. Эти различия в лактационном поведении являлись главной причиной более низкой рождаемости у мусульманских народов.[32]

С учетом указанных сроков можно определить, что при относительно благоприятных условиях замужняя крестьянка могла родить за свою жизнь примерно 8-10 детей. Высокая младенческая смертность должна увеличить уровень естественной рождаемости за счет сокращения лактационного периода и интергенетических интервалов.

Вероятно, что в 1900-х гг. существовала тенденция к сокращению лактационного периода у немусульманских народов Центральной России. В основе тенденции лежала, в частности, растущая занятость женщин в общественном производстве в городах, а также в домашнем хозяйстве в деревнях, прежде всего в тех, где был развит отход мужчин на заработки. Согласно существовавшему трудовому законодательству женщине-работнице был положен только четырехнедельный послеродовой отпуск. Женщин из высших слоев общества ограничивать период кормления побуждали причины и косметического характера.

Об отходе от традиции у славянских народов свидетельствует уже упоминавшаяся литература по проблеме детской смертности, а также справочники по уходу за детьми. В них в начале XX в. отмечалось, что с 5-7 месяцев ребенка надо начинать прикармливать, а в 12-14 месяцев следовало отнимать от груди.[33]

Ограничивающее влияние внутрисемейного регулирования на рождаемость в Центральной России было незначительным. Об этом свидетельствуют чрезвычайно высокий уровень рождаемости и, в частности, существующие оценки брачной рождаемости. Так, по расчетам А.Г.Вишневского, в начале XX в. суммарный коэффициент брачной рождаемости был очень высоким – 9,4 ребенка на женщину.[34]

Если большинству населения Центральной России – крестьянам – различные методы предотвращения зачатия и плодоизгнания были мало известны, то среди горожан они были относительно распространены. Например, в 70-80-х гг. XIX в. костромская

крестьянка, жившая в браке до конца репродуктивного периода, рожала в среднем 9,2 ребенка, в 1900-х гг. – 10,2, в 1914-1915 гг. – 10,3.[35] В Петербурге средний коэффициент брачной рождаемости составлял почти 6,1 в 1890 г., а к 1910 г. снизился до 5,7.

Несмотря на строгие положения Российского законодательства, религиозные запреты, аборты и контрацепция постепенно получали распространение. С конца XIX в. многие журналы (например, известная "Нива") все чаще рекламируют соответствующую продукцию. На страницах журналов "Русская мысль", "Женское дело", "Женский вестник" и др. в 1900-х гг. уделялось немало места дискуссии о "неомальтузианстве". В одном из них говорилось, что "детопредупредительные меры создали целые отрасли промышленности, завоевали рынок. Только "роскошь" их услуг довольно долго не была доступна беднейшим слоям. Но ... всесильная конкуренция, понизив цены, гораздо убедительнее проповедей и пьес, и поэзии о спасительной роли этого течения способствовала его распространению в слоях пролетарских".[37]

Происхождение изменений в традиционной системе регулирования отношений между полами, по крайней мере городских слоев общества, отражала русская литература (от Чехова, Бунина, Розанова до Арцыбашева и Каменского).

В первом десятилетии проблема абортов и контрацепции становится одной из наиболее часто дискутируемых в обществе. Так, если на III съезде врачей в память Н.И.Пирогова в 1893 г. было представлено только 2 доклада по данной проблеме, то на XII съезде – это была уже центральная тема, обсуждение которой вызвало широкий общественный резонанс. На съезде криминалистов, состоявшемся в начале 1914 г., большинством голосов – 39 против 13 – было принято решение, что закон не должен больше причислять аборт к преступлениям.

Многие специалисты того времени рассматривали аборт как альтернативу детоубийствам, которые существовали в Центральной России. Известный русский гигиенист И.В.Гран отмечал, что искусственный выкидыш менее всего был распространен в деревне, однако детоубийство там случалось чаще, чем в городах, где, наоборот, аборт практиковался сплошь и рядом.[38]

Имеющаяся статистическая информация по отдельным больницам, исследования ряда ученых, юристов показывают, что к началу

первой мировой войны методы контроля рождаемости распространялись не только в высших сословиях, но и среди работниц в городах, начали проникать в крестьянские пригороды. Об их распространении свидетельствует обнаружившаяся с конца XIX в. тенденция к сокращению внебрачной рождаемости. Д.И.Багалей и Д.Миллер отмечали, что искать причину понижения внебрачной рождаемости следует не в усилении строгости нравов, а в широком развитии проституции, с одной стороны, и в большем распространении "презервативных и абортивных средств", с другой.[39]

Понижающее влияние на рождаемость оказывало значительное развитие отходничества, поскольку вело к временному прекращению супружеских отношений, а также к снижению уровня брачности. В исследованиях 1900-х гг. существование этой тенденции подтверждалось данными по отдельным уездам, волостям или выборочных обследований. Кроме того, отходники содействовали диффузии новых форм поведения из городов в уезды.

Социально-экономическую основу этих изменений можно связать с индустриализацией, урбанизацией, ростом грамотности, повышением уровня женской занятости, снижением уровня детской смертности и др. Это, в свою очередь, вело к формированию новых отношений между полами, в семье, потребности в детях и т.д., и, в конечном итоге, – к формированию нового типа репродуктивного поведения.

Б.Андерсон, Э.Коул и Е.Харм исследовали зависимость индекса брачной рождаемости от ряда факторов. Наиболее тесная корреляционная связь выявлена между рождаемостью и уровнем грамотности (для города – 0,454, для села – 0,699) и между рождаемостью в городах и долей женщин, занятых в промышленности (–0,691). Для других показателей, в том числе коэффициента младенческой смертности, теснота связи была невелика.

Ф.Грапп и Е.Джонс подтвердили роль уровня грамотности как фактора снижения рождаемости (–0,83). Влияние изменения ролей на рождаемость определялось показателем отношения уровня грамотности мужчин к уровню грамотности женщин (–0,77). Для других факторов (урбанизация, социальный строй) теснота связи была невелика.[40]

Влияние общинной организации русской деревни на демографическое развитие страны отмечалось в научной литературе. Аграрник П.Маслов считал, что общинный строй при чисто земледельческом хозяйстве побуждал к ранним бракам; общинники даже при

земельной тесноте аккуратно исполняли заповедь "плодитесь и размножайтесь"; "премия за рождаемость" уплачивалась из общего земельного фонда общинников, при этом многосемейные поднимались экономически, сокращая земельный фонд малосемейных.[41]

Проведенный анализ показал, что общинная организация являлась главный социальным фактором, определявшим высокий уровень рождаемости в Центральной России. Коэффициент корреляции между долей хозяйств, состоявших в крестьянской общине в 1897-1905 гг., и общий коэффициент рождаемости составил для 23 губерний региона 0,97, а в 1906-1910 гг. – 0,93. Иначе говоря, чем выше в губернии была доля частновладельческих крестьянских хозяйств, тем ниже в ней был уровень рождаемости.

Модернизация постепенно разрушала общину в русской деревне (этому особенно могла содействовать столыпинская реформа) и поэтому определяла направления эволюции рождаемости. Приведенные также коэффициенты корреляции рождаемости с другими индикаторами модернизации, из которых следует отметить показатели строки "среднее число лиц на одно домохозяйство" и "процент хозяйств с наемными рабочими".

Демографический переход, как правило, начинается с понижения смертности. Данные свидетельствуют, что в Центральной России в 1900-х гг. наблюдался традиционный тип смертности, который отличался огромным преобладанием экзогенных причин смерти, вытекавших из этого чрезвычайно быстрым вымиранием поколений и низкой средней продолжительностью жизни. Общий коэффициент смертности был одним из самых высоких в Европе, его средняя величина в 1896-1913 гг. составляла 31,8‰, что было немного выше показателя Европейской России – 29,9‰. Правда, по районам Центральной России средний коэффициент смертности обнаруживал некоторые колебания: в Северо-Западном районе – 29,0‰, в Центрально-Промышленном – 31,6‰, в Центрально-Земледельческом – 32,1‰, в Поволжье – 34,6‰ (табл.29).

В годы общественных бедствий (эпидемий, неурожаев или войн) уровень смертности значительно повышался, сокращая естественный прирост и порой численность населения в отдельных уездах, губерниях и даже в масштабах всей центральной части России.

Таблица 29

Смертность населения Центральной России в 1896-1913 гг., ‰*

Губернии и районы	1896-1900 гг.	1901-1905 гг.	1906-1910 гг.	1911-1913 гг.	В среднем за 1896-1913 гг.
1	2	3	4	5	6
1. Петербургская	26,6	26,6	26,2	22,3	25,4
2. Псковская	30,5	30,3	26,2	24,4	27,9
3. Новгородская	28,9	29,9	28,6	28,0	28,9
4. Олонецкая	33,1	34,8	33,7	33,9	33,9
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	29,8	30,4	28,7	27,2	29,0
5. Московская	31,9	30,3	30,4	28,0	30,2
6. Владимирская	34,3	31,3	29,7	26,3	30,4
7. Калужская	39,2	40,3	34,1	29,3	35,7
8. Тверская	31,7	33,0	30,1	26,6	30,4
9. Ярославская	28,3	30,2	28,4	25,1	28,0
10. Костромская	33,2	33,3	31,5	29,5	31,9
11. Нижегородская	38,3	35,5	33,8	30,7	34,6
Всего: II. Центрально-Промышленный	33,8	33,4	31,1	27,9	31,6
12. Курская	34,5	30,9	28,1	28,4	30,5
13. Орловская	37,0	34,5	32,2	27,6	32,8
14. Тамбовская	32,2	31,6	30,4	28,5	30,7
15. Воронежская	36,0	33,3	33,7	28,7	32,9
16. Пензенская	37,8	35,3	33,6	30,8	34,4
17. Рязанская	32,1	31,1	28,1	23,5	28,7
18. Тульская	41,2	35,9	33,1	29,1	34,8
Всего: III. Центрально-Земледельческий	35,8	33,2	31,3	28,1	32,1
19. Казанская	33,2	31,4	30,7	29,9	31,3
20. Самарская	38,5	38,6	38,0	34,7	37,5
21. Саратовская	38,3	34,7	32,4	30,6	34,0
22. Симбирская	36,3	35,5	34,1	32,1	34,5

Окончание табл.29

1	2	3	4	5	6
23. Астраханская	-	35,3	38,4	33,2	35,6
Всего: IV. Поволжье	36,6	35,1	34,7	32,1	34,6
Итого: Центральная Россия	34,0	33,0	31,5	28,8	31,8
Итого: 50 губерний Европейской России	32,1	31,0	29,5	27,1	29,9

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М.,.1956. С.187-188.

После последнего "голодного пика" в 1892 г. в Центральной России обнаружилась явная тенденция снижения общего коэффициента смертности и сокращения амплитуды его колебаний к 1913 г. (см.табл.29). Из таблицы видно, что значительно снизились показатели смертности в некоторых губерниях Центрально-Промышленного района – Московской, Ярославской и Владимирской, в ряде губерний Центрально-Земледельческого района – Рязанской и в двух губерниях Северо-Западного района – Петербургской и Псковской. Однако в большинстве губерний Центрально-Промышленного и Центрально-Земледельческого районов и во всех губерниях Поволжья смертность оставалась еще довольно высокой.

Показатели смертности в табл.30 подсчитаны без поправок на различие в возрастно-половом составе городского и сельского населения. Следует отметить значительные различия рассматриваемых показателей по отдельным губерниям. Так, в 12 губерниях Центральной России коэффициент смертности в среднем в 1911-1913 гг. в городах был выше, чем в сельских местностях, причем особенно высоким он был в Костромской, Самарской и Астраханской губерниях. В 11 губерниях более высоким оказался коэффициент смертности в селах. Причем амплитуда колебаний здесь была менее значительна.

Таблица 30

Соотношение смертности городского и сельского населения Центральной России в 1911-1913 гг.*

Губернии и районы	Города, ‰	Села, ‰	Умершие в селах к умершим в городах, %
1	2	3	4
1. Петербургская	22,3	22,6	101,4
2. Псковская	28,1	24,1	86,0
3. Новгородская	32,6	27,7	85,0
4. Олонецкая	31,5	34,1	106,3
Всего: Северо-Западный (Озерный)	28,6	27,1	95,2
5. Московская	26,4	29,7	112,6
6. Владимирская	26,7	26,2	98,2
7. Калужская	29,7	29,2	98,5
8. Тверская	25,6	26,6	104,0
9. Ярославская	29,6	24,2	82,0
10. Костромская	36,6	30,0	82,0
11. Нижегородская	28,1	30,9	110,0
Всего: II. Центрально-Промышленный	29,0	28,1	98,2
12. Курская	26,5	28,5	107,6
13. Орловская	23,1	28,1	122,0
14. Тамбовская	28,3	28,5	101,0
15. Воронежская	23,8	28,9	121,5
16. Пензенская	33,4	30,5	91,5
17. Рязанская	28,0	23,1	82,5
18. Тульская	29,2	29,1	99,7
Всего: III. Центрально-Земледельческий	27,5	28,1	103,7
19. Казанская	29,0	30,0	104,0
20. Самарская	57,0	33,6	59,0
21. Саратовская	27,4	31,1	113,6

Окончание табл.30

1	2	3	4
22. Симбирская	36,8	31,6	86,0
23. Астраханская	31,4	20,8	66,4
Всего: IV. Поволжье	36,3	29,4	91,7
Итого: Центральная Россия	30,4	28,2	97,2
Итого: 50 губерний Европейской России	23,9	26,5	110,8

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1356. С. 249-251.

Отсутствующие полные данные о возрастной структуре смертности, за исключением года первой всеобщей переписи населения, затрудняют изучение смертности в Центральной России, определение средней продолжительности предстоящей жизни. Однако подсчеты на основе данных С.А.Новосельского дали следующие результаты: из 100 родившихся умирало на первом году жизни в 1897-1901 гг. в среднем 26,0, в 1902-1906 гг. – 25,3, в 1907-1911 гг. – 24,4.[42] До сих пор рассматривались коэффициенты смертности. Однако надо сказать, что эти коэффициенты не дают достаточно полной и точной картины уровня смертности в регионе. Главный их недостаток в том, что они в значительной степени зависят от возрастного и полового состава населения. Более ценные данные можно получить на основе сведений о распределении умерших по возрасту (табл.31).

Эти цифры говорят об очень многом. Оказывается в 1910 г. подавляющее большинства умерших – это младенцы и дети до 10 лет. Из общего количества умерших почти 2/3 приходилось на детей. Другой характерной чертой смертности населения Центральной России является тот факт, что доля умерших в молодые годы и в годы зрелости ненамного меньше числа умерших в старости. Так, например, умершие в возрасте 30-39 лет составляли 4,0%, а в возрасте

60-69 лет – 5,9%, то есть всего в 1,5 раза больше. Это говорит о том, что преждевременная смерть взрослых людей, которая являлась подлинной трагедией для семьи и огромным уроном для общества и экономики страны, в Центральной России изучаемого периода имела место в колоссальных масштабах.

Таблица 31

Возрастная структура смертности населения Центральной России в 1910 г., % *

Возраст, лет	Смертность
0-9	64,3
10-19	4,2
20-29	4,3
30-39	4,0
40-49	4,4
50-59	5,1
60-69	5,9
70-79	5,1
80-89	2,1
90-99	0,5
100 и выше	0,1
Итого:	100,0

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.249-251.

Высокому уровню смертности соответствовала низкая средняя продолжительность предстоящей жизни, причем в России она была значительно ниже, чем в других европейских государствах в ту же эпоху. Остановимся на динамике средней продолжительности жизни. Определенные представления об этой динамике дают таблицы смертности населения Центральной России. Однако средняя продолжительность предстоящей жизни новорожденного в 1896-1897 гг.

составила: для мужчин – 30,1 года, для женщин – 31,9 года, для обоих полов – 31,0 год; в 1907-1910 гг. соответственно – 31,9, 34,0, 33,0 года.[43]

Если и можно говорить об увеличении средней продолжительности предстоящей жизни в указанный период, то лишь об очень небольшом. Даже и в 1907-1910 гг. средняя продолжительность жизни большей части населения Центральной России оставалась чрезвычайно низкой, характерной для традиционного типа смертности, но никак не для современного. Такое сопоставление позволяет утверждать, что скачок в динамике средней продолжительности жизни начался не после 1896-1897 гг., а позднее, по крайней мере после 1910 г. Несмотря на некоторый рост, средняя продолжительность предстоящей жизни в Центральной России была значительно ниже, чем, например, во Франции или Англии, где ее величина для 1896-1905 гг. для обоих полов составляла соответственно – 50,0 и 56,5 лет.[44]

Говоря о повозрастных особенностях смертности населения в Центральной России, следует отметить, что смертность в регионе в 1900-х гг. была исключительно высока в детском возрасте до 10 лет, высока в подростковом и рабочем возрасте, умеренна в пожилом возрасте. Смертность в регионе в целом была типична для аграрно-индустриальных стран, с низким уровнем развития санитарного дела и медицины, а также культуры быта широких слоев населения. К тому же, Центральная Россия занимала особое место среди аналогичных государств по показателям исключительно высокой смертности детей и младенцев и исключительно низкой смертности групп пожилых возрастов.

Средняя продолжительность предстоящей жизни женщин была несколько выше, чем у мужчин. В 1900-х гг. мужская смертность превышала женскую до 11-летнего возраста, а также в возрастах 40-45 лет, 70-80 лет и старше 90 лет.[45] В остальных возрастных группах женская смертность превышала мужскую, что, в частности, было предопределено высокой материнской смертностью.

Относительно низкой по сравнению с другими странами Европы смертности в старческих возрастах Центральной России сложилось два взгляда. Первый рассматривает ее как реалию, которая является специфической особенностью русского населения, результатом отбора более жизнеспособных в условиях высокой детской смертности. С.А.Новосельский указывал, что исключительно высокая жизненная энергия в старческом возрасте может свидетельствовать о высокой врожденной жизнестойкости русского народа. Другой точки зрения, в частности, придерживались П.Демени и А.Коул, которые рассматривали низкую смертность в старших возрастах как результат недоучета числа умерших и искажения численности старших возрастных групп в переписях. У Л.К.Гарсон достаточно убедительно показано, что по крайней мере в возрастных группах старше 70 лет низкая смертность в значительной степени преувеличена.

Касаясь вопроса повышенной смертности населения Петербурга в 1900-1910 гг., С.А.Новосельский и В.В.Паевский писали, что неблагополучие города в отношении смертности обуславливалось существовавшими в нем антисанитарными условиями и условиями социально-экономического характера.[46]

Показательны в этом отношении сведения о динамике заболеваний петербургского населения брюшным тифом в 1897-1911 гг. Так, в 1897-1901 гг. среднее число заболеваний в столице составило 5677, в 1902-1906 гг. – 4791, в 1907-1911 гг. – 3757.[47] По данным С.А.Новосельского, 48 административных участков столицы были сгруппированы в 7 по совокупности ряда признаков благосостояния жителей.

Так, в I группе участков доля хозяев и администрации среди самостоятельного промыслового населения составила 25,8%, число личной прислуги на 100 самостоятельных – 34,7 чел., среднее число жителей на одну комнату – 1,5 чел., средняя годовая плата за квартиру – 933 руб., стандартизированный коэффициент смертности в 1909-1912 гг. – 12,6‰; во II группе участков соответственно – 24,6%, 29,9 чел., 1,6 чел., 745 руб., 14,3‰; в III группе участков – 21,2%, 19,9 чел., 2,1 чел., 536 руб., 18,3‰; в IV группе участков – 16, 7%, 13,2 чел., 2,3 чел., 430 руб., 19,9‰; в V группе участков – 12,8%, 8,9 чел., 2,6 чел., 353 руб., 21,9‰; в VI группе участков – 10, 7%, 5, 4 чел., 2,9 чел., 213 руб., 24,5‰; в VII группе участков – 8, 2%, 4, 0 чел., 3,3 чел., 190 руб., 27,2‰.[48]

На основе анализа этих данных можно отметить, что по мере перехода от группы участков с преобладанием более зажиточного населения к группам участков с преобладанием бедного населения смертность непрерывно возрастала и в наиболее бедной группе была в 2,5 раза выше, чем в наиболее зажиточной.

По материалам переписей 1900 и 1910 гг. были произведены подсчеты и получены данные о влиянии степени благосостояния на заболеваемость населения сыпным тифом в Петербурге, из которых видно, что заболеваемость сыпным тифом обратно пропорциональна степени благосостояния.

О соотношении смертности и рождаемости населения Москвы в 1891-1914 гг. можно судить по следующим данным табл.32. Эпидемии детских болезней 1909 г. отразились на повышенной смертности населения "второй" столицы. Однако в последующие годы небольшое снижение смертности населения можно объяснить изменением его возрастного состава и некоторым улучшением санитарного состояния города. Правда, это понижение смертности населения Москвы было довольно медленным – за период 17 лет оно измерялось величиной, указывающей сохранение жизни ок.6 чел. из тысячи в год. Если сопоставить показатели смертности и рождаемости населения в Москве, можно увидеть, что лишь с начала XX в. определился небольшой естественный прирост населения.

Таблица 32

Рождаемость и смертность населения Москвы в 1891-1914 гг., ‰*

Рождаемость		Смертность	
Годы	‰	Годы	‰
1891-1900	25,6	1897-1901	23,7
1901-1910	28,8	1902-1906	22,4
1911-1913	28,9	1907-1910	24,7
		1911-1914	23,3

*Составлено и подсчитано по: Статистический атлас г.Москвы и Московской губернии. М., 1924. Вып.1. С.20.

В районах, в которых проживало менее обеспеченное население Москвы, показатели заболеваемости и смертности были весьма высокими. На основании данных санитарных врачей были произведены подсчеты и составлена табл.33 о заболеваемости населения Москвы в 1902-1907 гг. по полицейским частям. Наименьшее количество больных падает на те части, где проживало главным образом зажиточное население. Так, например, при среднем показателе в 22,8‰ насчитывалось больных в Тверской части 13,2‰, в Городской – 16,2‰, в Арбатской – 16,5‰ и в Пречистенке – 16,7‰. Первенство по заразной заболеваемости принадлежало Мясницкой части, где был расположен Хитров рынок. За Мясницкой шли окраинные части – Мещанская, Пресненская, Серпуховская, Сущевская.

Таблица 33

Инфекционные заболевания у населения Москвы в 1902-1907 гг.*

Полицейские части	Средняя численность жителей	Среднегодовое число больных	Коэффициент больных, ‰
1	2	3	4
Тверская	64967	858	132
Городская	18319	297	162
Арбатская	44256	729	165
Пречистенская	44945	752	167
Лефортовская	86622	1419	164
Сретенская	52469	987	188
Басманная	46835	947	202
Яузская	35110	771	220
Хамовническая	73079	1684	224
Рогожская	99073	2348	237
Пятницкая	72320	1729	239
Якиманская	56770	1392	245
Пресненская	86786	2193	253
Мещанская	130804	3394	259
Серпуховская	44754	1202	269
Сущевская	118921	3199	269
Мясницкая	55242	1913	346
Итого:	1131272	25764	228

*Составлено и подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января1902 г.: Возрастной состав населения Москвы и ее пригородов М., 1903. Вып.III. С.19-93; Статистический атлас г.Москвы и Московской губернии. М., 1924. Вып.I. С.19-24.

Центральные части Саратова, как более благоустроенные, давали минимальную смертность, окраинные же части, находившиеся на низком уровне по своему благоустройству, но плотно заселенные, давали чрезвычайно высокую смертность (табл.34).

Социально-экономическая и культурная неоднородность Центральной России в целом, а также городов и сел региона предопределили значительную территориальную дифференциацию динамики уровня смертности. При этом снижение уровня смертности охватило все губернии. Увеличение уровня вариации в конце XIX в. объясняется тем, что вследствие голода в 1892 г. в ряде губерний смертность значительно возросла.

В целом в Центральной России уровень смертности повышался в направлении с запада на восток и с юго-запада на северо-восток. В 1900-х гг. район наивысшей смертности охватил главным образом заволжские, средневолжские и нижневолжские губернии, отчасти центрально-земледельческие и центрально-промышленные губернии. Этот район в большей степени страдал от неурожаев, и, кроме того, Поволжье являлось очагом холеры. Наименьший уровень смертности наблюдался в северо-западных губерниях.

Таблица 34

Смертность населения Саратова по районам города в 1910 г., ‰*

Районы города	Коэффициент смертности, ‰
1. Центр	9,8
2. Окраина к Улешам	34,9
3. Старый город	16,4
4. Горы	38,4
5. Часть центра к пристани	49,2
6. Окраина к кладбищу	44,2
В среднем	32,1

*Составлено и подсчитано по: Кокшайский И.И. Город Саратов в жилищном отношении. Саратов, 1922. С.125; Хлопин Г.В. Материалы по оздоровлению России. СПб., 1911. С.200; Материалы по статистике г.Саратова. Саратов, 1921. Вып.I. С.4-5.

Неоднозначно складывались соотношения уровней смертности городского и сельского населения. Общий коэффициент смертности в уездах был больше, чем в городах. Так, в 1913 г. в уездах он равнялся 30,7‰, в городах – 21,9‰. Вместе с тем, на рубеже XIX-XX вв. во многих городах (особенно в Поволжье – очаге холеры) уровень смертности поднимался до больших величин и превышал рождаемость. Например, в 1901-1905 гг. из общего числа городов в 23% из них наблюдался, отрицательный естественный прирост в течение всех пяти лет.[49]

Городское население формировалось под сильным влиянием миграции. В результате этого, в отличие от уездов, в русских городах преобладали возрастная группы старше 20 лет, а численность мужского населения превосходила численность женского.

Существенной особенностью смертности в городах являлось то, что ее уровень был меньше, чем в селах, в возрастных группах 1-14 лет и 20-24 года. Кроме того, в селах смертность женщин практически во всех возрастных группах от 15 до 40 лет была выше, чем у мужчин. Причины подобного различия, включая большее распространение острозаразных болезней в детских возрастах с высокой материнской смертностью в деревнях, рассмотрены в ряде работ отечественных ученых.[50]

Причины смертности в Центральной России начали регистрироваться в некоторых городах еще в конце XIX в. В первые годы XX в. число таких городов значительно увеличилось. В подавляющем большинстве уездов регистрация причин смерти в сельской местности началась в 1891 г. и включала умерших от острозаразных болезней. Структура причин смерти в Центральной России отличалась значительной долей в ней смертей от факторов экзогенного происхождения. Уровень смертности от инфекционных заболеваний был чрезвычайно высок по сравнению со странами Западной Европы.[51]

Начавшееся снижение смертности в конце XIX в. сопровождалось определенными изменениями в структуре причин смерти. В частности, сокращалось число умерших от коклюша, дифтерии, скарлатины, кори, то есть болезней, которыми болели преимущественно дети, в возрасте от 1 до 8 лет, а также от тифов и оспы.

Необратимость происходивших изменений в смертности определялась вызывавшими их социально-экономическими преобразова-

ниями. Среди них выделим следующие: расширение продовольственной базы, рост урожайности зерновых, увеличение посевных площадей и рост потребления зерна на душу населения; рост грамотности; развитие санитарно-гигиенических мероприятий и здравоохранения (противохолерные мероприятия, обязательное оспопрививание, сывороточное лечение дифтерии, увеличение численности врачей, развитие сети земской медицины и т.д.), расширение сети водопроводов и канализации в городах.[52]

На государственном уровне это проявилось в усилении и координации ранее разрозненных действий в борьбе со смертностью и заболеваемостью, в первую очередь инфекционной. Издавались указы правительства по обязательной вакцинации, о гигиенических нормах и т.д. На индивидуальном уровне изменилось отношение к здоровью и его сохранению, к месту врача в жизни человека. Русская интеллигенция усердно работала в деревне в качестве земских врачей, учителей народной школы, агрономов, статистиков.

Н.О.Лосский писал, что, повинуясь чувству долга, понимая опасность неряшливости при лечении болезней, русские врачи достигли такой чистоты и антисептики, что московские клиники в этом отношении стояли выше берлинских.[53] В целях борьбы с детской смертностью в городах Центральной России в начале XX в. были созданы "Общества борьбы с детской смертностью", а при них кухни "Капля молока".

Однако все названные усилия государства и общества оказывались явно недостаточными для решительного снижения смертности в Центральной России, особенно младенческой и детской. Даже в официальном обзоре "Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах в Европейской России", составленном директором Центрального статистического комитета П.Георгиевским, можно встретить признание в том, что в России за указанное время практически никакого серьезного уменьшения смертности не произошло.[54]

Некоторая тенденция к снижению детской смертности началась вырисовываться лишь в первое десятилетие XX в. Для более точной характеристики этой тенденции приведем погодные данные с 1897 по 1911 гг. Так, в 1897 г. этот показатель равнялся 26,0‰, в 1898 г. – 27,9‰, в 1899 г. – 24,0‰, в 1900 г. – 25,2‰, в 1901 г. – 27,2‰, в 1902 г. – 25,8‰, в 1903 г. – 25,0‰, в 1904 г. – 23,2‰, в 1905 г. – 27,2‰, в 1906 г. – 24,8‰, в 1907 г. – 22,5‰, в 1908 г. – 24,4‰, в 1909 г. – 24,8‰, в 1910 г. – 27,1‰, в 1911 г. – 23,7‰.[55]

Приходится отметить весьма большие различия показателей смертности младенцев по отдельным губерниям. Данные приведены за два периода – 1886-1897 гг. и 1908-1910 гг. (табл.35). Необходимо указать, что детская смертность все еще учитывалась не полностью, причем этот недоучет был по некоторым губерниям значительным. В 1886-1897 гг. наиболее высокой детская и младенческая смертность была в Московской и Нижегородской губерниях. К 1908-1910 гг. коэффициенты детской смертности понизились преимущественно в ряде губерний с особо высокой детской смертностью (в Московской, Нижегородской, Владимирской, Ярославской, Петербургской, Казанской) и повысились в Курской и некоторых других губерниях. В большинстве же губерний изменения коэффициентов смертности младенцев к 1908-1910 гг. были сравнительно небольшими.

Таблица 35

Детская смертность в Центральной России в 1886-1910 гг., ‰*

Губернии и районы	1886-1897 гг.		1908-1910 гг.	
	Возраст детей			
	до 1 года	до 5 лет	до 1 года	до 5 лет
1	2	3	4	5
1. Петербургская	34,1	41,0	26,7	40,3
2. Псковская	29,8	41,8	26,6	39,3
3. Новгородская	31,2	43,1	29,9	40,3
4. Олонецкая	32,1	43,6	32,1	44,4
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	31,8	42,4	28,8	41,1
5. Московская	36,6	51,6	29,9	43,6
6. Владимирская	36,3	50,3	30,5	43,5
7. Калужская	34,8	50,3	30,4	47,1
8. Тверская	32,8	45,2	30,7	46,8
9. Ярославская	30,6	42,6	28,0	40,0
10. Костромская	34,1	45,9	31,4	42,4

Окончание табл.35

1	2	3	4	5
11. Нижегородская	41,0	53,8	34,0	44,6
Всего: II. Центрально-Промышленный	35,2	48,5	30,7	44,0
12. Курская	25,5	41,4	28,6	41,1
13. Орловская	31,9	47,5	29,4	43,5
14. Тамбовская	31,4	48,4	27,7	41,2
15. Воронежская	30,9	50,3	27,6	45,5
16. Пензенская	36,6	51,8	30,5	42,4
17. Рязанская	29,2	45,4	26,2	39,8
18. Тульская	32,0	52,4	27,5	44,4
Всего: III.Центрально-Земледельческий	31,1	48,2	28,2	42,6
19. Казанская	28,1	44,3	23,6	38,2
20. Самарская	31,5	50,3	29,7	48,2
21. Саратовская	37,7	51,6	28,7	46,5
22. Симбирская	34,0	49,4	30,8	46,3
23. Астраханская	29,8	50,7	25,3	42,3
Всего: IV.Поволжье	32,2	49,3	27,6	44,3
Итого: Центральная Россия	32,6	47,1	28,8	43,0
Итого: 50 губерний Европейской России	27,4	43,2	25,3	38,9

*Составлено и подсчитано по: Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. С.19; Движение населения Европейской России за 1908, 1909 и 1910 гг. СПб., 1911. С.190, 191, 192.

По уровню смертности младенцев в 1908-1910 гг. губернии Центральной России можно распределить на следующие три группы: I группа с показателем смертности от 22 до 26‰ – 2 губернии – Астраханская и Казанская, расположенные на юго-востоке региона; II группа, где смертность была от 26 до 30‰, – 13 губерний – Петербургская, Ярославская, Псковская, Новгородская, Московская, Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская, Тульская, Тамбовская, Саратовская, Самарская, расположенные преимущественно в центральной полосе, на северо-востоке и юго-востоке; III группа, имеющая показатель смертности от 30‰ и более, – 8 губерний – Калужская, Тверская, Пензенская, Владимирская, Симбирская, Костромская, Олонецкая, Нижегородская, расположенные преимущественно на севере и в центральной части региона. В этой группе Нижегородская и Олонецкая губернии имели показатель детской смертности св.32‰.

В среднем по 23 губерниям Центральной России за десятилетие 1886-1897 гг. умерло в возрасте до 5 лет 43,2‰ из родившихся детей. Чрезмерно высокие показатели детской смертности в это время были в следующих губерниях: в Нижегородской – 53,8‰, в Тульской – 52,4‰, в Пензенской – 51,8‰, в Московской и в Саратовской – по 51,6‰.

С 1886-1897 по 1908-1910 гг. смертность детей в возрасте до 5 лет в среднем по Центральной России уменьшилась с 47,1‰ до 43,0‰. При этом наряду с группами губерний, в которых показатель детской смертности понизился, имелась группа губерний, где изменения смертности были сравнительно незначительными, а также группа губерний, где детская смертность повысилась.

Итак, уровень младенческой смертности в Центральной России был крайне высоким. Всего на возрастную группу 0-1 год приходилось более 1/3 всех смертных случаев, а на детский возраст от 0 до 5 лет – до 60%.

Проблему столь высокой детской смертности начали поднимать еще в XIX в. В целом ее объясняют невежественным уходом за детьми, недостаточным питанием, низкой санитарной культурой и жилищными условиями, положением женщины в обществе. Особое внимание в ряде работ удалялось способу кормления младенца.

Однако во многих местностях существовал обычай не кормить грудью младенца до его крещения, и с первых дней давать ему при-

корм. С.А.Новосельский отмечал, что высокая детская смертность была в тех губерниях (великорусские северо-восточные, восточные и центрально-земледельческие), где наблюдалась крайняя эксплуатация женщины полевыми работами до последних дней беременности и чуть ли не тотчас после родов, а также крайне раннее прикармливание ребенка, обычай оставлять во время полевых работ младенцев дома без материнского молока и т.д. В городах работницы отрывались на большую часть дня от ребенка и не могли его правильно кормить, переводили его на прикармливание, искусственное кормление.

Относительно малая смертность у магометан, по мнению ученых, находилась в зависимости от их религиозно-бытовой жизни и требований Корана о кормлении грудью своего ребенка в течение двух лет. Исследования, проведенные в 20-хх гг., показали, что короткие интервалы между рождениями, высокий порядок рождения по очередности, ранний возраст матери повышали младенческую смертность.[56]

Приведенные сведения о детской смертности по отдельным вероисповеданиям и месту жительства в 1900-1904 гг. сгруппированы в табл.36.

Таблица 36

Структура младенческой и детской смертности по возрасту, вероисповеданию и типам населенных пунктов Центральной России в 1900-1904 гг., ‰*

Вероисповедания и типы населенных пунктов	Возраст, лет				
	0-1	1-2	2-3	3-4	4-5
Православные	26,3	9,4	5,4	3,2	2,2
Лютеране	16,1	6,0	3,3	2,3	1,7
Католики	15,1	6,7	3,8	2,5	1,7
Мусульмане	15,8	8,8	6,5	5,0	3,7
Иудеи	11,6	6,0	2,8	1,7	1,3
Губернские города	26,7	9,1	4,1	2,4	1,8
Прочие города	22,2	8,0	4,2	2,6	2,0
Села, деревни	24,9	9,1	5,0	3,2	2,3

*Составлено и подсчитано по: Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901; Движение населения Европейской России за 1908, 1909 и 1910 гг. СПб., 1911. С.190, 191 и 192.

Начавшееся снижение смертности в различной степени затронуло отдельные возрастные группы. Если исходить из динамики коэффициентов младенческой смертности, повозрастного распределения умерших, то в основном оно происходило за счет возрастов от 1 до 15 лет. Младенческая смертность в Центральной России оставалась высокой вплоть до 1914 г. Ее доля в общем числе смертельных случаев в начале XX в. несколько повысилась. В годы катаклизмов она понижалась или в связи со снижением уровня рождаемости, как в период русско-японской войны, или в связи с ростом смертности в других возрастных группах в годы голода или эпидемий.[57]

Следует заметить, что и в странах Западной Европы на рубеже XIX-XX вв. снижение младенческой смертности было очень умеренным и происходило более медленно, чем снижение общей смертности. Прогресс стал заметным примерно с 1900-х гг.[58]

Подсчитанные данные о младенческой смертности в Петербурге в 1897-1915 гг. сгруппированы в табл.37. Эти данные свидетельствуют о том, что детская смертность в столице продолжала оставаться высокой на протяжении этого периода. В среднем за 19 лет умерло в младенческом возрасте 25,5‰.

Таблица 37

Младенческая смертность в Петербурге в 1895-1915 гг., ‰*

Годы	Смертность	Годы	Смертность
1895	26,5	1906	26,7
1896	28,0	1907	25,3
1897	25,4	1908	27,3
1898	27,1	1909	24,1
1899	24,9	1910	25,5
1900	27,4	1911	23,4
1901	26,5	1912	25,0
1902	24,4	1913	23,1
1908	26,4	1914	24,8
1904	25,5	1915	24,8
1905	27,3		

*Составлено и подсчитано по: Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.19-21; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.19-22.

Уместно сравнить уровень младенческой смертности в Петербурге и Москве в 1906-1915 гг. Так, доля смертности младенцев в 1906-1910 гг. составила в Петербурге 28,0% к числу родившихся, в Москве – 25,8%; в 1811-1915 гг. соответственно – 26,8% и 23,8%.[59]

В Саратове также наблюдалась огромная смертность младенцев, о чем свидетельствует табл.38. Таким образом, в среднем за пятилетие – с 1903 по 1907 гг. – коэффициент смертности составил 37,0‰ с колебаниями по отдельным годам между 35,4‰ и 39,0‰.

Одной из главных трудностей российской статистики являлась проблема исчисления погодовой динамики населения и ее отдельных районов. Наиболее достоверны сведения по Центральной России, хотя из-за недостатков учета миграции в 1900-х гг. и здесь существовало несколько вариантов оценок численности населения.

Согласно расчетам Р.И.Сифман, за 17-летний промежуток времени – от переписи 1897 г. до начала 1914 г. – население Центральной России росло преимущественно за счет превышения рождаемости над смертностью в среднем за год 2,4 млн.чел.[60] Естественный прирост являлся, таким образом, решающим фактором в росте населения региона.

Таблица 38

Младенческая смертность в Саратове в 1903-1907 гг.*

Годы	Абсолютные показатели		Коэффициент смертности, ‰
	рождаемость	смертность	
1906	8056	3143	39,0
1904	8653	3066	35,4
1905	8374	3261	38,9
1906	7868	2811	35,7
1907	8972	3231	36,0
Итого:	41923	15512	37,0

*Составлено и подсчитано по: Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России: Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С.271-274.

Далее рассматриваются показатели естественного прироста населения Центральной России по пятилетиям в 1896-1913 гг. В среднем

за это время в регионе общий показатель составил 14,7‰, что было несколько нижа показателя Европейской России – 16,8‰. Однако по отдельным районам колебания коэффициентов составили от 11,0 до 17,5‰. Наименьшими показателями естественного прироста отличались Петербургская (в среднем 6,0‰), Олонецкая (11,5‰), Ярославская (9,9‰) губернии. Из губерний с наиболее высокими показателями естественного прироста следует назвать Тамбовскую (18,4‰) Воронежскую (19,7‰), Самарскую (19,1‰), Астраханскую (18,6‰) (табл.39).

Таблица 39

Естественная прирост населения Центральной России в 1896-1913 гг., ‰*

Губернии и районы	1896-1900 гг.	1901-1905 гг.	1906-1910 гг.	1911-1913 гг.	В среднем за 1896-1913 гг.
1	2	3	4	5	6
1. Петербургская	5,2	6,8	5,1	7,0	6,0
2. Псковская	14,7	12,2	15,3	14,7	14,2
3. Новгородская	12,7	10,5	12,5	14,0	12,4
4. Олонецкая	12,2	9,7	12,2	11,9	11,5
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	11,2	9,8	11,3	11,9	11,0
5. Московская	7,8	8,9	10,3	11,6	9,7
6. Владимирская	12,8	12,8	13,4	13,9	13,2
7. Калужская	13,4	13,5	12,8	17,2	14,2
8. Тверская	13,3	12,0	12,0	13,5	12,7
9. Ярославская	9,3	9,4	9,6	11,3	9,9
10. Костромская	14,4	13,5	14,0	15,6	14,4
11. Нижегородская	14,5	15,7	16,0	15,3	15,4
Всего: II. Центрально-Промышленный	12,2	12,3	12,6	14,1	12,8
12. Курская	16,9	20,0	16,2	18,0	17,8
13. Орловская	15,7	17,6	15,3	17,2	16,5
14. Тамбовская	17,9	18,1	18,8	18,7	18,4

Окончание табл.39

1	2	3	4	5	6
15. Воронежская	20,6	21,0	17,1	20,1	19,7
16. Пензенская	16,9	17,2	18,9	17,9	17,7
17. Рязанская	18,1	16,2	16,4	17,1	17,0
18. Тульская	15,7	15,5	14,8	14,9	15,2
Всего: III. Центрально-Земледельческий	17,4	17,9	16,8	17,7	17,5
19. Казанская	15,1	16,1	14,5	12,9	14,7
20. Самарская	19,1	19,7	17,4	20,3	19,1
21. Саратовская	17,6	18,4	16,6	16,6	17,3
22. Симбирская	16,1	18,3	19,7	17,4	17,9
23. Астраханская	-	17,5	17,3	20,9	18,6
Всего: IV. Поволжье	17,0	18,0	17,1	17,6	17,4
Итого: Центральная Россия	14,5	14,5	14,5	15,3	14,7
Итого: 50 губерний Европейской России	17,4	16,7	16,3	16,8	16,8

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.217-218, 227-228.

Коэффициенты естественного прироста по отдельным губерниям Центральной России свидетельствуют, что с 1896 по 1913 гг. диапазон их колебаний несколько сократился; уровень естественного прироста достиг своих наибольших значений вследствие снижения смертности. Начавшееся снижение рождаемости воспрепятствовало его дальнейшему росту. Коэффициенты естественного прироста в большинстве великорусских губерний региона были примерно одинаковы.

Число губерний с коэффициентом естественного прироста больше 15‰ увеличились в 1896-1900 гг., а затем фактически не изменились до 1914 г.

Более подробного рассмотрения заслуживают показатели естественного движения населения Центральной России в годы, непосредственно предшествующие Первой мировой войне (1911-1913 гг.). В среднем по 23 губерниям региона рождаемость равнялась 44,2‰. Весьма значительные различия этого показателя определились по отдельным губерниям. Рождаемость составляла в Самарской губернии 55,0‰, в Астраханской – 54,1‰, в Симбирской – 49,5‰, в Воронежской – 48,8‰, в Пензенской – 48,7‰, а в Ярославской – 36,4‰, в Петербургской – 29,3‰.

Смертность в Центральной России в среднем составляла 28,8‰. В Самарской губернии показатель смертности был 34,7‰, в Олонецкой – 33,8‰, в Астраханской – 33,2‰, а в Ярославской, Рязанской и Петербургский губерниях от 25,1‰ до 22,3‰.

Естественный прирост в среднем в Центральной России в 1911-1913 гг. равнялся 15,3‰ и весьма различался по отдельным губерниям. Например, этот прирост составил в Астраханской губернии 20,9‰, в Самарской – 20,3‰, в Воронежской – 20,1‰, в Олонецкой – 11,9‰, в Московской – 11,6‰, в Ярославской – 11,3‰, в Петербургской – 7,0‰.

Показатели естественного движения населения Центральной России по районам были следующими. Наиболее высокие показатели рождаемости были в Поволжском и Центрально-Земледельческом районах – 49,7‰ и 45,8‰. В Центрально-Промышленном районе показатели рождаемости оказались в целом близкими к среднему по Европейской России – 42,0‰ и 43,9‰. Пониженная рождаемость была в Северо-Западном районе – 39,1‰.

При среднем показателе смертности в Европейской России в 27,1‰ в Поволжье он составил 32,1‰, в Центрально-Земледельческом районе – 28,1‰, в Центрально-Промышленном – 27,9‰, в Северо-Западном – 27,1‰. Выше среднего в Европейской России (16,8‰) показателя естественного прироста населения был прирост в Центрально-Земледельческом районе – 17,7‰, в Поволжском – 17,6‰; ниже среднего в Центрально-Промышленном – 14,1‰ и в Северо-Западном районе – 12,0‰ (табл.40).

Таблица 40

Естественное движение населения Центральной России в 1911-1913 гг., ‰*

Губернии и районы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1	2	3	4
1. Петербургская	29,3	22,3	7,0
2. Псковская	39,1	24,4	14,7
3. Новгородская	42,0	28,0	14,0
4. Олонецкая	45,8	33,8	11,9
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	39,1	27,1	12,0
5. Московская	39,6	28,0	11,6
6. Владимирская	40,2	26,3	13,9
7. Калужская	46,5	29,3	17,2
8. Тверская	40,1	26,6	13,5
9. Ярославская	36,4	25,1	11,3
10. Костромская	45,1	29,5	15,6
11. Нижегородская	46,1	30,7	15,4
Всего: II.Центрально-Промышленный	42,0	27,9	14,1
12. Курская	46,4	28,4	18,0
13. Орловская	44,8	27,6	17,2
14. Тамбовская	47,2	28,5	18,7
15. Воронежская	48,8	28,7	20,1
16. Пензенская	48,7	30,8	17,9
17. Рязанская	40,6	23,5	17,1
18.Тульская	44,0	29,1	14,9
Всего: III. Центрально-Земледельческий	45,8	28,1	17,7

Окончание табл.40

1	2	3	4
19. Казанская	42,8	29,9	12,9
20. Самарская	55,0	34,7	20,3
21. Саратовская	47,2	30,6	16,6
22. Симбирская	49,5	32,1	17,4
23. Астраханская	54,1	33,2	20,9
Всего: IV.Поволжье	49,7	32,1	17,6
Итого: Центральная Россия	44,2	28,8	15,3
Итого: 50 губерний Европейской России	43,9	27,1	16,8

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1356. С.217-218, 227-228.

Наиболее резкие расхождения показателей естественного прироста населения в городах и сельских местностях Центральной России выявились по отдельным губерниям. В 22 губерниях естественный прирост в сельских местностях был выше, чем в городах. В 1 губернии – Костромской – этот прирост оказался более высоким в городах, чем в сельской местности.

Естественный прирост населения в 15‰ и более для сельского населения наблюдался в 13 губерниях, а для городского населения – лишь в одной губернии. Невысокий прирост, менее 10‰, городского населения был в 15 губерниях, а сельского населения – в 1 губернии (табл.41).

Таблица 41

Естественный прирост городского и сельского населения Центральной России в 1911-1913 гг.*

Губернии и районы	Города, ‰	Села, ‰	Естественный прирост в селах к естественному приросту в городах, %
1	2	3	4
1. Петербургская	6,2	8,9	144,0
2. Псковская	8,3	15,2	184,0
3. Новгородская	7,4	14,4	195,0
4. Олонецкая	6,3	12,3	196,0
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	7,1	12,7	179,8
5. Московская	9,0	14,3	159,0
6. Владимирская	11,4	11,5	101,0
7. Калужская	6,7	17,9	267,0
8. Тверская	7,6	13,9	183,0
9. Ярославская	9,2	11,7	128,0
10. Костромская	15,3	14,7	96,2
11. Нижегородская	9,2	14,1	154,0
Всего: II. Центрально-Промышленный	9,8	14,0	155,5
12. Курская	11,0	18,6	169,1
13. Орловская	11,5	18,4	160,0
14. Тамбовская	10,3	19,2	186,0
15. Воронежская	8,4	20,7	247,0
16. Пензенская	11,6	18,4	159,0
17. Рязанская	11,0	17,5	159,1
18. Тульская	9,0	15,5	173,0
Всего: II. Центрально-Земледельческий	10,4	18,3	179,0
19. Казанская	5,8	13,5	232,7
20. Самарская	12,7	20,5	162,0

Окончание табл.41

1	2	3	4
21. Саратовская	9,3	18,0	194,0
22. Симбирская	9,7	18,0	186,0
23. Астраханская	7,6	15,0	198,0
Всего: IV. Поволжье	9,0	17,0	194,5
Итого: Центральная Россия	9,1	15,5	177,2
Итого: 50 губерний Европейской России	9,2	17,4	189,1

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.217-218, 227-228.

В следующей табл.42 приведены данные о естественном движении населения Петербурга в 1896-1915 гг. по пятилетиям. В среднем за 20 лет показатели рождаемости и смертности несколько отличались: родилось – 29,5‰, умерло – 24,6‰. Естественный прирост был весьма незначительным – 4,9‰. В первое пятилетие наблюдался незначительный прирост. В 1901-1905 гг. наступил перелом к лучшему, но все показатели естественного прироста в последующие пятилетия (1906-1915 гг.) оставались низкими – 4,2-4,6‰.

Таблица 42

Естественное движение населения Петербурга в 1896-1915 гг., ‰ *

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1896-1900	30,3	25,6	4,7
1901-1905	30,5	24,7	5,8
1906-1910	30,9	26,3	4,6
1911-1915	26,1	21,9	4,2
В среднем за 1896-1915	29,5	24,6	4,9

*Составлено и подсчитано по: Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.91-92.

О естественном движении населения Костромы в 1896-1910 гг. имеются следующие данные: в 1896-1900 гг. родившихся – 37,0‰, умерших – 32,5‰, естественного прироста – 4,5‰; в 1901-1905 гг. соответственно – 41,3‰, 33,5‰, 7,8‰; в 1906-1910 гг. – 47,6‰, 41,4‰, 6,2‰; в среднем – 42,0‰, 35,8, 6,2‰ (табл.43). Определившийся за этот период естественный прирост населения Костромы является невысоким.

Таблица 43

Естественное движение население Костромы в 1896-1910 гг., ‰ *

Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1896-1900	37,0	32,5	4,5
1901-1905	41,3	33,5	7,8
1906-1910	47,6	41,4	6,2
В среднем за 1896-1910	42,0	35,8	6,2

*Составлено и подсчитано по: Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. С.19-91; Естественное движение населения Европейской России за 1908, 1909 и 1910 гг. СПб., 1911. С.190, 191, 192.

Брачность в Центральной России в 1900-х гг. в основном находилась на высоком уровне. Высокие показатели брачности, а также ранние браки, особенно среди многочисленного сельского населения, оказывали большое влияние на рост рождаемости. В этой связи приводятся основные показатели, характеризующие брачность населения в 1897-1911 гг. Так, в 1897 г. она составила 9,1‰, в 1898 г. – 8,7‰, в 1899 г. – 9,3‰, в 1900 г. – 8,9‰, в 1901 г. – 8,6‰, в 1902 г. – 8,6‰, в 1903 г. – 8,9‰, в 1904 г. – 7,6‰, в 1905 г. – 7,6‰, в 1906 г. – 9,6‰, в 1907 г. – 9,0‰, в 1908 г. – 8,0‰, в 1909 г. – 8,0‰, в 1910 г. – 8,4‰, в 1911 г. – 8,0‰. По этим данным вполне определенно можно проследить некоторое снижение показателей брачности примерно на 20%, Так, в среднем по 23 губерниям Центральной России в 1897-1911 гг. приходилось 8,6‰ брачности.[61]

Из отдельных годов со сравнительно повышенными показателями брачности были 1897, 1899, 1900, 1903, 1906, 1907 гг. Пониженная брачность отмечалась в 1904, 1905, 1908, 1909, 1911 гг., что связано с происходившими тогда военными действиями и социально-экономическими кризисами.

Приведенные подсчеты с показателями брачности населения Центральной России по пятилетиям в 1896-1911 гг. также свидетельствуют о снижении брачности: 1896-1900 гг. – 9,0‰, 1901-1905 – 8,3‰, 1906-1910 гг. – 8,6‰, 1911 г. – 8,0‰, в среднем 8,5‰.[62]

Данные за 1895-1910 гг. также не показывают каких-либо значительных сдвигов в распределении вступивших в брак по возрастным группам (табл.44). Таким образом, показатели в 1895-1898 гг. и в 1910 г. практически не изменились. Они свидетельствуют о том, что резко преобладающая масса невест приходилась на возрастные группы до 25 лет (85-86%) причем по отдельным годам колебания этого показателя были небольшими.

Таблица 44

Возрастно-половая структура населения Центральной России, вступавшего в брак в 1895-1910 гг., % *

Возраст, лет	Мужчины		Женщины	
	1895/98	1910	1895/98	1910
20 и ниже	30,8	30,8	54,7	54,5
21-25	35,6	36,2	31,7	31,0
26-30	19,1	18,8	7,1	7,3
31-40	9,1	8,9	4,5	4,7
41-50	3,5	3,5	1,6	1,9
50 и выше	1,8	1,8	0,4	0,4
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т.1. С.17; Статистический ежегодник России 1910 г. СПб., 1911. С.18.

Дополнительно в следующей табл.45 приведено распределение в 1910 г. вступивших в брак по возрастным группам раздельно для различного вида населенных пунктов – губернских городов, прочих

городов и сельских местностей. Браки в более ранних возрастах особенно были распространены в сельских местностях. В возрасте 20 лет и моложе среди невест оказалось в губернских городах 35,5%, в прочих городах – 43,0% и в сельских местностях – 56,7% общего числа невест. Мужчины вступали в брак в городах в более старших возрастах. Так, в возрасте 26 лет и выше оказалось в сельских местностях 30,7%, в прочих городах – 45,5% и в губернских городах – 52,1% общего числа женихов.

Таблица 45

Возрастно-половая структура вступления в первый брак в городах и селах Центральной России в 1910 г., %*

Типы населенных пунктов	Пол	Возраст, лет					
		20 и ниже	21-25	26-30	31-40	41-50	51 и выше
Губернские города	Муж.	11,5	36,4	29,0	16,0	4,8	2,3
	Жен.	35,5	35,1	14,3	10,6	3,7	0,8
Прочие города	Муж.	14,4	40,1	27,1	12,1	4,0	2,3
	Жен.	43,0	37,4	10,8	6,0	2,1	0,7
Села, деревни	Муж.	33,3	36,0	17,5	8,1	3,4	1,7
	Жен.	56,7	30,2	6,7	4,1	1,7	0,6
Итого:	Муж.	30,8	35,2	18,8	8,9	3,5	1,8
	Жен.	54,5	31,0	7,3	4,7	1,9	0,6

*Составлено и подсчитано по: Рашин. А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.217-218.

Следует отметить, что по возрасту вступления в брак население Центральной России в 1900-х гг. также резко отличалось от населения многих других стран высокими показателями ранних браков, как и в более ранний период. Удельный вес вступивших в брак в 1906-1910 гг. в возрасте моложе 21 года в Центральной России составил для мужчин 30,2%, для женщин – 54,0%, в Англии соответственно – 4,0% и 13,9%, в Германии – 0,6% и 16,4%, в Бельгии – 5,3% и 20,5%, в Голландии – 3,6% и 13,3%, в Сербии – 37,6%

и 56,0%.[63] Как видим, повышенные показатели ранних браков были в Центральной России и в Сербии.

Следующие подсчеты и данные показывают лишь незначительное изменение в сторону некоторого "постарения" брачности у женщин Центральной России в 1895-1910 гг. Невесты в возрасте 20 лет и моложе в 1895-1898 гг. составляли 54,7%, в 1910 г. – 56,4%; в возрасте 21-25 лет – соответственно 31,7% и 28,9%; в возрасте 26-30 лет – 7,1% и 7,1%; в возрасте 30 лет и старше – 6,5% и 7,6%. В целом эти данные свидетельствуют о том, что подавляющее большинство населения Центральной России в этот период жило в условиях традиционной брачности: 80-85% браков заключалось женщинами в возрасте до 25 лет включительно, а если учесть только первые браки, то эта доля еще более повышалась (табл.46).

Таблица 46

Возраст вступления в первый брак и соотношение возрастов брачующегося населения Центральной России в 1891-1915 гг.*

Годы	Возраст вступления в первый брак, лет, месяцев		Возраст невесты к возрасту жениха, %		
	Мужчины	Женщины	Моложе	Старше	Одногодки
1891-1900	20,5	18,6	49,5	16,2	34,3
1901-1910	20,5	18,7	54,5	10,0	35,6
1911-1915	20,9	19,0	52,9	12,7	34,4

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.227-228.

По подсчитанным имеющимся региональным данным, относящимся к 1910 г., распределение вступления в брак по возрасту было следующим (табл.47). Более половины всех невест приходилось на возраст до 20 лет. Это говорит о том, что в ту пору девушки чаще всего вступали в брак в 18-19- и 20-летнем возрасте. При этом следует учесть, в приведенные подсчеты входят и повторные браки. Если их исключить, то удельный вес младших возрастных групп будет еще более значительным. В некоторых губерниях, даже включая повторные браки, св. 3/4 всех невест были моложе 21 года.

Именно возраст вступления в брак в ту пору в значительной степени определял уровень рождаемости, о чем говорилось выше.

Таблица 47

Возраст вступления в брак населения Центральной России в 1910 г., % *

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
20 и ниже	30,8	54,5
21-25	36,2	30,9
26-30	18,8	7,4
31-35	5,7	3,0
36-40	3,2	1,7
41-45	2,1	1,1
46-50	1,4	0,8
51 и выше	1,8	0,6
Итого	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.217-218, 227-228.

Поскольку особенности брачности в Центральной России в 1900-х гг., ее социально-экономические, демографические и другие факторы достаточно подробно изучались в ряде исследований, рассмотрим географическую дифференциацию брачности и ее динамику с точки зрения влияния на дифференциацию и динамику рождаемости. Как было отмечено выше, уровень брачности городского населения был ниже, чем сельского, и подчинялся несколько иным закономерностям. Географическая неоднородность брачного поведения выражалась в увеличении уровня брачности для городского населения с северо-запада региона на юго-восток, а для сельского населения – с севера на юг.

Статистические данные хорошо иллюстрируют роль брачности в территориальной дифференциации рождаемости в Центральной России. Так, коэффициент корреляции между индексом общей рождаемости и индексом брачности Коула для всего населения (на начало XX в.) 23-х губерний равен 0,928, для городского и сельского населения соответственно – 0,865 и 0,919. Б.Ц.Урланис, исследуя зависимость между долей женщин, вступивших в брак в возрасте 20 лет и ранее, и уровнем рождаемости тех же губерний, получил коэффициент корреляции 0,69.[64]

Среди факторов территориальной дифференциации брачности следует выделить исторические, национально-этнические и религиозные особенности, различия в степени модернизации отдельных районов Центральной России (табл.48). Как видим, из всех представителей разных конфессий высокая и ранняя брачность наблюдалась у православных; кроме того, женщины разных конфессий вступали в брак, как правило, раньше мужчин.

Таблица 48

Брачность по вероисповеданию и возрасту населения Центральной России в 1901-1904 гг.*

Вероисповедание	Из 100 вступивших в брак были в возрасте, лет			
	21 и ниже	21-26	26-31	31 и выше
Мужчины				
Православные	36,9	33,9	17,2	12,0
Лютеране	7,9	32,1	31,1	28,9
Католики	4,2	24,4	37,2	34,2
Мусульмане	9,5	41,2	24,2	25,1
Иудеи	5,2	41,0	35,6	18,2
Женщины				
Православные	60,3	28,3	5,9	5,9
Лютеране	28,4	39,5	16,6	15,5
Католики	36,9	38,7	14,6	9,8
Магометане	56,6	25,2	7,8	10,4
Иудеи	24,1	51,7	15,4	8,8

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.133.

Наиболее сильная связь с уровнем брачности прослеживалась у различных показателей грамотности, долей женщин в самодеятельном населении. Выявлена также тесная статистическая зависимость между численностью жителей сельских поселений и индексом брачности Коула. Коэффициент корреляции между ними 0,802.[65]

Изучение динамики процесса брачности в Центральной России затрудняется тем, что нет сплошных данных о брачном состоянии населения региона по возрасту за длительное время. Только для ряда местностей можно представить динамику среднего возраста вступления в первый брак. В городах региона, особенно в Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах, повышение среднего возраста вступления в первый брак было существенным и в значительной мере отразилось на рождаемости. В других городах, а особенно в сельских местностях, изменения происходили медленнее.

Имеется интересный ряд данных 1900-х гг. по брачности для сельского населения Гиблицкой волости Рязанской губернии. В целом, тенденция среднего возраста вступления в первый брак в волости совпадала по направлению с тенденцией в Центральной России. Однако ранняя брачность по-прежнему преобладала на большей территории региона. Данные для Гиблицкой волости, динамика общего коэффициента брачности для православного населения региона показывают, что в 1900-х гг. уровень брачности несколько повысился, особенности общинного землеустройства и переделы земли, которые развернулись в деревне в ходе столыпинской аграрной реформы, стимулировали раннее заключение брака с тем, чтобы получить землю. Рост уровня брачности вызвал, вероятно, увеличение доли тех браков, в которых жених был старше невесты.[66]

В столице империи Петербурге возраст брачности, как показали результаты подсчетов, был относительно высок на рубеже XIX-XX вв. и с тех пор фактически не изменился до 1910 г. Так, в 1890 г. этот показатель для мужчин равнялся 26,8 годам, для женщин – 24,8 годам, для обоих полов – 25,8 годам; в 1900 г. соответственно – 26,7, 24,6, 25,7; в 1910 г. – 26,0, 24,1, 25,1; в 1910 г. (с пригородами) – 25,6, 23,8, 24,7 годам.[67]

Общий коэффициент брачности, рассчитанный для 23-х губерний Центральной России, показывает, что уровень брачности медленно понижался с рубежа столетий к 1911 г. от 9-10‰ до 8‰, причем в городах понижение было более заметно, чем в уездах. Эту

закономерность отражают и данные о возрастном распределении всех вступивших в брак. Понижение уровня брачности происходило за счет некоторого сокращения доли ранних браков (20 лет и моложе) при ее незначительном увеличении в следующей возрастной группе (21-25 лет). Однако, как указывалось ранее, подобные изменения почти не отражались на уровне рождаемости. Более заметным сокращение доли ранних браков было в городах, а также северо-западных и центрально-промышленных губерниях Центральной России.

Таким образом, в 1900-х гг. в Центральной России наблюдалась определенная тенденция к снижению уровня брачности, сокращению доли ранних браков и росту среднего возраста вступления в брак. Однако, за исключением городского населения ряда губерний, эти изменения происходили медленно. Справедливости ради надо отметить, что изменения социально-экономических институтов в стране во второй половине XIX и в начале XX в. были слишком слабы, чтобы воздействовать на брачность, эти изменения требовали определенного временного лага.

Тем не менее, изменения в социальных нормах имели место, что, в частности, выражалось в постепенном увеличении числа разводов. Хотя высшие церковные власти обычно препятствовали разводам, но случалось, что приходской священник (это было крайне редко) своею властью расторгал браки.[68] Поэтому разводы, особенно в деревнях, вплоть до 1914 г. были большой редкостью В 1912 г. число разводов среди православного населения составило всего 3532, в 1913 г. – 3791, причем львиная доля разводов приходилась на города.[69] Но в большей степени об этом свидетельствует принятый по настоянию общественности в марте 1914 г. закон о раздельном проживании супругов.[70]

3. Миграции

В 1897-1914 гг. миграционные процессы в Центральной России проходили раннюю стадию миграционного перехода. Традиционные формы миграционной подвижности (колонизация, отходничество) значительно интенсифицировались в объеме, появились новые направления их потоков. Новая форма миграции (переселения в города) стала набирать темп в конце XIX в. Указанные миграционные процессы весьма противоречиво взаимодействовали с другими демографическими процессами.

Крестьянская колонизация в Центральной России имеет объемную историографию. Широко известно утверждение В.О.Ключевского: "История России есть история страны, которая колонизируется". Не будем останавливаться на причинах крестьянских переселений, поскольку они подробно рассмотрены в специальной литературе.[71]

География переселений из районов и губерний Центральной России показана в табл.49-53. Как видно, наиболее активным было население Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. В конце XIX в., особенно после строительства транссибирской железной дороги, Зауралье становится основным направлением колониального движения, чему содействовала также политика правительства (особенно столыпинская реформа).

По данным статистики, в 1896-1912 гг. за Урал перевалило в прямом направлении 1571,6 тыс. семейных переселенцев (табл.49). Наиболее значительными миграциями в Сибирь отличались некоторые губернии Центральной России, семь из которых направили в этот регион империи к 1914 г. до 1287,0 тыс.чел. (табл.50). Значительная часть населения была занята отхожими промыслами внутри Центральной России (см. табл.51-52). География происхождения переселенцев в 1896-1910 гг. представлена в табл.51-53. Наиболее активными в миграционном отношении по-прежнему были центрально-земледельческие губернии. В этих губерниях наблюдался наибольший естественный прирост населения, и аграрный кризис был наиболее сильным. В результате миграции численность населения колонизируемых районов увеличивалась более быстрыми темпами, чем Центральной России и страны в целом. Если численность населения Сибири к 1913 г. возросла более чем в 3 раза, то Центральной России – в 2 раза.

Таблица 49

Миграционные процессы Центральной России в 1896-1910 гг., ‰*

Губернии и районы**	Миграции в Сибирь (1896-1909)	Отходничество в Европейской России (1906-1910)
1	2	3
1. Петербургская	1,6	23,0
2. Псковская	18,5	10,4
3. Новгородская	2,4	14,2
4. Олонецкая	2,6	13,2
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	6,3	15,2
5. Московская	4,1	34,2
6. Владимирская	1,0	24,2
7. Калужская	23,8	25,4
8. Тверская	2,0	23,0
9. Ярославская	1,0	23,1
10. Костромская	13,0	20,0
11. Нижегородская	8,4	12,0
Всего: II. Центрально-Промышленный	7,6	23,1
12. Курская	90,6	10,0
13. Орловская	69,0	12,2
14. Тамбовская	52,8	8,2
15. Воронежская	70,4	8,0
16. Пензенская	44,4	10,0
17. Рязанская	23,0	20,5
18. Тульская	23,4	20,0
Всего: III. Центрально-Земледельческий	53,4	12,7
19. Казанская	10,2	9,2
20. Самарская	47,4	3,4
21. Саратовская	32,4	6,0

Окончание табл.49

1	2	3
22. Симбирская	25,5	10,0
Всего: IV. Поволжье	28,9	7,2
Итого: Центральная Россия	24,1	14,6

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т.1. С.17; Статистический Ежегодник России 1910 г. СПб., 1911. С.18.

**В названных источниках отсутствуют данные по Астраханской губернии.

Таблица 50

Отходничество сельского населения Центральной России в 1891-1910 гг., ‰ *

Губернии и районы	Годы		
	1891-1900	1902	1906-1910
1	2	3	4
1. Петербургская	28,9	27,6	23,0
2. Псковская	6,2	8,7	10,4
3. Новгородская	13,1	13,4	14,2
4. Олонецкая	12,4	13,4	13,2
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	15,2	15,8	15,2
5. Московская	29,9	33,9	34,2
6. Владимирская	19,1	26,1	24,2
7. Калужская	20,5	25,8	25,4
8. Тверская	16,7	22,6	23,0
9. Ярославская	18,9	24,1	23,1
10. Костромская	13,1	27,6	20,0
11. Нижегородская	11,0	13,1	12,0
Всего: II. Центрально-Промышленный	18,5	24,7	23,1

Окончание табл.50

1	2	3	4
12. Курская	3,2	11,9	10,0
13. Орловская	9,2	11,6	12,2
14. Тамбовская	5,9	8,8	8,2
15. Воронежская	7,4	8,5	8,0
16. Пензенская	7,6	10,6	10,0
17. Рязанская	17,5	22,7	20,5
18. Тульская	14,3	20,1	20,0
Всего: III. Центрально-Земледельческий	9,3	13,5	12,7
19. Казанская	4,7	9,2	9,2
10. Самарская	1,9	4,6	3,4
21. Саратовская	6,1	7,7	6,0
22. Симбирская	8,6	10,8	10,0
23. Астраханская	17,6	8,3	9,0
Всего: IV.Поволжье	7,8	8,1	7,5
Итого: Центральная Россия	12,7	15,5	14,6
Итого: 50 губерний Европейской России	8,3	9,5	9,4

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.133.

Таблица 51

Переселенческое движение из Центральной России в 1895-1914 гг., тыс. чел. *

Губернии и районы	Годы				Всего
	1895-1899	1900-1904	1905-1909	1910-1914	
1	2	3	4	5	6
1. Петербургская	0,2	0,1	2,5	1,0	3,8
2. Псковская	2,4	4,5	12,4	9,1	28,4
3. Новгородская	0,9	0,1	1,6	2,9	5,5
4. Олонецкая	-	0,1	-	-	0,1
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	3,5	4,8	16,5	13,0	37,8
5. Московская	0,1	0,1	0,3	0,2	0,7
6. Владимирская	0,2	0,1	0,5	-	0,9
7. Калужская	4,1	0,7	16,9	8,5	30,2
8. Тверская	0,5	0,4	2,2	-	3,1
9. Ярославская	0,1	-	-	-	0,1
10. Костромская	0,6	0,4	6,4	17,2	24,6
11. Нижегородская	2,2	1,1	3,8	2,5	14,9
Всего: II. Центрально-Промышленный	7,8	1,8	30,1	28,4	74,5
12. Курская	48,5	24,9	127,0	44,9	284,7
13. Орловская	43,4	9,0	73,5	52,9	186,4
14. Тамбовская	41,9	11,3	61,8	60,0	213,6
15. Воронежская	29,3	17,7	114,4	72,5	268,4
16. Пензенская	37,8	7,7	30,0	15,3	99,0
17. Рязанская	15,4	2,2	20,3	14,4	66,5
18. Тульская	17,6	2,0	10,7	9,6	41,6
Всего: III. Центрально-Земледельческий	233,9	74,8	437,7	269,6	1155,2

Окончание табл. 51

1	2	3	4	5	6
19. Казанская	5,1	1,6	10,4	6,1	30,6
20. Самарская	42,7	8,4	65,7	48,6	170,2
21. Саратовская	16,6	6,5	41,3	26,5	101,9
22. Симбирская	11,1	3,0	10,0	8,1	37,9
23. Астраханская	0,5	0,1	1,0	0,6	2,2
Всего: IV. Поволжье	76,0	19,6	128,4	89,9	342,8
Итого: Центральная Россия	321,2	101,0	612,7	400,9	1610,3
Итого: 50 губерний Европейской России	658,0	445,3	1827,4	1045,7	4259,9

*Составлено и подсчитано по: РГИА. Ф.23. Оп.16. Д.318. Л.41-42, 43-45, 54-55, 77, 78-79 об.; ЦГА РТ. Ф.1062. Оп.№1. Д.296. Л.150; Д.95. Л.97-112; ГАСО. Ф.700. Оп.5. Д.138. Л.3; Ф.224. Оп.1. Д.111; Ф.146. Оп.1. Д.65, 66, 67, 70, 73, 77, 81, 83, 85, 87; ГАПО. Ф.9. Оп.1. Д.738; Оп.2. Д.795; Д.763, 769, 713; Ф.177. Оп.1. Д.62, 122, 137, 141, 142; Ф.5. Оп.1. Д.7315. Л.45 и об., 81 и об.- 82; Д.7326. Л.6 и об.- 15; Д.7400. Л.7 и об.- 8, 9 и об.- 10 и об., 17 и.об.- 18, 21 и об., 22 и об.- 23 и об.- 25; Ф.171. Оп.1. Д.141. Л.7 и об., 11 и об.- 15 и об., 23, 62 и об; Д.159. Л.6-48; ГАУО. Ф.127. Оп.8. Д.9; Статистический сборник за 1913-1917 гг.// Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.38; Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России. М., 1958. С.150, 154, 244, 245, 246, 310.

Таблица 52

Наиболее значительные миграции в Сибирь из губерний Центральной России семейных переселенцев в 1895-1914 гг., тыс.чел.*

Губернии	Число выходцев
1. Курская	308,5
2. Воронежская	237,5
3. Тамбовская	198,0
4. Орловская	161,4
5. Самарская	157,0
6. Пензенская	124,4
7. Саратовская	100,2
Итого:	1287,0

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т.1. С.18-97; Статистический ежегодник России 1914 г, Пг., 1915. С.15-19.

Таблица 53

Переселения в Сибирь из губерний Центральной России в 1896-1912 гг.*

Районы	Число выходцев	
	тыс. чел.	% к итогу
I. Северо-Западный (Озерный)	26,8	0,5
II. Центрально-Промышленный	80,2	1,8
III. Центрально-Земледельческий	1066,7	24,0
IV. Поволжье	377,9	8,7
Центральная Россия	1571,6	35,0
50 губерний Европейской России	4504,8	100,0

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т.1. С.18-97; Статистический ежегодник России 1912 г. СПб., 1913. С.13-19.

По мере развития промышленности и аграрного кризиса увеличивалось число мигрантов в города и распространялось отходничество крестьян на заработки. Учет миграции в города не был налажен удовлетворительно. О ней можно судить или по динамике общей численности городского населения, или по данным городских переписей. Заметным рост городского населения становится с конца XIX в. С 1897 по 1914 гг. оно возросло многократно и большей частью за счет миграционной составляющей. Однако доля городского населения в общей численности населения Центральной России к 1914 г. увеличилось с 13% до 17%.[72]

Отходничество крестьян на заработки, уходившее корнями в XV-XVI вв., было распространено в XIX в. в неземледельческих губерниях севера и центра Европейской России, а также в Поволжье до широкого использования на Волге паровых судов (бурлачество). Немецкий ученый А.Гакстгаузен, путешествовавший по России в середине XIX в., был поражен распространением крестьянских промыслов в этих губерниях.[73] В табл.50 приведены данные о числе отходников, полученные по результатам паспортной статистики. Как видно, в целом наблюдалась обратная переселению за Урал картина распределения губерний по интенсивности отхода крестьян. Ежегодная численность отходников возрастала в 1900-х гг. примерно в 1,2-1,3 раза. В 1906-1910 гг. было выдано св.14,5 млн. одногодичных паспортов.

В целом, в Центральной России существовала районная дифференциация миграционных потоков. Земледельческие губернии с высоким уровнем рождаемости были связаны с колонизируемыми районами Сибири, Северного Кавказа и т.д., отходничество было распространено в промышленных губерниях центра.

Внутренняя миграция играла заметную роль в изменении численности колонизируемых регионов, а также городов, особенно столичных. В Петербурге и Москве в 1900-х гг. 2/3 населения не являлись местными уроженцами Но вклад миграции в воспроизводство населения России был большим за счет ее противоречивого взаимодействия с другими демографическим процессами.

С одной стороны, миграция понижала уровень рождаемости и брачности за счет разлучения супругов, нарушений возрастно-половой структуры населения, изменения репродуктивных установок

людей вследствие их перехода в более модернизированную среду (города) и др.[74]

Особенно ярко проявлялась роль миграции в воспроизводстве в годы экономических и других социальных кризисов. В условиях ограниченного использования методов внутрисемейного регулирования деторождения, миграция, разлучавшая супругов (а не снижение уровня брачности, как иногда ошибочно полагают), является главной причиной падения рождаемости. Кроме того, мигранты содействовали распространению эпидемий.

Но, с другой стороны, миграционные процессы могут содействовать сохранению высоких уровней рождаемости в традиционном обществе, замедлять течение демографического перехода.

Аналогичную сдерживающую роль играла миграция по отношению к другим демографическим процессам. Можно рассматривать миграцию, наряду с контрацепцией, абортами, стерилизацией, инфантицидом, отложенными браками и целибатом, как демографическую реакцию на падение уровня благосостояния. Это падение в Центральной России было вызвано ростом населения из-за резкого снижения смертности в ходе модернизации. Из этих реакций люди в аграрном обществе выбирают те, которые наиболее доступны и содействуют сохранению их прежнего уклада жизни. Таковой является миграция при наличии свободных земель. Если миграция затруднена, то люди предпочитают откладывать браки для поддержания своего экономического благополучия.

Кроме того, в 1900-х гг. в сельском населении следует различать две установки в поведении и, соответственно, два типа миграции. Первая – "новаторская", характеризуется желанием человека ехать в незнакомые, совершенно отличные от прежних индустриализированные районы. Вторая – "традиционная", характеризуется тем, что человек не хочет менять свой прежний сельский уклад жизни, нелегко принимает новое. Аграрное перенаселение заставляет его отправляться туда, где есть свободные земли. Поэтому в колонизируемых регионах уровень рождаемости был не ниже, чем на родине переселенцев.

Нарастание революционного кризиса в России в начале XX в. вынудило правительство императора Николая II полностью отказаться от традиционной политики ограничения переселений. Право на них теперь получали все желающие, независимо от их имущественного положения. Правительство сознательно поощряло переселения на окраины безземельных и малоземельных крестьян. Таким путем правящие круги стремились ослабить социальную напряженность в центральных малоземельных губерниях и расширить базу для хуторского и отрубного землевладения. Поскольку безземельные неимущие крестьяне не имели необходимых средств для переселения в удаленные окраинные районы империи, им предоставлялся ряд существенных льгот и привилегий.

Новый курс переселенческой политики был окончательно оформлен законом от 6 июня 1904 г.[75] Он освобождал новоселов от круговой поруки и расширял льготы и пособия переселенцам (путевые пособия, врачебно-продовольственная помощь, пониженный переселенческий тариф за проезд по железной дороге, ссуды на обзаведение хозяйством, равные 100 руб., а в Приморье – 150 руб. и т.д.).

Русско-японская война вынудила правительство приостановить переселения, однако уже в 1906 г. они были возобновлены. Однако много переселенцев возвращалось обратно (в 1910 г. обратные переселенцы в Центральную Россию составили 36%, а в 1911 г. – 60% от всех мигрантов).

В конце XIX в. в большинстве губерний Центральной России местные губернские статистические комитеты наладили учет движения населения, включая и миграционные процессы. В отчетах губернаторов и ежегодных печатных обзорах губерний появляются регулярные сведения о переселениях на окраины и в крупнейшие города империи. Однако и теперь, если крестьянское миграционное движение на окраины регистрировалось более или менее полно (главным образом, в местах вселения), то приток жителей в города страны и вообще неземледельческие миграции фиксировались недостаточно качественно. Возможная неточность подсчетов и приведенных данных объяснялась несовершенством российской статистики того времени, а также тем обстоятельством, что уходившие на заработки в города, а отчасти и переселявшиеся на окраины, регистрировались дважды – по месту прежнего и нового жительства.

Можно частично учесть приток населения в города. С 1897 по 1914 гг. механический прирост в Петербурге достиг 1050,0 тыс., в Москве – 833,4 тыс. Предстоит большая работа по учету темпов миграционного движения в города. Однако этот отлив в местах убытия в официальных источниках почти не фиксируется. Так, на-

пример, механический отлив из Новгородской губернии составил в 1896-1914 гг. – 3,6 тыс,чел,, в Тверской зарегистрирован прилив – 1,8 тыс.чел., в Ярославской отток – 4 тыс.чел. и т.д. В то же время, перепись 1900 г. зарегистрировала в Петербурге 116,4 тыс. чел. уроженцев Тверской, 83,5 тыс. – Ярославской, 50,8 тыс. – Новгородской губерний и т.д.[76]

Процессы нормирования населения Петербурга свидетельствуют о том, в 1910 г. в столицу мигрировали крестьяне 11 губерний Центральной России. Кроме того, на первые 5 губерний, расположенных в нисходящем порядке, приходилось 55,9% общей численности рассматриваемой группы жителей Петербурга. В указанный период в составе крестьян, жителей столицы, невысок был удельный вес выходцев из губерний с более развитой промышленностью (Петербургская, Московская, Костромская) (табл.54).

Материалы переписей 1900 и 1910 гг. выявили распределение всего петербургского населения по месту рождения. На основании материалов этих переписей были произведены следующие подсчеты. Так, в 1900 г. родившиеся в Петербурге составили 455,9 тыс.чел., родившиеся вне столицы, прибывшие сюда мигранты составили 983,7 тыс.чел., всего 1439,6 тыс.чел., доля родившихся в Петербурге к общей численности населения достигла в это время всего 31,7%. К 1910 г. общая численность населения столицы увеличилась в 1,3 раза, в том числе на 1/3 возросла численность уроженцев столицы и мигрантов. Однако мигранты по-прежнему доминировали в абсолютных и относительных показателях. Родившиеся в Петербурге составили 610,2 тыс.чел., родившиеся вне Петербурга – 1295,4 тыс.чел., уроженцы столицы при этом составляли менее 1/3 населения (32,0%).[77]

В 1910 г. среди отдельных сословий петербургского населения родившиеся в Петербурге и мигранты были представлены следующим образом (табл.55). Среди почетных граждан, купцов и мещан Петербурга местные уроженцы составляли более половины (51-54%). Среди основной массы петербургского населения – крестьян – мигранты составляли большинство – 75,3%. Сословия дворян и духовенства были представлены в большинства лицами, мигрировавшими в столицу – соответственно 59,1% и 67,4%. В целом же мигрантов среди столичного населенна в это время было ок. 70%.

Таблица 54

Распределение населения Петербурга по месту рождения, продолжительности пребывания и полу в 1910 г.*

Показатели	Численность населения					
	тыс. чел.			% к итогу		
	муж.	жен.	оба пола	муж.	жен.	оба пола
I. Родившиеся в Петербурге	280,1	330,1	610,2	28,1	36,3	32,0
II. Родившиеся вне Петербурга, поселившиеся в нем (годы):						
1910 и временно приезжие	117,6	78,6	196,2	11,8	8,7	10,3
1909-1906	178,2	123,6	301,8	17,9	13,6	15,8
1905-1901	107,2	91,6	198,8	10,8	10,1	10,4
1900-1896	79,8	63,8	143,6	8,0	7,0	7,6
1895-1891	53,5	40,7	94,2	5,4	4,5	4,9
1890-1886	37,0	29,5	66,5	3,7	3,3	3,5
1885-1881	24,4	20,2	44,6	2,4	2,2	2,4
1880-1876	20,4	18,4	38,8	2,0	2,0	2,0
1875-1871	10,8	10,2	21,0	1,1	1,1	1,1
1870 и ранее	16,2	22,3	38,5	1,6	2,5	2,0
Неизвестно когда	72,1	79,3	151,4	7,2	8,7	8,0
Всего	717,1	578,3	1295,4	71,9	63,7	68,0
Итого (I+II):	997,2	906,4	1905,6	100,0	100,0	100,0

*Составлено и подсчитано по: Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.1У. С.19-21; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.19-22.

Таблица 55

Распределение населения Петербурга
по месту рождения и сословиям в 1910 г.*

Сословия	Численность населения, тыс. чел.			% родившихся в Петербурге
	родившиеся в Петербурге	родившиеся вне Петербурга	всего	
Дворяне	56,4	81,4	137,8	40,9
Духовенство	3,0	6,2	9,2	32,6
Почетные граждане	41,6	35,6	77,2	53,9
Купцы	7,0	6,6	13,6	51,5
Мещане	151,6	143,3	294,9	51,4
Крестьяне	324,2	986,2	1310,4	24,7
Прочие	26,4	36,1	62,5	8,0
Итого:	610,2	1295,4	1905,6	32,0

*Составлено и подсчитано по: Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.19-21; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.19-22.

Показатели следующей табл.56, составленной и подсчитанной по материалам переписи Петербурга 1910 г., позволяют выявить, каков был общий удельный вес группы постоянных жителей Петербурга. Группа родившихся в столице и поселившихся в ней до 1900 г. составила 55,5%. Если распределить так же пропорционально и последнюю группу ("неизвестно когда"), то общий удельный вес численности постоянных жителей Петербурга можно считать примерно в 60%. Однако абсолютное и относительное большинство мигрантов, поселившихся в столице в разные годы, составило 1295,4 тыс.чел., или 68%, причем более половины из них мигрировали в столицу за 10 лет до переписи.

Таблица 56

Уроженцы Центральной России – крестьяне –
в населении Петербурга в 1910 г.*

Губернии – место рождения	тыс. чел.	% к итогу
1. Тверская	210,8	19,6
2. Ярославская	133,5	12,4
3. Новгородская	88,0	8,2
4. Петербургская	85,3	7,9
5. Псковская	84,0	7,8
6. Рязанская	50,4	4,7
7. Костромская	40,1	3,7
8. Калужская	24,9	2,3
9. Московская	22,7	2,1
10. Тульская	20,0	1,9
11. Олонецкая	14,5	1,3
Итого:	774,2	71,9
50 губерний Европейской России	1076,4	100,0

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.133.

В работе, опубликованной Московской городской думой, приведены данные о том, как распределялся в течение 15 лет (с 1897 по 1911 гг.) среднегодовой прирост населения Москвы по факторам влияния. Подсчитанные и сгруппированные по пятилетиям данные приведены в табл.57. Они свидетельствуют о том, что хотя естественный прирост населения постепенно увеличивался, но все же иммиграция во "вторую" столицу намного превосходила его в 1897-1901 гг. – в 4,2 раза, в 1902-1906 гг. – в 2,8 раза, в 1907-1911 гг. – в 3,0 раза.

Таблица 57

Среднегодовой прирост населения Москвы в 1892-1911 гг., чел.*

Годы	Факторы прироста населения		Всего
	естественное движение	иммиграция	
1892-1896	3209	15799	19006
1897-1901	5271	21945	27216
1902-1906	8904	25311	34215
1907-1911	13450	40800	54250

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 135.

Статистические источники и подсчеты показывают, что с конца XIX в. до начала мировой войны из Центральной России на окраины выбыло св.5 млн.чел. Переселения, довольно значительные в 1914 г. (выбыло 336,4 тыс.чел.), резко сократились в 1915 г. (выехало 28,2 тыс.) и почти сошли на нет в 1916 г. (11,2 тыс.).[78] В 1915 г. специальным циркуляром Главноуправляющего землеустройством и земледелием переселения на окраины были приостановлены до окончания военных действий.[79] Выселяться продолжали только лица, получившие разрешение на это до ввода в силу указанного циркуляра. В результате подавляющая часть мигрантов выбыла на окраины в 1897-1914 гг. В эти годы полным ходом продолжалось освоение и заселение земель в Европейской России и на Кавказе, хотя в Азиатскую часть страны устремлялось св.3/4 (76,1%) всех мигрантов Центральной России. На Кавказе тогда поселилось 18% всех переселенцев, а в Новороссии – 6%.

Основная масса переселенцев разместилась в Сибири и на Дальнем Востоке – 2549,9 тыс.чел. Они в основном расселялись в Западной Сибири (1726,2 тыс.чел.), что составило треть всех выбывших на окраины страны. В Томской губернии осталось 1470,1 тыс.чел. (28,1%), а в Тобольской – только 256,1 тыс., или 4,9%. За Западной Сибирью следовали Восточная Сибирь (456,5 тыс.чел., или 8,7% всех лиц, переселившихся на окраины) и Дальний Восток (367,2 тыс., или 7,0%). В Восточной Сибири основная часть переселенцев поселилась в Енисейской губернии (321,0 тыс., или 6,1%), а на Дальнем Востоке – в Приморской области (225,0 тыс., или 4,3%).[80]

Далее по числу переселенцев из центральных губерний следовали Казахстан и Средняя Азия (1428,9 тыс.чел., или 27,3% общего числа всех мигрантов). Заселялся в первую очередь Казахстан (1301,5 тыс.чел.), а в Средний Азию прибыло только 127,4 тыс.чел. обоего пола. В самом Казахстане подавляющая часть новоселов разместилась в Акмолинской области (731,2 тыс.чел.).

На Кавказ переселилось 938,1 тыс.чел. обоего пола. Характерно, что в 1900-х гг. немалая часть мигрантов направилась в Закавказье (Бакинская губерния и Карсская область): на Северном Кавказе разместилось 507,1, а в Закавказье – 431,0 тыс.чел. В Закавказье большая часть новоселов осела в Бакинской губернии (281,0 тыс.чел., или 5,4%), в Карсской области (57,7 тыс.чел. – 1,1%) и Черноморском округе (86,2 тыс. чел., или 1,6%). На Северном Кавказе новоселы осваивали в первую очередь Кубанскую область (219,5 тыс., или 4,2%) и Ставропольскую губернию (53,1 тыс.чел., или 1,1%).[81]

Если в Азиатскую Россию переселялось преимущественно земледельческое население с получением на новых местах узаконенных земельных наделов, то в Закавказье шли главным образом переселенцы, которые не получали здесь земли. Немало мигрантов из центральных губерний устремлялось также в города Закавказья и на нефтеразработки Бакинской губернии.

Новороссия занимает особое положение. С одной стороны, Область Войска Донского и в 1990-х гг. продолжала привлекать земледельческое население (приток равнялся 240,4 тыс.чел., или 4,6%). В Екатеринославскую губернию по-прежнему прибывали крестьяне преимущественно Центрально-Земледельческого района для работы на шахтах и промышленных предприятиях Донбасса. В Херсонской губернии много жителей оседало в быстрорастущих торговых городах, среди которых на первом месте находилась Одесса. С другой стороны, из Новороссии выселялись сельские жители на окраины страны.

В центральных районах России усилился приток мигрантов в города (особенно в обе столицы).

Подавляющая часть внутриимперских переселенцев из районов и губерний Центральной России прибыла в следующие губернии: Томскую (1470,1 тыс.чел.), Петербургскую (1104,7 тыс.чел.), Московскую (787,3 тыс.), Акмолинскую (731, 5 тыс.), Енисейскую (321,0 тыс.), Бакинскую (281,0 тыс.), Тобольскую (256,1 тыс.),

Область Войска Донского (240,4 тыс.), Приморскую (225,0 тыс.), Кубанскую (219,5 тыс.).[82]

Как уже отмечалось, сведения о губерниях выхода переселенцев неполны, так как здесь учтены не все мигранты (зарегистрировано лишь 3,5 млн.чел., или 68% общего числа). Однако районы и губернии оттока по ним определить можно. На первом месте находился Центрально-Земледельческий район (720,5 тыс. Переселенцев). Затем следует среднее поволжье (200,6 тыс.). Таким образом, это были традиционные районы массового выселения. Роль губерний Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в заселении окраин оставалась небольшой. Самое значительное число внутрироссийских переселенцев дали Орловская (207,4 тыс.), Воронежская (173,1 тыс.), (138,0 тыс.), Курская (133,1 тыс.) и Самарская (122,7 тыс.) губернии.[83]

Аграрное перенаселение достигло в земледельческих губерниях Центра огромных масштабов. По подсчетам российских исследователей, аграрное перенаселение Европейской России составило в 1900-х гг. 23 млн.чел. (по другим данным – 10-12 млн.), а к началу 1914 г. – поднялось до 32 млн. (55,9% трудоспособного населения российской деревни).[84] Это показывает, что решающую роль в заселении новых территорий сыграли наиболее освоенные и охваченные аграрным перенаселением районы Центральной России. Среди внутренних мигрантов преобладали русские, немало было жителей Поволжья. Участие уроженцев Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в этом процессе было невелико.[85]

Глава третья.
НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1. Демографический кризис. Миграции населения

В годы Первой мировой войны, революции и последовавших за ними гражданской войны и интервенции социально-экономическая и демографическая ситуация в стране резко изменилась. Их изучение наталкивается на определенные трудности. В частности, по сравнению с предыдущими годами качество демографической информации заметно ухудшилось. Прежде всего была расстроена система текущего учета населения в условиях военного времени и в результате реформ новых органов государственной власти, включавших отделение церкви от государства и создание новой системы учета естественного движения населения.

Так, 18 декабря 1917 г. был утвержден Декрет о гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния, который предусматривал обязательную регистрацию рождений, браков, смертей в специальных книгах отделов записей браков и рождений.[1]

Но, несмотря ни на какие обстоятельства, от тех лет осталось немалое статистическое наследство. Например, Л.И.Лубны-Герцык, изучая движение населения в 1916-1922 гг., использовал данные по 28 губерниям, В.З.Дробижев для периода 1917-1920 гг. приводит иную информацию по 16 губерниям, не считая городов.[2]

Начавшаяся мировая война не позволила провести намечавшуюся на 1915 г. вторую всеобщую перепись населения.[3] Однако в

указанный период времени в стране были проведены фактически две переписи населения, результаты которых были необходимы для решения продовольственной проблемы, проведения аграрной реформы, послевоенного государственного строительства. В 1916 г. была проведена первая сельскохозяйственная перепись, по которой были собраны сведения о сельском и частично городском населении; в 1917 г. – сельскохозяйственная, поземельная и городская переписи.

В интересующий нас период проводились различные выборочные обследования. Особый интерес представляет обследование питания населения, которое было организовано ЦСУ и проводилось под руководством А.Е.Лосицкого с 1919 г. Существовали также различные косвенные источники информации о населении: материалов Министерства земледелия, Наркомздрава РСФСР, комитетов помощи голодающим, и т.д.

Бесспорно, данные периода Первой мировой войны являются неполными и часто противоречат друг другу. Например, ни одна из двух переписей не охватила всей территории страны. Но, как совершенно справедливо заметил Ю.А.Поляков: "Было бы неправильно совершенно пренебрегать данными статистического учета тех лет. Они не могут дать полной картины, но ряд сведений являются доказательными и неплохо характеризуют демографические тенденции".[4]

Главным показателем демографического кризиса явилось резкое сокращение общей массы населения региона за четыре года войны: к началу 1914 г. оно составило 54446,5 тыс. чел. обоего пола, в 1916 г. – сократилось до 50003,5 тыс.чел. а в 1917 г. – до 43668,9 тыс.чел., уменьшившись на 10777,6 тыс.чел. (табл.58-61). Напомним, что губернии Центральной России не являлись театром военных действий, из них шел призыв в армию и шла отправка на фронты "великой войны"; вместе с тем в эти годы сюда прибывали беженцы и военнопленные.

Таблица 58

Численность, состав и размещение населения Центральной России в 1914 г.*

Губернии и районы	Категории населения	Численность, тыс.чел.	Плотность на 1 кв.версту	
			всего	в селах
1	2	3	4	5
1. Петербургская	городское,	2328,9	80,0	20,6
	в т. ч. муж.	1197,3		
	жен.	1131,6		
	сельское,	807,6		
	в т. ч. муж.	387,7		
	жен.	419,9		
	всего,	3136,5		
	в т. ч. муж.	1585,0		
	жен.	1551,5		
2. Псковская	городское,	92,1	37,5	35,1
	в т.ч.муж.	45,6		
	жен.	46,5		
	сельское,	1333,0		
	в т. ч. муж.	645,6		
	жен.	687,4		
	всего,	1425,1		
	в т. ч, муж.	691,2		
	жен.	733,9		
3. Новгородская	городское,	110,1	16,0	15,0
	в т. ч. муж.	55,3		
	жен.	54,8		
	сельское,	1561,4		
	в т. ч. муж.	749,0		
	жен.	812,4		
	всего,	1671,5		
	в т.ч. муж.	804,3		
	жен.	867,3		

Продолжение табл. 58

1	2	3	4	5
4. Олонецкая	городское,	36,1	4,1	3,8
	в т.ч. муж.	17,6		
	жен.	18,5		
	сельское,	429,5		
	в т.ч. муж.	205,8		
	жен.	223,7		
	всего,	465,6		
	в т.ч. муж.	223,4		
	жен.	242,2		
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	городское,	2567,2	343,4	18,6
	в т.ч. муж.	1315,8		
	жен.	1251,4		
	сельское,	4131,5		
	в т.ч. муж.	1988,1		
	жен.	2143,4		
	всего,	6698,7		
	в т.ч. муж.	3303,9		
	жен.	3394,8		
5. Московская	городское,	1900,2	120,5	57,8
	в т.ч. муж.	1013,1		
	жен.	887,1		
	сельское,	1691,1		
	в т.ч. муж.	783,5		
	жен.	907,6		
	всего,	3591,3		
	в т. ч. муж.	1796,6		
	жен.	1794,7		
6. Владимирская	городское,	276,6	47,3	40,9
	в т.ч. муж.	140,8		
	жен.	135,8		
	сельское,	1750,4		
	в т.ч. муж.	823,1		
	жен.	927,3		

Продолжение табл. 58

1	2	3	4	5
	всего,	2027,0		
	в т.ч. муж.	963,9		
	жен.	1063,1		
7. Калужская	городское,	132,8	54,3	49,4
	в т.ч. муж.	66,9		
	жен.	65,9		
	сельское,	1343,8		
	в т.ч. муж.	612,5		
	жен.	731,3		
	всего,	1476,6		
	в т.ч муж.	679,4		
	жен.	797,2		
8. Тверская	городское,	179,2	42,1	39,0
	в т.ч. муж.	89,2		
	жен.	90,0		
	сельское,	2214,9		
	в т.ч. муж	1034,9		
	жен.	1180,0		
	всего,	2394,1		
	в т.ч. муж.	1124,1		
	жен.	1270,0		
9. Ярославская	городское,	207,6	41,6	34,5
	в т.ч. муж.	105,1		
	жен.	102,5		
	сельское,	1090,1		
	в т.ч. муж.	480,5		
	жен.	609,6		
	всего,	1297,7		
	в т.ч. муж.	585,6		
	жен.	712,1		
10. Костромская	городское,	139,0	24,7	22,8
	в т.ч. муж.	68,1		
	жен.	70,9		
	сельское,	1683,6		
	в т.ч. муж.	778,2		

Продолжение табл. 58

1	2	3	4	5
	жен.	905,4		
	всего,	1822,6		
	в т.ч. муж.	846,3		
	жен.	976,3		
11. Нижегородская	городское,	179,9	45,9	41,9
	в т.ч. муж.	91,6		
	жен.	88,3		
	сельское,	1886,9		
	в т.ч. муж.	902,9		
	жен.	984,0		
	всего,	2066,8		
	в т. ч. муж.	994,5		
	жен.	1072,3		
Всего: II. Центрально-Промышленный	городское,	3015,3	53,8	40,9
	в т. ч. муж.	1574,8		
	жен.	1440,5		
	сельское,	1160,8		
	в т.ч. муж.	5415,6		
	жен.	6245,2		
	всего,	14676,1		
	в т. ч. муж.	6990,4		
	жен.	7685,7		
12. Курская	городское,	290,5	79,8	72,7
	в т. ч. муж.	143,9		
	жен.	146,6		
	сельское,	2966,1		
	в т. ч. муж.	1477,5		
	жен.	1488,6		
	всего,	3256,6		
	в т. ч. муж.	1621,4		
	жен.	1685,2		
13. Орловская	городское,	320,0	67,3	59,5
	в т.ч. муж.	163,2		

Продолжение табл. 58

1	2	3	4	5
	жен.	156,8		
	сельское,	2441,7		
	в т.ч. муж.	1196,1		
	жен.	1245,6		
	всего,	2761,7		
	в т.ч.муж.	1359,3		
	жен.	1402,0		
14. Тамбовская	городское,	304,4	60,3	55,1
	в т.ч.муж.	158,1		
	жен.	146,3		
	сельское,	3225,6		
	в т.ч.муж.	1583,8		
	жен.	1641,8		
	всего,	3530,0		
	в т.ч.муж.	1741,9		
	жен.	1788,1		
15. Воронежская	городское,	207,4	62,7	59,1
	в т.ч.муж.	102,6		
	жен.	104,8		
	сельское,	3423,5		
	в т.ч.муж.	1709,4		
	жен.	1714,1		
	всего,	3630,9		
	в т.ч.муж.	1812,0		
	жен.	1818,9		
16. Пензенская	городское,	187,1	56,0	50,5
	в т.ч.муж.	91,0		
	жен.	96,1		
	сельское,	1724,5		
	в т.ч.муж.	832,7		
	жен.	891,8		
	всего,	1911,6		
	в т.ч.муж.	923,7		
	жен.	987,9		

Продолжение табл. 58

1	2	3	4	5
17. Рязанская	городское,	200,0	75,3	69,8
	в т.ч.муж.	101,5		
	жен.	98,5		
	сельское,	2573,9		
	в т.ч.муж.	1251,3		
	жен.	1322,6		
	всего,	2773,9		
	в т.ч.муж.	1352,8		
	жен.	1421,1		
18. Тульская	городское,	225,1	69,3	61,1
	в т.ч.муж.	118,1		
	жен.	107,0		
	сельское,	1661,1		
	в т.ч.муж.	783,0		
	жен.	878,1		
	всего,	1886,2		
	в т.ч.муж.	901,1		
	жен.	985,1		
Всего: III. Центрально-Земледельческий	городское,	1734,0	67,2	61,1
	в т.ч.муж.	878,4		
	жен.	855,6		
	сельское,	18016,4		
	в т.ч.муж.	8833,8		
	жен.	9182,6		
	всего,	19750,9		
	в т.ч.муж.	9712,2		
	жен.	10038,7		
19. Казанская	городское,	280,1	51,2	46,2
	в т.ч.муж.	140,4		
	жен.	139,7		
	сельское,	2586,9		
	в т.ч.муж.	1284,0		
	жен.	1302,9		

Продолжение табл. 58

1	2	3	4	5
	всего,	2867,0		
	в т.ч.муж.	1424,4		
	жен.	1442,6		
20. Самарская	городское,	242,2	28,6	26,8
	в т.ч.муж.	117,6		
	жен.	124,6		
	сельское,	3558,6		
	в т.ч.муж.	1765,5		
	жен.	1793,1		
	всего,	3800,8		
	в т.ч.муж.	1883,1		
	жен.	1917,7		
21. Саратовская	городское,	518,0	44,0	37,1
	в т.ч.муж.	248,8		
	жен.	269,2		
	сельское,	2751,3		
	в т.ч.муж.	1358,6		
	жен.	1392,7		
	всего,	3269,3		
	в т.ч.муж.	1607,4		
	жен.	1661,9		
22. Симбирская	городское,	151,5	47,5	44,1
	в т. ч. муж.	74,8		
	жен.	76,7		
	сельское,	1916,3		
	в т.ч.муж.	932,4		
	жен.	983,9		
	всего,	2067,8		
	в т.ч.муж.	1007,2		
	жен.	1060,6		

Продолжение табл. 58

1	2	3	4	5
23. Астраханская	городское,	187,9	6,3	5,4
	в т.ч.муж.	94,3		
	жен.	98,6		
	сельское,	1128,0		
	в т.ч.муж.	577,5		
	жен.	550,5		
	всего,	1315,9		
	в т.ч.муж.	671,8		
Всего: IV. Поволжье	городское,	1379,7	35,5	31,9
	в т.ч.муж.	675,9		
	жен.	703,8		
	сельское,	11941,1		
	в т.ч.муж.	5918,0		
	жен.	6023,1		
	всего,	13320,8		
	в т.ч.муж.	6593,9		
	жен.	6726,9		
Итого: Центральная Россия	городское,	8696,2	47,7	38,1
	в т.ч. муж.	4444,9		
	жен.	4251,3		
	сельское,	45749,8		
	в т.ч. муж.	22155,5		
	жен.	23594,3		
	всего,	54446,5		
	в т. ч. муж.	26600,4		
	жен.	27846,1		

Окончание табл. 58

1	2	3	4	5
Итого: 50 губерний Европейской России	городское,	18596,8	30,3	25,9
	в т.ч.муж.	9481,2		
	жен.	9115,6		
	сельское,	110267,5		
	в т.ч.муж.	54275,3		
	жен.	55992,2		
	всего,	128864,3		
	в т.ч.муж.	63756,5		
	жен.	65107,8		

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915. С.191.

Таблица 59

Численность, состав и размещение населения Центральной России в 1916 г., тыс.чел.*

Губернии и районы	Всего населения	Городское население	Сельское население	
			всего	в т.ч. неописанное
1	2	3	4	5
1. Петроградская	3637,5	2554,3	1083,2	412,8
2. Псковская	1137,9	79,2	1058,7	1,2
3. Новгородская	1456,5	107,6	1348,9	21,5
4. Олонецкая	411,8	34,9	376,9	15,2
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	6643,7	2776,0	3867,7	450,7
5. Московская	3638,3	2144,1	1494,2	27,4
6. Владимирская	1877,5	307,0	1570,5	129,1
7. Калужская	1251,2	102,5	1148,7	46,3
8. Тверская	1979,8	195,8	1784,0	71,9
9. Ярославская	1271,2	271,7	999,5	40,3

Окончание табл. 59

1	2	3	4	5
10. Костромская	1647,7	110,0	1537,7	62,0
11. Нижегородская	1871,5	174,6	1696,9	109,0
Всего: II. Центрально-Промышленный	13537,2	3305,7	10231,5	486,0
12. Курская	2608,0	158,5	2449,5	6,7
13. Орловская	2385,1	363,0	2022,1	67,7
14. Тамбовская	3343,4	313,3	3029,1	10,0
15. Воронежская	3266,4	162,0	3104,4	125,1
16. Пензенская	1789,9	196,2	1596,7	7,0
17. Рязанская	2176,5	154,1	2022,4	81,5
18. Тульская	1705,2	236,1	1469,1	59,2
Всего: III. Центрально-Земледельческий	17274,5	1581,2	15693,3	357,2
19. Казанская	2636,0	262,6	2373,4	95,7
20. Самарская	3632,0	449,8	3182,2	128,3
21. Саратовская	3184,7	683,0	2501,7	48,6
22. Симбирская	1832,1	195,5	1636,6	17,1
23. Астраханская	1263,3	201,4	1361,9	4,1
Всего: IV. Поволжье	12548,1	1792,3	10755,8	298,8
Итого: Центральная Россия	50003,5	9455,2	40548,3	1587,7
Итого: 50 губерний Европейской России	97706,4	16686,5	81019,9	3265,1

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913-1917 гг.// Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 216, 217, 224, 225.

Таблица 60

Численность, состав и размещение населения Центральной России в 1917 г., тыс.чел.*

Губернии и районы	Сельское население				
	Всего	В том числе			
		наличное	отсутствующее		
			всего	в том числе	
				отхожие промыслы	армия
1	2	3	4	5	6
1.Петроградская	817,0	704,5	112,5	35,8	76,7
2. Псковская	849,9	750,6	99,3	13,4	85,9
3. Новгородская	1543,5	1312,7	230,8	46,9	188,9
4. Олонецкая	410,3	344,9	65,4	13,7	51,7
Всего: I. Северо-Западный (Озерный)	3620,7	311267	508,0	109,8	398,2
5. Московская	1594,9	1304,0	290,9	124,6	166,3
6. Владимирская	1581,9	1331,2	250,7	82,4	168,3
7. Калужская	1361,7	1108,6	253,1	99,0	154,1
8. Тверская	2027,4	1644,8	382,6	180,9	201,7
9. Ярославская	1146,4	942,9	203,5	70,5	133,0
10. Костромская	1647,1	1394,5	252,6	62,5	190,1
11.Нижегородская	1759,3	1518,7	240,6	50,6	190,0
Всего: II.Центрально-Промышленный	11118,7	9244,7	1874,0	670,5	1208,5
12. Курская	2793,4	2396,3	397,1	51,6	345,5
13. Орловская	2299,4	1964,2	335,2	80,5	254,7
14. Тамбовская	3527,3	3063,0	464,3	77,2	387,1
15. Воронежская	3273,2	2847,6	425,6	45,3	380,3
16. Пензенская	1808,7	1588,1	220,6	31,7	188,9
17. Рязанская	2304,2	1931,1	373,1	117,3	255,8

Окончание табл.60

1	2	3	4	5	6
18. Тульская	1725,5	1434,5	291,0	101,8	189,2
Всего: III. Центрально-Земледельческий	17731,7	15224,8	2506,9	505,4	2001,5
19. Казанская	2600,0	2265,2	334,8	57,2	277,6
20. Самарская	3350,8	2954,9	395,9	16,0	379,9
21. Саратовская	2770,6	2431,3	339,3	33,9	305,4
22. Симбирская	1872,2	1630,6	241,6	29,9	211,7
23. Астраханская	604,2	527,8	76,4	11,5	64,9
Всего: IV.Поволжье	11197,8	9809,8	1388,0	148,5	1239,5
Итого: Центральная Россия	43668,9	37392,0	6276,9	1434,2	4842,7
Итого: 50 губерний Европейской России	81398,1	69893,3	11504,8	2310,4	9194,4

*Составлено и подсчитано по: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям// Труды ЦСУ. М., 1921. Т.IV. Вып.1. С.2, 3, 18, 19, 26, 27.

Таблица 61

Изменение численности и размещения населения некоторых губерний Центральной России в 1897-1916 гг.*

Губернии	Численность		Увеличение		Переселилось за Урал, тыс. чел.	Среднегодовой темп роста, %
	1897 г., тыс. чел.	1916 г., тыс. чел.	тыс. чел.	%		
1	2	3	4	5	6	7
1. Московская	2430,6	3631,8	1201,2	49,4	0,5	1,2
2. Владимирская	1515,7	2021,4	505,7	33,4	1,2	1,3
3. Калужская	1132,8	1341,5	208,7	18,4	25,5	1,4

Окончание табл.61

1	2	3	4	5	6	7
4. Тверская	1769,1	2152,0	382,9	21,7	4,3	1,3
5. Ярославская	1071,4	1358,0	286,6	26,8	-	1,0
6. Костромская	1387,0	1827,7	440,7	31,8	11,0	1,4
7. Нижегородская	1584,8	2003,3	418,5	26,4	10,5	1,4
8. Курская	2371,0	2974,3	603,3	25,4	232,9	1,8
9. Орловская	2033,8	2619,2	585,4	28,8	153,5	1,6
10. Тамбовская	2684,0	3606,2	922,3	34,4	159,5	1,8
11. Воронежская	2531,3	3607,1	1075,8	42,5	215,5	2,0
12. Рязанская	1802,2	2363,4	561,2	31,1	49,9	1,7
13. Тульская	1419,5	1855,0	435,5	30,7	37,8	1,5
14. Самарская	2751,3	3869,8	1118,0	40,6	114,3	1,9
Итого:	26484,5	35230,7	8746,2	31,5	1016,4	1,5

*Составлено и подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения... Т.1. С.18-97; Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918. С.18-19.

Тенденции рождаемости в 1914-1917 гг. по данным текущего учета населения представлены в табл.62. В ней отсутствуют сравнительные данные за 1918-1919 гг., когда централизованная система учета населения была полностью разрушена. Однако материалы местной статистики дают представление о движении населения за эти годы. Коэффициент рождаемости в Орловской губернии составил в 1917 г. – 29,0‰, в 1918 г. – 28,5‰, в 1919 г. – 25,6‰, в 1920 г. – 25,3‰; для Саратовской губернии имеются дифференцированные показатели по городу и селу, за исключением 1918 г.: рождаемость в городах в 1917 г. – 19,1‰, в 1919 г. – 27,1‰, в 1920 г. – 32,7‰; рождаемость в селах в 1917 г. – 18,7‰, в 1919 г. – 36,4‰, в 1920 г. – 31,7‰. Показатели рождаемости в Ярославской губернии также различались по годам, но незначительно: здесь рождаемость в городах составила в 1917 г. – 31,6‰, в 1918 г. – 29,9‰, в 1919 г. – 27,5‰, в 1920 г. – 29,2‰; в селах соответственно – 25,3‰, 30,8‰, 35,9‰, 31,9‰.[5]

Таблица 62

Рождаемость в ряде губерний Центральной России в 1914-1917 гг., % к рождаемости 1911-1913 гг.*

Губернии	Годы			
	1914	1915	1916	1917
1. Владимирская	99	88	66	42
2. Калужская	102	90	62	45
3. Костромская	105	87	-	-
4. Московская	103	87	71	-
5. Нижегородская	101	85	60	36
6. Новгородская	106	87	69	-
7. Псковская	102	85	76	-
8. Саратовская	103	92	60	41
9. Тверская	106	83	78	58
10. Тульская	102	86	87	88
11. Ярославская	104	89	72	59
12. Казанская	101	87	-	-

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.167-168.

Мировая война 1914-1918 гг. была первым значительным ударом по уровню рождаемости в Центральной России. Массовая мобилизация мужского населения вызвала разрушение прежних семейных связей и резко сократила возникновение новых семейных союзов. Все это в скором времени отразилась на снижении рождаемости. Влияние "великой войны" сказалось куда более значительным, чем русско-японская. Было мобилизовано 16 млн. мужчин, то есть в 12 раз больше, чем в 1904-1905 гг. Это составило 40% всех мужчин в возрасте от 20 до 50 лет.

Война началась летом, и, следовательно, на число родившихся в 1914 г. она еще не могла повлиять. Таким образом, 1914 г. в отношении числа рождений следует рассматривать как мирный год. Только с 1915 г. уже начало сказываться "огненное дыхание" войны.

Однако точно проследить влияние войны оказалось невозможным из-за расстройства статистики естественного движения, населения в результате ведения военных действий и начавшейся общей разрухи в стране. По сделанным расчетам на основе использования различного местного материала и данных переписи 1926 г. о возрастном составе населения динамика коэффициентов рождаемости в Центральной России в годы первой мировой войны выражена в следующих цифрах (табл.63).

Таблица 63

Рождаемость в Петрограде и Москве в 1913-1922 гг., ‰*

Годы	Петроград	Москва
1913	26,4	32,6
1914	25,0	31,0
1915	22,5	26,9
1916	19,1	22,9
1917	18,7	19,6
1918	15,5	14,7
1919	17,7	17,3
1920	21,8	21,4
1921	34,4	30,7
1922	25,3	28,6

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913-1917 гг.// Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Статистический атлас г.Москвы и Московской губернии. М., 1924. Вып.1. С.19-24.

Снижение рождаемости наблюдалось во всех городах, но по размерам снижения они резко отличались между собой (табл.64). Если в Петрограде и Москве рождаемость значительно упала, то этого нельзя сказать о Ярославле и Саратове, где снижение рождаемости не превышало 15-25%. В Петрограде рождаемость к 1917 г. снизилась на 25%, а в Москве – на 1/3.

Таблица 64

Рождаемость в ряде городов Центральной России в 1914-1917 гг., ‰ *

Годы	Петроград	Москва	Ярославль	Саратов
1914	25,0	31,0	37,3	34,5
1915	22,5	26,9	-	28,5
1916	19,1	22,9	35,3	22,6
1917	18,7	19,6	32,7	20,1

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913-1917 гг. // Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 224, 225.

Так как в целом по региону рождаемость к 1917 г. снизилась почти вдвое, то это означало, что особенно резкое снижение ее было в сельской местности.

Уровень рождаемости за годы Первой мировой войны, если опираться на имеющиеся статистические данные, снизился примерно на 45%. Если число родившихся в 1913 г. в 12 губерниях Центральной России, Петрограде и Москве, по которым имеется непрерывный ряд данных в табл.63-66, принять за 100, то динамика рождений представляется следующим образом: 1914 г. – 102, 1915 г. – 88, 1916 г. – 69, 1917 г. – 54. Рост числа рождаемости в 1914 г. объясняется тем, что в этот год рождались дети, зачатые еще в довоенное время. В связи с тем, что сельская местность больше пострадала от мобилизации, чем город, в ней наблюдалась и большее сокращение рождаемости.

Таблица 65

Смертность населения Петрограда и Москвы в 1914-1923 гг., ‰*

Годы	Петроград	Москва
1914	21,5	23,2
1915	22,8	24,0
1916	23,3	23,0
1917	22,9	23,7
1918	46,7	29,9
1919	77,1	45,4
1920	50,6	36,3
1921	31,0	25,5
1922	28,8	29,0
1923	16,0	14,4

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913-1917 гг. //Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225; Статистический атлас г.Москвы и Московской губернии М., 1924. Вып.1. С.19-24.

Таблица 66

Движение населения ряда губерний Центральной России в 1911-1921 гг., ‰*

Губернии	Годы	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1	2	3	4	5
1.Владимирская	1911-1913	43,3	30,2	+13,1
	1920	32,0	33,6	-1,6
	1921	37,3	26,6	+10,7
2.Калужская	1911-1913	50,4	31,8	+18,6
	1920	28,1	31,2	-3,6
	1921	26,8	23,2	43,6
3.Костромская	1911-1913	45,6	29,9	+15,7
	1920	32,2	36,9	-4,7
	1921	27,4	21,9	+5,5

Окончание табл.66

1	2	3	4	5
4.Московская	1911-1913	49,7	36,1	+14,6
	1920	28,9	35,3	-6,4
	1921	32,8	22,2	+10,6
5.Нижегородская	1911-1913	46,9	31,2	+15,7
	1920	23,5	28,8	-5,3
	1921	26,5	23,0	+2,5
6.Новгородская	1911-1913	42,2	28,6	+13,6
	1920	28,9	25,3	+3,6
	1921	37,0	22,6	+14,4
7.Псковская	1911-1913	43,7	26,4	+17,3
	1920	27,3	28,4	-1,1
	1921	38,4	22,1	+16,3
8.Тверская	1911-1913	85,1	29,4	+55,7
	1920	29,4	30,8	-1,4
	1921	27,9	19,2	+8,7
9. Тульская	1911-1913	48,6	32,6	+16,0
	1920	39,9	43,2	-2,3
	1921	34,4	34,9	-0,5
10.Ярославская	1911-1913	43,6	30,1	+13,5
	1920	20,6	25,2	-4,6
	1921	31,2	26,3	+4,9
11. Саратовская	1911-1913	17,6	12,6	+5,0
	1920	26,7	34,8	-8,1
	1921	21,0	22,6	-1,6
12.Казанская	1911-1913	45,7	30,4	+15,3
	1920	39,1	51,1	-12,0
	1921	30,9	45,0	-14,1

*Составлено и подсчитано по: Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С.217-218, 227-228; Статистический ежегодник за 1913-1917 гг.// Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225.

В послевоенные годы, согласно имеющимся данным, уровень рождаемости возрос в 1918 г., а затем колебался по отдельным губерниям в зависимости от новых наборов в армию, военной и продовольственной обстановки.

Представление о сильном влиянии кризиса на репродуктивное поведение дает анализ деформации возрастных распределений коэффициентов рождаемости когорт. Так, у когорты женщин 1890-1894 гг. интенсивность рождаемости в кризисные годы была значительно ниже возможной, что отразилось на повозрастном распределении рождений в последующие годы. Наиболее заметным снижение рождаемости было в молодых женских возрастах. Это подтверждается и некоторыми исследованиями.[6]

В 1917 г. в сельской местности 23-х губерний Центральной России отсутствовало 47,4% мужчин трудоспособного возраста, а в некоторых из них более половины, к примеру, в Олонецкой – 51,8%.[7]

Демобилизация в 1918 г. обусловила повышение уровня рождаемости Новые воинские призывы и миграционный поток из голодающих районов в 1921-1922 гг. отразились на снижении уровня рождаемости.

Разразившийся, кризис содействовал распространению внутрисемейного контроля рождаемости, в том числе в деревне. Так, из отчетов больниц, анкет участковых сельских врачей следует, что в 1914-1922 гг. значительно возросло число абортов, которые были легализованы специальным Декретом 1920 г. С.А.Новосельский отмечал, что практическое неомальтузианство, сознательное регулирование размеров семьи в этот период широко проникло и распространилось среди населения и являлось одной из главных причин наблюдавшегося повсюду падения рождаемости. Созданное войной настроение в связи с экономическим кризисом, неуверенностью в завтрашнем дне способствовало широкой и интенсивной мальтузианской практике.[8]

Вместе с тем, другой исследователь этого вопроса А.Б.Генс снижение рождаемости тесно связывал с распространением абортов: "С 1914 г. ... на селе осталась громадная армия "солдаток", потом и вдов, в связи с чем особенно усилился спрос на аборт, впервые вызвавший (спрос вызывает предложение) профессию бабок по абортам".[9] Другой группой факторов, снижавших рождаемость, являлся рост заболеваемости женщин, психическое напряжение,

которое вызывало длительное или временное бесплодие ("аменорея военного времени").[10]

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война резко ухудшила положение широких слоев населения. Уровень питания значительно снизился, жилищные условия городского населения ухудшились, медицинское обслуживание стало еще менее удовлетворительным. Все это привело к увеличению смертности среди населения.

Коэффициент смертности в 1915-1917 гг. несколько снизился по сравнению с 1913 г. исключительно вследствие падения рождаемости (табл.67). Поэтому для получения правильной картины уровня смертности уместно привести коэффициенты смертности для населения старше одного года (см.табл.67).

Таблица 67

Рождаемость и смертность населения Центральной России в 1913-1917 гг., ‰*

Годы	Рождаемость	Смертность	Смертность населения старше 1 года
1913	47,0	30,2	19,6
1914	46,9	29,0	18,4
1915	39,7	29,9	21,0
1916	29,9	28,7	22,0
1917	23,9	27,6	22,3

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913-1917 гг.// Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225.

При таком подсчете падение рождаемости исключается лишь частично. В те годы очень велика была смертность среди младенцев, двухлетних и трехлетних детей, численность которых к 1916-1917 гг. значительно сократилась.

Хотя используются средние коэффициенты смертности по региону в целом, но надо подчеркнуть, что они относились преимущественно к низшим социальным слоям города и деревни, составлявшим подавляющую часть всего населения. Высшие и более обеспеченные слои жили в гораздо лучших условиях, и уровень смертности у них был значительно ниже.

В 1917 г. наметились негативные изменения в эпидемиологическом фоне региона, нарастали топливный и продовольственный кризисы. Начало будущим эпидемиям положили стихийная демобилизация и беженцы, рассеявшие очаги эпидемий по региону. В последующие пять лет Центральная Россия пережила небывалое усиление инфекционных заболеваний и голод и, как следствие, катастрофический рост уровня смертности.[11]

Согласно оценкам Е.З.Волкова, полученным на основе материалов Наркомздрава, число заболевших остроинфекционными заболеваниями (различные виды тифа, оспа, холера, дизентерия) в центральных губерниях в 1918-1920 гг. составило 7971,4 тыс. чел., из которых умерло 2117 тыс. По сравнению с предыдущим трехлетием число заболеваний возросло почти в 6 раз, а умерших – почти в 7 раз.

Л.А.Тарасевич, в свою очередь, приводил следующие величины заболевших в 1918-1921 гг. по данным Наркомздрава: сыпной тиф – 6886 млн.чел., возвратный тиф – 3 млн. чел. Однако эти данные он считал слишком заниженными из-за неполной регистрации и оценивал общее число заболевших «сыпняком» в 25 млн.чел., возвратным тифом – 8-9 млн.чел. А.Н.Сысин полагал, что общее число заболевших сыпным тифом составило 15 млн. чел.

Эпидемия испанского гриппа, получившего название по месту своего происхождения, на фоне крупномасштабных эпидемий тифов не оставила, судя по литературе тех лет, такого следа, как в некоторых странах мира. Согласно неполным данным Наркомздрава РСФСР, с августа 1918 г. по весну 1919 г. "испанкой" переболело чуть больше 1 млн.чел.[12]

Особенно сильно в 1918-1920 гг. от эпидемий, голода, топливного кризиса пострадало население городов, в первую очередь крупных. Например, общий коэффициент смертности равнялся в Самаре в 1920 г. 93,8%, в Ярославле в 1919 г. – 61,4%.[13] Печальная динамика смертности в Петрограде и Москве за годы Первой мировой и гражданской войн представлена в табл.65.

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для мужского населения в Петрограде сократилась по сравнению с

1910-1911 гг. более чем на 10 лет и составила в 1920 г. 20,5 лет. В 1923 г. она равнялась 41 году.[14]

Меньшим было увеличение смертности в сельской местности, хотя здесь в большей степени мог оказаться недоучет смертей. Так, в Московской губернии смертность возросла с 31,5‰ в 1913 г. до 40,8‰ в 1920 г., в Костромской – с 30,9‰ до 49,6‰, в Орловской – с 27,0‰ до 36,4‰.[15]

Безвозвратные потери армии, численность погибших от террора были значительно меньше числа мирных граждан, умерших от голода и болезней. Правда, эпидемии не щадили не только гражданское население, но и армии. Причины эпидемии в белых армиях часто были источником заболеваний в Красной Армии. Н.А.Семашко писал, что из 60-тысячной армии противника, перешедшей на сторону красных в первые же дни после разгрома Колчака и Дутова, 80% оказались зараженными тифом.[16]

Естественно, что и младенческая смертность оставалась очень высокой. Об этом можно судить по уровню младенческой смертности в Петрограде и Москве. Доля умерших младенцев в 1911-1918 гг. в среднем составила в Петрограде – 26,8% к числу родившихся, в Москве – 23,8%; в 1918 г. соответственно – 26,7% и 26,4%.[17]

Несмотря на тяжелейший экономический кризис, отсутствие материальных и финансовых ресурсов, недостаток медицинских кадров, Советское государство вело борьбу со смертностью. Так, Совет народных комиссаров издал ряд декретов, специально направлявших на борьбу с эпидемиями, предпринимались карантинные меры, санитарный контроль за источниками водоснабжения, обеспечение санитарного порядка на транспорте, широкую санитарно-просветительная работа и другие профилактические мероприятия.

Особое внимание уделялось борьбе с детской смертностью и охране материнства. В частности, в 1920 г. в Москве бесплатно питание получали 78,7% всех детей в возрасте от 5 до 16 лет, в Петрограде – 67,5% детей, в Костромской губернии – 85% детей. Бесплатным детским питанием были обеспечены в Советской республике в 1920 г. 678 тыс. младенцев и 2 млн. детей от года до 5 лет.[18]

В эти же трудные для страны годы увеличилось число учреждений охраны материнства и младенчества: яслей, домов матери и ребенка, молочных кухонь, родильных домов и т.д.[19] Согласно

имеющимся данным по некоторым городам, младенческая смертность в них не увеличивалась по сравнению с довоенными годами.

Первыми начавшийся продовольственный кризис пережили города, утратившие прежние хозяйственные связи друг с другом и с хлебо- и топливопроизводившими районами. Этот кризис начавшийся еще в годы первой мировой войны и в 1918-1920 гг. перерос в голод. К концу гражданской войны продовольственный кризис охватил деревню. Условия войны, политика продразверстки предопределили сокращение сельскохозяйственного производства, которые в сочетании с неблагоприятными погодными условиями вело к голоду. В 1920 г. засуха и неурожай охватили Центрально-Земледельческие губернии, отдельные районы Поволжья, Центрально-Промышленных губерний. На следующий год сильный неурожай поразил Поволжье. Валовый сбор пшеницы в 1921 г. составил в Нижнем Поволжье 10,5% от валового сбора 1913 г. В этом районе в том же 1913 г. собиралось почти 37% всей пшеницы страны. В результате в 1921-1922 гг. полностью под угрозой голода и сопутствовавшей ему новой вспышки эпидемии оказалось 10-12 губерний региона с населением 28-30 млн.чел.

Совнарком и ВЦИК СССР организовали массовую борьбу с голодом. В результате проведенной кампании в помощь голодающим было собрано 120 млн.пуд. хлеба, в том числе 32 млн.пуд. предоставили зарубежные организации, которые кормили 11 млн. голодающих. Более 1,5 млн. пострадавших вышло из районов бедствия, из которых организованным путем было эвакуировано 970 тыс.чел. География голода отражена в обследовании питания сельского населения.[20]

Отметим, что демографическая ситуация в 1922 г. во многих губерниях региона, не охваченных голодом, улучшилась по сравнению с предшествующими годами. Если в 1920 г. только в 1 из 12 губерний наблюдался положительный естественный прирост, то к 1922 г. – уже в 9 (см. табл.63,66).

Общепринятой оценки людских потерь от голода 1921-1922 гг. нет. В 1923 г. советские статистики подсчитали убыль сельского населения Центральной России в 1920 – первой половине 1922 гг. в 5053 тыс.чел. Впоследствии многие советские и зарубежные ученые этой величиной определяли людские потери от голода, ошибочно отождествляя их с убылью населения. Но эта убыль включает в

себя мигрантов в города, куда отправлялись многие «голод-беженцы», и за рубеж, а также результат снижения рождаемости.

Более достоверную величину потерь приводил Е.Кулишер, который опирался на выступления советской делегации на Генуэзской конференции – 3 млн.чел.

Полагаем, что непосредственное потери от голода были меньшими. Если исходить из максимального имеющегося на 1922 г. коэффициента смертности в 80,2‰, полученного входе выборочного обследования, и общего коэффициента смертности для Центральной России в 1911-1913 гг. – 27,2‰, то избыточное число смертей в голодных губерниях составит порядка 1,6 млн.чел. По оценкам Ю.А.Полякова, от голода и болезней к маю 1922 г. погибло ок. 1 млн.чел.[21]

Особенности процессов рождаемости, смертности и миграции предопределили характер воспроизводства населения. В целом по Центральной России за период с 1914 по 1922 гг. включительно численность населения сократилась более чем на 3 млн.чел. Имеющаяся информация не дает точной погодовой численности населения страны. В табл.63-68 приведены оценки динамики численности за годы двух войн.

Убыль населения в этот тяжелый для людей период обеспечила отрицательный естественный прирост. Если его уровень в губерниях, Петрограде и Москве принять за 100 в 1913 г., то в 1914 г. он составил 119, в 1315 г. – 73, в 1916 г. – 22, а в 1917 г. его значение впервые стало отрицательным, что явилось результатом резкого падения уровня рождаемости в годы Первой мировой войны. В годы гражданской войны и послевоенного хаоса отрицательный естественный прирост обеспечивался катастрофическим ростом уровня смертности. Если исходить из имеющихся оценок, то наибольшая убыль населения наблюдалась в 1919 г., а в 1922 г., по некоторым оценкам даже в 1921 г., естественный прирост принимает положительные значения (см. табл.66).

Влияние войны на брачность проявилось прежде всего в уменьшении числа заключенных браков, вызванным мобилизацией мужчин, а отчасти и ухудшением экономических условий. Например, понижающее влияние на число браков Первой мировой войны в Центральной России, пострадавшей в наибольшей степени, характеризовалось следующими показателями (см. табл.68).

Таблица 68

Брачность населения Центральной России в 1913–1917 гг.,%*

Годы	Брачность
1913	100,0
1914	83,0
1915	42,0
1916	43,0
1917	65,0

*Составлено и подсчитано по: Статистический ежегодник за 1913-1917 гг.// Труды ЦСУ. М., 1921. Т.VII. Вып.1. С.208, 209, 216, 217, 225.

Обычно война в большей степени влияет на брачность сельского населения, чем городского. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система "брони" для мужчин, работающих на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же все мужские призывные возраста, за исключением единиц, подлежали мобилизации. Например, изменение коэффициента брачности по Москве и Московской губернии в годы первой мировой войны было следующим (табл.69) количество нереализованных браков в губерниях Центральной России за годы первой мировой войны оценивается в 1,7 млн.[22]

Таблица 69

Брачность населения Москвы и Московской губернии в 1913-1916 гг., ‰*

Годы	Москва	Московская губерния
1913	5,9	7,4
1914	5,5	5,5
1915	4,1	2,2
1916	3,9	2,3

*Составлено и подсчитано по: Куркин П.И., Чертов А.А. Естественное движение населения г.Москвы и Московской губернии. М., 1927. С.24.

По окончании войны в течение 2-3 лет происходил процесс компенсации – в брак вступали лица, не успевшие сделать это до войны; лица, чьи возраста в мирных условиях проходили в годы, пришедшиеся на войну, через волну наивысшей брачности (20-24 года); кроме того, к ним присоединялись те лица, возраста максимальной брачности которых приходились на первые послевоенные годы.

Однако крупные войны, какой была Первая мировая война, служат причиной таких глубоких и необратимых изменений в населении, которые не только затрудняют процесс послевоенной компенсации брачности, но еще долго негативно влияют на брачность многих поколений людей. Главное в этих изменениях – нарушение нормальной возрастно-половой структуры населения.

Причины такого нарушения – повышение смертности людей в период войны и прежде всего массовая гибель молодых мужчин на полях сражений. Немалое значение имеет также пониженная рождаемость в военные годы, которая приводила к существенной деформации возрастной пирамиды и сказывалась на брачности много позднее, когда в брачный возраст вступали поколения, родившиеся в военные и примыкавшие к ним годы.

Брачность порой считают главным фактором, определяющим снижение рождаемости в годы кризисов. Но эта точка зрения ошибочна, поскольку снижение уровня брачности на коротком интервале времени влияет лишь на интенсивность рождений первенцев. Это легко подтвердить простыми арифметическими действиями. "Недород" детей за 1915-1917 гг. составил 6 млн.чел., а дефицит браков за 1914-1916 гг. составил 1,7 млн. Делая заведомо неточное предположение о том, что у всех молодоженов протогенетический интервал равнялся 1 году, можно увидеть, что большая часть "недорода" (4,3 млн.) обусловлена другими факторами.

В целом по сокращению числа браков Россия занимала одно из ведущих мест среди воюющих государств. Если принять количество браков, заключенных в 1913 г. в 6 губерниях, Петрограде и Москве, за 100, то в 1914 г. оно составило уже 85, в 1915 г. – 46, в 1916 г. – 44. В 1917 г. число браков увеличилось до 65, видимо, из-за стихийно нараставшей демобилизации и прекратившихся со второй половины года наборов в армию.

После октябрьских событий 1917 г. в стране произошел невиданный ранее рост брачности как в отдельных городах, так и в уездах. Особенно значительным этот рост был в столицах. В Ярославской губернии число браков среди городского населения возросло с 6,4‰ в 1917 г. до 17,1‰ в 1919 г., а для сельского населения – с 3,5‰ до 11,8‰.[23]

Такое резкое повышение уровня брачности носило отчасти компенсаторный характер. Но в большей степени оно объясняется введением полной свободы разводов и гражданского брака, а также коренными изменениями бытовых и хозяйственных условий жизни людей, вызванных революцией и гражданской войной. А.В.Горбунов отмечал, что множество браков в то время заключалось исключительно для получения "мануфактуры", которая до 1920 г. выдавалась новобрачным в виде приданого, и ценность которой доходила до нескольких сот тысяч рублей. По получении такого приданого новобрачные расходились или разводились для того, чтобы никогда не встречаться, или для вступления в новый брак.

Тот же автор отмечает, что много было заключено фиктивных браков с эвакуированными иностранцами и военнопленными для того, чтобы эмигрировать. Кроме того, заключались браки и для получения "пайка Красной Звезды", для того, чтобы избавиться от уплотнения, или получить лишнюю комнату.[24]

Количество разводов, соответственно, значительно возросло. Однако судить об их количестве на основе имеющихся материалов трудно, поскольку техника регистрации разводов не была налажена. Можно отметить, что в Петрограде среди всех заключенных браков доля тех, в которых хотя бы один супруг был разведен, повысилась с 1,6% в 1908-1909 гг. до 11,2% в 1919 г.[25]

Безвозвратные потери русской армии, которая формировалась на территории Центральной России, в Первую мировую войну были велики. Число погибших солдат и офицеров составляет, по наиболее достоверным оценкам, от 1,6 до 2 млн. чел.

В оценках людских потерь армий в годы Первой мировой и гражданской войн среди ученых единства нет. В энциклопедии "Гражданская война и военная интервенция в СССР" число погибших бойцов Красной Армии оценивается в 1 млн.чел. Ю.А.Поляков определил общую оценку потерь Красной и Белой Армий в 2,5 млн.чел. Завотделом демографической статистики ЦСУ СССР

В.Г.Михайловский оценивал общее количество людей, погибших от насильственной смерти (сюда включаются погибшие в боях, жертвы террора и бандитизма) в годы гражданской войны, в 1 млн.чел. Б.Ц.Урланис оценивал общие потери Красной и Белой Армий во время гражданской войны (включая войну с белополяками) в 800 тыс.чел., из которых 300 тыс.чел. было убито, 50 тыс. умерло от ран, а 450 тыс. умерло от болезней.[26]

Полагаем, что Ю.А.Поляков в своих оценках ближе всех подошел к истине, которая находится в интервале от 2 до 2,5 млн.чел.

Некоторые представления о размерах красного и белого террора дают следующие цифры. "Общество содействия жертвам интервенции" в конце 1927 г. выявило 111730 жертв и свидетелей репрессий белогвардейцев. За 1920-1922 гг. ревтрибуналами, созданными для защиты завоеваний новой власти и борьбы с контрреволюцией и другими наиболее опасными для Советского государства преступлениями, было осуждено 356655 чел. В.Ульрих приводил данные о применении высшей меры наказания ревтрибуналами в 1920 г. – 6543 расстрелянных, то есть 7,3% от всего числа осужденных ими. Е.Кулишер оценивал численность погибших от террора в 260 тыс.чел., из которых 200 тыс. – жертвы красного террора. К фантастическим следует отнести утверждения, подобной оценке Р.Конквестом числа погибших крестьян в ходе подавления крестьянских восстаний (антоновщина, григорьевщина и т.д.) в несколько миллионов человек, или оценке Е.Комниным ежегодного числа погибших от репрессий в 1,5 млн.чел.[27]

Ученые неоднократно пытались дать оценку потерям населения в 1914-1922 гг. Приведем некоторые из этих оценок. Так, Ю.А.Поляков оценивал общие демографические потери в 25 млн.чел.; С.Максудов – людские потери в 15,5 млн.; Б.Ц.Урланис – людские потери в 10-11 млн.; А.Я.Боярский – общие демографические потери в 21-22 млн., людские потери в 12 млн., дефицит рождений в 10 млн.; Е.М.Кулишер – людские потери в 13,8 млн.; Ф.Лоример – общие демографические потери в 28 млн., людские потери в 18 млн., дефицит рождений в 10 млн.; Е.З.Волков – общие демографические потери в 30 млн.; С.Г.Струмилин – общие демографические потери в 18-21 млн., людские потери в 10,1 млн., дефицит рождений в 8 млн.[28]

Полагаем, следует отказаться от деления потерь на прямые и косвенные, поскольку, во-первых, для мирного населения эти понятия в отношении смертности трудно различить, во-вторых, методика расчета величины потерь направлена на определение потерь населения от роста смертности (людские потери) и дефицита рождений, обусловленного снижением уровня рождаемости. В людские потери также включают миграцию. Общие демографические потери равны сумме людских потерь и дефицита рождений.

Если в основу минимальных потерь положить предположения и Е.Андреева, Л.Дарского, Т.Харьковой об относительно высоком уровне смертности в 1926 г., то минимальные величины людских и демографических потерь населения составят соответственно 15 млн. и 23 млн. чел.[29]

Таким образом, к концу 1922 г. Центральная Россия потеряла почти 11% своего населения в 1914 г. "В результате войны и революции наше Отечество лежит в развалинах. Великая Русская равнина стала великим кладбищем где смерть пожинает обильную жатву, где люди едят друг друга".[30]

Первая мировая и гражданская войны деформировали возрастно-половую структуру населения Центральной России. В отличие от идеальной по форме возрастной пирамиды 1896-1897 гг. и 1900-х гг., пирамида, отражающая итоги демографического развития в 1914-1922 гг., имеет «ямы» в возрастах от 5 до 14 лет, то есть родившихся в 1912-1920 гг., что является следствием падения рождаемости.

Повышенная смертность мужчин, вызванная потерями на фронтах, от террора, меньшей сопротивляемостью к болезням, а также большая их доля среди эмигрантов изменили соотношение полов в общей численности населения. Если на рубеже XIX-XX вв. женщины незначительно доминировали над мужчинами, то к 1920-м гг. этот разрыв увеличился многократно и достиг рубежа в несколько миллионов.

В 1914-1918 гг. городское население Центральной России в среднем имело следующее соотношение возрастов и полов. Так, в возрасте до 1 года (младенцы) мужской пол преобладал над женским – соответственно 18,8‰ и 15,2‰; в возрасте 1 года соотношение полов несколько изменилось: мужской – 16,9‰, женский – 13,7‰; 1-4 года – 73,9‰ и 61,4‰; 5-9 лет – 138,1‰ и

118,7‰; 10-14 лет – 137,9‰ и 121,5‰; 16 лет – 23,1‰ и 23,1‰; 17 лет – 20,1‰ и 23,2‰; 18 лет – 14,8‰ и 23,2‰; 19 лет – 10,6‰ и 20,6‰; 20-29 лет – 138,1‰ и 195,9‰; 30-39 лет – 138,2‰ и 132,3‰; 40-49 лет – 115,3‰ и 95,7‰; 50-59 лет – 79,7‰ и 73,9‰; св.60 лет – 66,5‰ и 71,8‰.[31]

Сельское население в тот же период имело следующую возрастно-половую структуру. В возрасте младенцев представители мужского пола и здесь преобладали над женским – соответственно 19,3‰ и 15,8‰; в возрасте 1 года соответственно – 20,4‰ и 16,8‰; 1-4 года – 99,7‰ и 83,7‰; 5-9 лет – 191,1‰ и 162,5‰; 10-14 лет – 172,5‰ и 141,6‰; 16 лет – 27,6‰ и 26,1‰; 17 лет – 24,5‰ и 25,0‰; 18 лет – 19,2‰ и 22,9‰; 19 лет – 9,1‰ и 18,0‰; 20-29 лет – 95,4‰ и 161,1‰; 30-39 лет – 88,4‰ и 110,8‰; 40-49 лет – 87,5‰ и 80,6‰; 50-59 лет – 66,3‰ и 61,8‰; св. 60 лет – 70,1‰ и 63,6‰.[32]

Возрастно-половая структура городского и сельского населения Центральной России изменилась к 1920-1922 гг. В возрасте младенцев среди горожан мужчины составили 20,8‰, женщины – 16,7‰; среди сельчан соответственно – 29,5‰ и 23,0‰; в возрасте 1 года горожан-мужчин было 17,9‰, женщин – 14,6‰; сельчан-мужчин – 30,8‰, женщин – 24,4‰; 1-4 года соответственно – 76,9‰ и 64,0‰; 109,7‰ и 87,3‰; 5-9 лет – 127,3‰ и 109,0‰; 174,8‰ и 142,0‰; 10-14 лет – 128,0‰ и 113,6‰; 162,0‰ и 131,5‰; 16 лет – 23,9‰ и 21,6‰; 27,1‰ и 24,8‰; 17 лет – 21,6‰ и 22,1‰; 22,2‰ и 21,8‰; 18 лет – 17,9‰ и 23,3‰; 16,2‰ и 20,3‰; 19 лет – 12,5‰ и 21,2‰; 6,6‰ и 16,8‰; 20-29 лет – 148,3‰ и 189,7‰; 64,7‰ и 146,9‰; 30-39 лет – 149,6‰ и 133,7‰; 97,5‰ и 114,8‰; 40-49 лет – 120,0‰ и 104,8‰; 101,4‰ и 90,8‰; 50-59 лет – 76,4‰ и 82,0‰; 76,9‰ и 72,9‰; св.60 лет – 52,9‰ и 76,2‰; 84,9‰ и 82,7‰.[33]

Характеризуя возрастной и половой состав городского и сельского населения к 1922 г., отметим, что в деревне гораздо более высок удельный вес детей, рожденных в военное время. По районам наиболее высокий удельный вес этой категории (по селу) дает Северо-Западный и Центрально-Промышленный районы, самый низкий – Центрально-Земледельческий и Поволжский районы, что явно объясняется большим отвлечением из этих районов мужского населения на фронт. Перевес деревни заметен и по более дробным

возрастным категориям (в младенческом возрасте, в возрасте 1 года и т.д.).

В деревне по сравнению с городом значительно выше доля детей в возрасте 5-9 лет. Это, безусловно, объясняется тем, что и до войны село отличалось более высоким уровнем рождаемости. Наиболее высокой рождаемостью отличались юго-восточные губернии Центрально-Земледельческого и Поволжского районов. Наиболее высок удельный вес этой группы по селу. Это превышение видно и применительно к возрастной группе 10-14 лет с постепенным снижением разницы в 16 и 17 лет. Переломным является 18-летний возраст. Это группа дает и по мужчинам, и по женщинам больший удельные вес для горожан.

За годы войны резко изменилось соотношение мужского и женского населения. Если показатели на 1914 г. говорят о численном равенстве полов, то данные переписи 1920 г. показывают огромный численный перевес женщин.[34]

Начиная с 19 лет бросается в глаза очень малый удельный вес молодых мужчин, особенно в деревне (8,0‰ 19-летних). Если для детских возрастных групп было заметно сначала преобладание мужского пола, затем примерное равенство, потом преобладание женщин, то с 18 и особенно с 19 лет численность женщин немного превышала численность мужчин.

Группы 20-29 лет, 30-39 лет и 40-49 лет также показывают превышение в удельном весе города над деревней. Группа 50-59 лет также показывает в целом по региону превышение по удельному весу города над деревней, хотя в таких крупных районах, как Центрально-Промышленный и Центрально-Земледельческий, эта группа по городу и деревне по удельному весу практически была равна. Зато группа св. 60 лет преобладала по удельному весу в деревне значительно и повсеместно.

Итак, в деревне было относительно больше, чем в городе, детей и стариков, а город по сравнению с деревней имел больше людей в возрасте от 18 до 60 лет. Проанализируем для большей доказательности данные по Центральной России, как наиболее крупного из использованных статистических массивов.

В деревне было относительно гораздо больше детей, рожденных в военное время. К 1920-1922 гг. дети (мальчики и девочки) в возрасте 1-4 года составляли 98,5‰, в городах же – 70,5‰.

Соответственно в деревне младенцев 26,3‰; в городе – 18,8‰. В деревне детей в возрасте 1 год 27,6‰; в городе – 16,3‰.[35]

Отметим также то обстоятельство, что в деревне, в соответствии с тем, что там и до войны был выше уровень рождаемости, к концу войны был выше удельный вес детей в возрасте 5-9 лет. Он составлял 158,4‰; в городе – 118,2‰. Это относится и к детям 10-14 лет: 146,8‰ – в деревне, 120,8‰ – в городе.[36]

Не столь значительна была разница в 16-летнем возрасте: 26,0‰ – в деревне и 22,8‰ – в городе. И наконец, она почти исчезает для мужчин и приобретает обратное значение для женщин в 17-летнем возрасте: в деревне – 22,2‰ и 21,8‰, а в городе – 21,6‰ и 22,1‰. Начиная с 18-летнего возраста, шло явное преобладание города над деревней. Так, возраст 20-24 года в деревне составлял 54,3‰, а в городе – 85,7‰.

Возраст 20-29 дет давал 51,6‰ для деревни и 83,3‰ для города. С 19-летнего возраста бросается в глаза также резкое (особенно в деревне) преобладание женщин. Возраст 30-39 лет давал для деревни 106,2‰, а для города – 141,7‰. В городе мужчины этого возраста давали уже значительное численное преобладание по сравнению с женщинами.[37]

Возрастная группа 40-49 лет по мужчинам давала больший удельный вес и в городе, и в деревне, хотя в абсолютных цифрах женщин было по-прежнему значительно больше. Пожилые, особенно после 60 лет, снова возвращают нас к тенденции преобладания этих групп в деревне. По деревне группа в возрасте 50-59 лет составляла 74,9‰, в городе – 77,4‰. Группа в возрасте св. 60 лет составляла 83,8‰ (деревня) и 64,9‰ (город).

Рассмотрение аналогичных данных по районам и губерниям Центральной России обнаруживает те же черты, параметры, хотя с определенными колебаниями и отклонениями по отдельным возрастам.

Сравнение с данными 1897 г. показывает разительное падение в 1920-1922 гг. удельного веса мужчин в возрасте 20-29 лет. По 23 губерниям Центральной России мужчины этого возраста составляли в 1897 г. 15,7‰, а в 1920-1922 гг. – 7,7‰.[38]

В Центральной России к 1920 г. участники Первой мировой войны в возрасте 30 лет и выше составляли более 60%, а участники гражданской войны того же возраста – 31,7%.[39] Таким образом,

участники гражданской войны – более молодые люди. Основное бремя этой войны вынесли люди, которым в 1920 г. не исполнилось и 30 лет.

По переписи 1920 г. в Центральной России насчитывалось св. 500 тыс.чел. с физическими недостатками, из них ок. 70 тыс. – получивших увечья на фронтах Первой мировой и гражданской войн.[40]

Таким образом, военные годы принесли, помимо огромных безвозвратных потерь, существенные изменения в соотношении возрастных групп и полов. Эти аномальные сдвиги существенно влияли на общую демографическую ситуацию в стране, оказывая свое негативное воздействие прежде всего на численность и состояние работоспособных и репродуктивных социальных слоев населения.

При изучении периода Первой мировой войны уделим внимание миграции населения. Полагаем, что практически каждый четвертый житель Центральной России оказался мигрантом. Это не могло не сказаться на ходе не только демографических и экономических, но и политических процессов.

Структура миграционных потоков определялась особенностями военного времени и в отличие от довоенных лет коренным образом изменилась. Почти прекратился отход крестьян на заработки, прекратилось организованное переселение крестьян в многоземельные районы Сибири, Степного края и Дальнего Востока. Так, если в 1914 г. было зарегистрировано 336 тыс. переселенцев на восток страны, то в 1917 г. – лишь 6 тыс.чел.[41]

Одним из основных видов миграции была значительная военная мобилизация. В годы Первой мировой войны 15-16 млн.чел. было мобилизовано в армию.[42] В 1917-1918 гг. массовые дезертирство и стихийная демобилизация придали перемещениям военнослужащих неконтролируемый характер. В период гражданской войны и интервенции число призванных в регулярные армии было вдвое меньшим.

Реакция гражданского населения на военно-хозяйственный кризис и октябрьские события 1917 г. выразилась в многочисленном и разнообразном по направлениям и причинам беженском движении. В период мировой войны двигалась огромная масса эвакуантов и выселенцев из оккупированных и прифронтовых районов вглубь Центральной России. Они направлялись преимущественно в

города и вместе с воинскими контингентами увеличили долю городского населения в общей численности населения региона с 14,6% в 1914 г. до 18,2% в 1920 г.

По данным Особого комитета Великой княжны Татьяны Николаевны, покровительствовавшего беженцам, в 1916 г. в центральных губерниях насчитывалось более 3,2 млн. беженцев, в том числе 513 тыс. поляков, 286 тыс. латышей, 200 тыс. евреев, 120 тыс. армян и 86 тыс. литовцев. М.М.Гран отмечал, что в целом в Европейской России в 1914-1917 гг. насчитывалось 10-15 млн. беженцев. Наиболее вероятную оценку числа беженцев дал Е.З.Волков: на 1 июля 1917 г. в 7,4 млн.чел.[43]

Октябрьские события 1917 г. и их последствия вызвали новое мощное миграционное движение в Центральной России, которое не поддается точному измерению. Заведующий переселенческим отделом Народного комиссариата земледелия М.Болъшаков охарактеризовал его следующим образом: «Движение революционной эпохи характеризуется полным отсутствием закономерности, оно вспыхивает то в одном, то в другом месте, его нельзя предугадать, его размер нельзя установить – оно надвигается неожиданно и протекает в болезненных стихийных формах; да и самые причины его теснейшим образом связаны с общей хозяйственной разрухой, с нарушением связей между потребляющими и производящими районами, с ликвидацией промыслов и закрытием ряда промышленных предприятий и т.п.»[44]

Одним из наиболее крупных был отток населения их городов. Согласно подсчетам О.Квиткина, основанным на результатах соответствующих переписей, население 358 городов Европейской России уменьшилось с 10,5 млн.чел. в 1917 г. до 7 млн. в 1920 г. Причины убыли населения городов заключались в уходе горожан в деревню вследствие продовольственного и промышленного кризисов (только 1 млн. рабочих отправилось в деревню), в эмиграции части населения за границу, вызванной обстоятельствами гражданской войны, в репатриации беженцев и оттоке воинских контингентов, а также в превышении смертности над рождаемостью. По мере развития продовольственного кризиса в деревне и с началом преодоления последствий войны городское население возросло к 1923 г. до 8,1 млн.[45]

Другой многочисленный миграционный поток состоял из крестьян, которые в массе своей шли теперь не за землей, а за куском хлеба. В первый год после событий октября 1917 г. вновь вспыхнуло переселенческое движение в многоземельные восточные районы страны. За первые четыре месяца 1918 г. за Урал переселилось более 175 тыс.чел. (помимо крестьян, в переселении принимали участие рабочие, создававшие на новом месте жительства трудовые коммуны). Но военные действия и неурегулированность земельных отношений приостановили движение на восток. Война воспрепятствовала начавшемуся организованному переселению крестьян из центральных губерний в южные, главным образом на Дон.[46]

В 1920 г. крестьяне под влиянием постигшего их неурожая из центральных губерний мигрировали главным образом на Украину, Северный Кавказ, а также в Сибирь, куда только организованно было переброшено ок. 180 тыс.чел. Направление крестьянской миграции несколько изменилось в период голода 1921-1922 гг., когда уже из пострадавших хлебопроизводящих губерний бежало ок. 1,5 млн.чел.[47]

На национальных окраинах, часто под видом борьбы с кулачеством, выселялись переселенцы из Европейской России. Так, в 1921 г. было выселено ок.30 тыс. русских и меннонитов из Туркестана в губернии Центральной России. Аналогичные процессы наблюдались в Киргизии. На Северном Кавказе выселение сопровождалось резней бывших колонистов.[48]

Разрыв хозяйственных связей и налоговая политика приводили к деколонизации ряда районов Сибири в результате внутрисибирских переселений и оттока в Центральную Россию, куда выселилось ок. 220 тыс.чел. Отдельные таежные волости, лишившись подвоза хлеба, потеряли до 40% населения.[49]

В 1920-1922 гг. в Центральную Россию возвратились сектанты и старообрядцы, проживавшие в Закавказье и за границей. Так, из Грузии, Армении, Азербайджана и отошедшей к Турции Карской области переселилось 24 тыс.чел. Интерес к иммиграции в Центральную Россию побудил Совет труда и обороны принять специальное обращение.

В 1914-1922 гг. изменился характер и международной миграции. Экономическая миграция из западных губерний сменилась оттоком из страны тех, кто не принял преобразований новой власти, и проживавших на территориях, вошедших в состав СССР. Однако

существующие оценки количества послеоктябрьских эмигрантов сильно разнятся.

Так, согласно русским архивам в Праге, число эмигрантов из Центральной России составляло 635-755 тыс.чел. Д.Изюмов определял величину неассимилированных русских беженцев в 1922 г. в 863 тыс.чел.

По замечанию Е.М.Кулишера, эти оценки не отражали всего объема эмигрантов, поскольку не включали в себя тех, кто родился на территориях, утерянных в результате войны, представителей других национальностей, иностранных граждан. Например, только в Польшу из Центральных губерний было репатриировано 122 тыс. русских в 1918-1921 гг. Е.М.Кулишер определил численность эмигрантов всех категорий в 1,8 млн.чел.[50]

Примерно в 3 млн.чел. определили объем эмигрантского оттока Г. фон Ришма (на основе данных Красного Креста) и В.Г.Михайловский. С.Максудов увеличил его до 3,5 млн.чел. Наибольшее распространение получила оценка в 2 млн.чел., примерно соответствовавшая количеству нансеновских паспортов, выданных выходцам из Центральной России. Полагаем, что вероятное число эмигрантов составляло порядка 2,5 млн.чел. Около 180 тыс.чел. вернулось из эмиграции до 1930 г.[51]

Многочисленными и важными по последствиям были и другие эмигрантские потоки, в частности, взаимообратные потоки военнопленных и репатриантов – бывших беженцев – в государства, образованные на территории бывшей Российской империи. В военный период насчитывалось порядка 3,5 млн. русских военнопленных. Кроме того, еще в начальный период войны в Германии было задержано ок. 200 тыс. русских рабочих и ок. 65 тыс. русских граждан интеллигентских профессий.

В свою очередь, в Центральной России находилось примерно 2,2-2,6 млн. вражеских военнопленных, главным образом из Австро-Венгрии. При этом пленные славянского происхождения расселялись преимущественно в Центральной России, венгры и немцы – в отдаленных местах Российской империи.[52]

Согласно оценкам Е.З.Волкова, с 1 января 1918 г. по 1 января 1921 г. выбыло за пределы страны 4750 тыс. иностранных военнопленных и беженцев, вернулось в центральную часть страны 3171 тыс. русских военнопленных.[53]

2. Изменения в социально-профессиональном составе городского и сельского населения

Социально-профессиональная структура Центральной России в годы Первой мировой войны была характерна для общества со средним уровнем развития рынка и предпринимательства, но обладала вместе с тем многими особенностями. Аграрно-индустриальный характер экономики региона обусловил значительное преобладание сельского населения над городским. Развитие капиталистических отношений привело к созданию многочисленных рабочих в городе и деревне. При этом в деревне сохранялись значительные пережитки прежнего уклада.

Весьма специфичной была социальная структура многих народов Северо-Западного и Поволжского районов, особенно Олонецкой и Астраханской губерний, в среду которых новый экономический уклад или не проник вовсе, или только начинал проникать. У ряда этих народов отсутствовали рабочие, национальные предпринимательские слои лишь начали зарождаться, и социальная структура отражала преобладание средневекового уклада.

Подходя с учетом этих особенностей к определению суммарных данных о социальных слоях и группах, приходится сталкиваться с известными различиями в материалах тех или иных источников. Население Центральной России в 1913 г. состояло из городского – 18% и сельского – 82%.[54]

Доля рабочих в 1913 г. (включая членов семей) определяется различными источниками и авторами в 16-17% по отношению к общей численности населения. Эта цифра включает в себя городских и сельских рабочих, а также служащих госаппарата и социально-культурных учреждений. Представляется правильным выделить интеллигенцию и служащих в особую группу. Такое выделение проводится в ряде работ, где удельный вес интеллигенции и служащих в период мировой войны определяется в 2,2%. В соответствии с этим удельный вес рабочих определяется в 14,8%, включая сельскохозяйственных рабочих – 3,5%. Преобладали по численности рабочие, занятые в крупной промышленности. Наиболее многочисленной группой рабочих были металлисты. За годы Первой мировой войны число рабочих, занятых в металлообработке

и машиностроении, значительно увеличилось. Второй по численности группой рабочих были текстильщики.

Основная масса рабочих была сосредоточена в главных промышленных районах – Центрально-Промышленном и Северо-Западном – прежде всего в двух столичных губерниях – Петроградской и Московской.[55] Крестьянство все больше переставало быть единым сословием, в нем все заметнее развивались процессы социальной дифференциации. Удельный вес зажиточных мелких хозяев и беднейших хозяев в общей массе населения определяется разными источниками в 65-70%. Относительно и абсолютно преобладали низшие слои крестьянства – хозяйства, имевшие минимальный земельный надел, зачастую не обладавшие рабочим скотом, коровой, необходимым инвентарем.[56]

Низшие служащие, интеллигенция, рабочие, средние и низшие слои крестьянства являлись основной массой трудового населения и составляли подавляющее большинство жителей страны; значительно меньшими показателями отличались высшие слои населения региона – помещики, чиновничество, предприниматели.

Помещики – представители дворянства в Центральной России – были тесно связаны с торгово-финансовыми и промышленными кругами. Процесс переплетения старых и новых землевладельцев продолжался с неослабевающей силой вплоть дек октября 1917 г. В сотни старинных поместий пришли новые хозяева, многие из которых одновременно владели промышленными и торговыми предприятиями в городах или являлись представителями сельских предпринимателей. Поэтому численность собственно помещиков почти не поддается определению. По данным 1917 г., в 23 губерниях Центральной России существовали 47281 частновладельческое хозяйство. В этих хозяйствах проживало 380151 чел. В руках помещиков региона находились огромные земельные площади. Некоторым помещичьим семьям принадлежали гигантские латифундии, равных которым не было ни в одной стране мира. Император Николай II, императорская семья владели более чем 8 млн.дес., гр. С.Строганов –1,5 млн., кн. Г.Витгенштейн – 800 тыс., кн. Г.Гогенлоэ – 712 тыс., кн. С.Голицын – 1 млн. и т.д.[57]

Большинство источников вообще не выделяет в самостоятельную группу помещиков. Доля помещиков, городских и сельских предпринимателей определяется на 1913 г. суммарно в 15-17%. Уровень

состояния источников не позволяет в настоящее время дать более или менее точное определение численности не только помещиков, но различных групп городских предпринимателей (крупных, средних, мелких), высших чиновников и пр.[58]

Численность сельских предпринимателей и зажиточных крупных хозяев-крестьян также не поддается точному подсчету. По данным статистического сборника 1936 г. можно определить этот социальный слой в 1913 г. в 12,3%. В литературе более поздней приводятся, полагаем обоснованно, данные о меньшем удельном весе сельского предпринимательства в общей массе населения – 11,4%.[59]

Несмотря на имеющиеся отдельные противоречия в статистических данных и недостаточную разработанность вопросов характеристики социальных слоев и групп, общие показатели социальной структуры Центральной России в годы Первой мировой войны представляются достаточно ясными. Они могут быть представлены следующим образом (с указанием имеющихся различий в статистических данных).

Так, помещики, предприниматели и высшее чиновничество составляли 15,9-16,3%, в том числе сельские предприниматели – 11,4-12,3%; интеллигенция и служащие – 2,2%; рабочие – 14,8%, в том числе сельскохозяйственные – 3,5-4,3%; средние и низшие слои крестьянства и кустарей – 65,1-66,7%.[60]

После октября 1917 г. в стране произошли кардинальные социальные изменения, прежде всего была осуществлена ликвидация социального слоя помещиков. На основе Декрета о земле, принятого II Всероссийским съездом Советов, земля была национализирована, помещичья собственность на землю отменялась без всякого выкупа. В результате раздела помещичьих, монастырских и принадлежавших членам императорской фамилии угодий крестьянство получило примерно 150 млн.дес. земли.

Ликвидация социального слоя помещиков означала, что этот слой в целом был лишен своей экономической базы, перестал существовать как социально-экономическая сила. Что касается самих бывших помещиков, то они получили возможность заняться общественно полезным трудом в городах и деревнях. Некоторая часть помещиков осталась в местах своего прежнего жительства. Это были, как правило, представители мелкопоместного дворянства. Немало бывших помещиков, как и представителей других гос-

подствующих социальных слоев, не примирились с потерей своих привилегий и собственности и с оружием в руках выступали против новой власти.

Ликвидация помещичьего землевладения развернулась в конце 1917 – начале 1918 гг. Однако часть территории региона в результате начавшейся гражданской войны и иностранной военной интервенции уже весной и летом 1918 г. оказалась захваченной противниками советской власти (часть Поволжья и др.). Поэтому окончательная ликвидация помещичьего землевладения произошла там позже, после освобождения указанных территорий.[61]

Сразу после октября 1917 г. произошла ликвидация крупных и средних городских предпринимателей. Эти социальные слои сходили с исторической сцены в результате развернувшейся с конца 1917 г. национализации фабрик и заводов, частных банков, торговых предприятий, торгового флота, доходных домов и пр. В апреле 1918 г. произошла национализация внешней торговли, 28 июня 1918 г. был подписан правительственный Декрет о всеобщей национализации крупной промышленности.

Проведение национализации не только в Центральной России, но и в масштабах всей страны, также в значительной мере было связано с положением на фронтах гражданской войны, ибо оно становилось возможным лишь после освобождения территорий, захваченных представителями старых свергнутых социальных слоев и интервентов.

К концу гражданской войны подавляющее большинство крупных и средних промышленных предприятий Центральной России было национализировано. На основе постановления Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) от 29 ноября 1920 г. началась национализация и мелких частных предприятий с числом рабочих от 5 до 10.[62]

Таким образом, в 1918-1920 гг. были в основном ликвидированы крупные и средние слои городских предпринимателей. И эти слои, лишенные своей экономической базы, перестали существовать как самостоятельная социальная сила. Однако многие представители предпринимателей, сохранив определенные материальные ценности, связи, организационные навыки и т.п., занимались в различной форме непроизводительной деятельностью, в частности, вели спекулятивную торговлю.

С другой стороны, определенное число бывших предпринимателей-специалистов встало на службу Советскому государству, отдавая свои знания и опыт делу хозяйственного строительства.

Советская власть сломала старую государственную машину и стала создавать новый государственный аппарат, призванный защищать интересы трудовых слоев населения. В новые учреждения и ведомства пришли представители этих слоев, главным образом рабочих. Большинство высших чиновников, тесно связанных с помещиками и предпринимателями, выступили против преобразований и поэтому были изгнаны из государственного аппарата. Вместе с тем основная масса служащих-специалистов продолжала свою работу.

С весны и лета 1918 г. – сначала в центральных районах и губерниях, а затем и на окраинах – развернулась борьба беднейших слоев деревни с сельскими предпринимателями и зажиточными хозяевами из крестьян. Эта борьба проходила при активной поддержке, и помощи городских рабочих.

Однако зажиточные сельские хозяева – "кулаки" еще не были ликвидированы как "класс". Произошла лишь частичная экспроприация сельских предпринимателей при сохранении мелкотоварного хозяйства как основы сельскохозяйственного производства. Частичная экспроприация сельских предпринимателей была проведена главным образом не на основе обобществления их имущества, а путем раздела между мелкими крестьянскими хозяйствами.

Удельный вес сельских предпринимателей в Центральной России резко сократился. Если к 1917 г. они составляли примерно 15% по отношению ко всему крестьянству, то к концу 1920 г. количество их хозяйств, по подсчетам Ю.А.Полякова, было св. 3%.[63] При этом почти полностью исчезли многопосевные (св. 25 дес.) хозяйства. В целом сельская буржуазия была значительно ослаблена в Центрально-Промышленном и Центрально-Земледельческом районах, меньше – в Северо-Западном районе и Поволжье.

Большинство зажиточных хозяйств превратилось в средние. Однако деятельность многих представителей сельской буржуазии приобрела в значительной мере скрытный, нелегальный характер. Они сокращали запашку, продавали скот, но сохраняли орудия

производства, деньги, занимаясь спекуляцией, ростовщичеством. У них оставались потенциальные возможности для быстрого расширения своих позиций.

Итак, после октября 1917 г. и в ходе гражданской войны социальная структура Центральной России претерпела коренные изменения. Господствующие социальные слои, ранее находившиеся у власти, – помещики, чиновники и городские предприниматели – были ликвидированы как "класс", лишившись не только политического господства, но и своей экономической базы. Сельской буржуазии были нанесены серьезные удары, она сократилась абсолютно и относительно, ее экономические позиции оказались существенно ослабленными.

Представители этих слоев частично продолжали свою непроизводительную деятельность в нелегальной форме, частично перешли в другие социальные слои и группы. Значительная часть высших слоев, принявшая активное участие в вооруженной борьбе против новой власти, будучи разбитой, покинула пределы страны. В 1921 г. за границей находилось от 1,5 до 2 млн. российских белогвардейцев (вместе с членами их семей). Эта цифра включала также рядовых участников белогвардейских войск. Покинув Родину, эти люди в дальнейшем не вели антисоветской деятельности, искали пути возвращения в Советскую Россию.[64]

Господствующие слои населения императорской России, как уже отмечалось, были разбиты и в основном ликвидированы. Они были лишены политической власти и экономического могущества. В ходе длительной и ожесточенной гражданской войны эти социальные слои и группы, оказавшие при поддержке зарубежных стран вооруженное сопротивление новой власти, потеряли значительную часть своих кадров. Многие бежали за границу. Эмиграция имела место и во время других революций, но никогда еще она не носила такого массового характера, никогда не имела такой серьезной политической и военной организации, как это произошло после событий октября 1917 г. в России.

Это было на редкость своеобразное и противоречивое положение. Сотни тысяч людей вышли ,из состава населения страны демографически. В демографическом плане они перешли в категорию жителей других стран. Но в социальном и особенно в политическом плане они занимали определенное место в соотношении социальных сил в России.

В дальнейшем, разумеется, этот фактор в социально-политическом балансе Советской страны сказывался все менее и менее, но непосредственно после окончания гражданской войны он имел первостепенное значение.

Итак, особенность расстановки социальных сил, сложившейся к концу гражданской войны, заключалась в том, что господствующие слои, лишенные политической власти, разбитые в вооруженной схватке, лишенные значительной части экономического могущества, сохранили еще значительные позиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа является в отечественной историографии первым опытом обобщающего исследования о населении в крупнейшем регионе Российской империи. Главное внимание было обращено на показ общей картины и основных тенденций социально-демографического развития Центральной России в 1897-1917 гг., на выявление общего и особенного в развитии региона. На основе многочисленных статистических источников показаны демографические процессы, виды профессиональной деятельности городского и сельского населения, изменения в национально-этнической и конфессиональной структурах, грамотность населения.

Анализ численности, демографического состава населения позволил обосновать следующие наблюдения и выводы. Будучи крупнейшим в стране, регион Центральной России являлся своеобразным срезом Российского государства и общества. Его существенной особенностью был пестрый национально-конфессиональный состав с преобладанием русского православного этноса. Демографическая ситуация была типична для традиционного способа воспроизводства населения. В исследуемый период начался, но еще далеко не завершился демографический переход к современному типу воспроизводства населения.

При всем разнообразии видов занятий населения все же преобладало сельскохозяйственное производство и промышленность, тесно связанная с ним. Развитие экономики региона приводило к усилению миграционных процессов, к интенсивному перемещению значительных масс населения внутри региона и за его пределами.

Рассмотрение количественных данных по демографическим процессам и занятиям населения Центральной России позволило

воссоздать общую картину социально-профессионального состава. Анализ всех имеющихся данных приводит к мысли о подвижности границ между различными социальными слоями и группами в условиях интенсивного развития рыночных отношений. В силу меняющейся хозяйственной конъюнктуры, переход из низших групп в высшие и наоборот оказывал существенное влияние на изменение социального облика представителей этих групп, их сознание, качественный и количественный состав.

Итак, при достаточно подробном рассмотрении видов деятельности населения Центральной России ясно видны разнообразие занятий и их связь с социально-профессиональным составом основных слоев и групп в крупнейшем регионе России.

Приведенные данные убеждают в том, что православное население региона по-прежнему доминировало и составляло 3/4 всего населения. К 1917 г. население Центральной России отличалось полиэтничностью с преобладанием русского православного этноса, абсолютные и относительные показатели которого увеличились в первое десятилетие XX в. Район Поволжья, а особенно Казанская и Астраханская губернии, отличался наибольшей национально-конфессиональной неоднородностью. В изучаемый период продолжались и углублялись процессы ассимиляции наций и народностей региона, взаимодействие и взаимопроникновение национально-этнических общностей и конфессий.

В 1897-1917 гг. наблюдались весьма значительные различия в грамотности городского и сельского населения. Сельское население составляло преобладающую массу населения Центральной России. Поэтому уровень грамотности сельского населения являлся и определяющим для общей грамотности всего населения региона.

Безусловно, что все приведенные данные и подсчеты в целом свидетельствуют о создании постоянного населения городов, проживавшего там со своими семьями. Различия в численности мужчин и женщин в городах стали менее значительными. В ряде крупных городов в более интенсивном темпе по сравнению с общим ростом всего населения происходило увеличение детского населения.

В течение всего изучаемого периода на огромной территории региона при разнообразии социально-экономических и санитарно-бытовых условий определились весьма значительные различия показателей естественного движения населения отдельных терри-

торий. Наряду с местностями, в которых показатели естественного движения населения оставались в целом устойчивыми, имелись и такие территории, где происходило некоторое снижение показателей рождаемости и смертности.

В 1900-х гг. в Центральной России наблюдалась определенная тенденция к снижению уровня брачности, сокращению доли ранних браков и росту среднего возраста вступления в брак. Однако, за исключением городского населения ряда губерний, эти изменения происходили медленно. Справедливости ради надо отметить, что изменения социально-экономических институтов в стране во второй половине XIX – начале XX вв. были слишком слабы, чтобы воздействовать на брачность, эти изменения требовали определенного времени. Тем не менее, изменения в социальных нормах имели место, что в частности выражалось в постепенном увеличении числа разводов.

В исследуемый период миграционные процессы в Центральной России проходили раннюю стадию миграционного перехода. Традиционные формы миграционной подвижности (колонизация, отходничество) значительно интенсифицировались в объеме, появились новые направления их потоков. Новая форма миграции (переселения в города) стала набирать темп в конце XIX в. Указанные миграционные процессы весьма противоречиво взаимодействовали с другими демографическими процессами.

Аграрное перенаселение достигло в земледельческих губерниях Центра огромных масштабов. Это показывает, что решающую роль в заселении новых территорий сыграли наиболее освоенные и охваченные аграрным перенаселением районы Центральной России. Среди внутренних мигрантов преобладали русские, немало было жителей Поволжья. Участие уроженцев Северо-Западного и Центрально-Промышленного районов в этом процессе было невелико.

В годы Первой мировой войны, революции и последовавших за ними гражданской войны и интервенции социально-экономическая и демографическая ситуация в стране резко изменилась. Мировая война 1914-1918 гг. была первым значительным ударом по уровню рождаемости в Центральной России. Массовая мобилизация мужского населения вызвала разрушение прежних семейных связей и резко сократила возникновение новых семейных союзов. Все это в скором времени отразилось на снижении рождаемости. За годы

войны уровень рождаемости сократился наполовину. Падение рождаемости происходило непрерывно из года в год. Это и понятно, так как мобилизация захватывала все большие категории мужчин и одновременно качество жизни населения непрерывно ухудшалось.

Одной из главных причин подобной динамики рождаемости являются миграционные процессы, В первую очередь отметим значительную военную мобилизацию мужчин, которая повлекла за собой длительный разрыв супружеских связей и вызвала сильную диспропорцию полов, что предопределило во многом динамику другого фактора рождаемости – брачность.

Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война резко ухудшила положение широких слоев населения. Уровень питания значительно снизился, жилищные условия городского населения ухудшились, медицинское обслуживание стало еще менее удовлетворительным. Все это привело к увеличению смертности среди населения.

В отличие от рождаемости, существенных изменений в смертности гражданского населения Центральной России в годы войны не отмечалось, несмотря на указанные негативные факторы. Ее уровень несколько понизился в сельской местности, что связывается со снижением детской смертности в результате падения рождаемости, и несколько повысился в городах, где сосредотачивались беженцы и войска. Кроме того, статистика показывает, что уровень заболеваемости детскими инфекционными болезнями понизился.

Обычно война в большей степени влияет на брачность сельского населения, чем городского. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система "брони" для мужчин, работающих на военных предприятиях и в некоторых гражданских учреждениях. В селах же все мужские призывные возраста, за исключением единиц, подлежали мобилизации.

По окончании войны в течение 2-3 лет происходил процесс компенсации – в брак вступали лица, не успевшие сделать это до войны; лица, чьи возраста в мирных условиях проходили в годы, пришедшиеся на войну, через волну наивысшей брачности; кроме того, к ним присоединялись те лица, возраста максимальной брачности которых приходились на первые послевоенные годы.

Однако крупные войны, какой была Первая мировая война, служат причиной таких глубоких и необратимых изменений в насе-

лении, которые не только затрудняют процесс послевоенной компенсации брачности, но еще долго негативно влияют на брачность многих поколений людей. Главное в этих изменениях – нарушение нормальной возрастно-половой структуры населения.

Причины такого нарушения – повышение смертности людей в период войны и прежде всего массовая гибель молодых мужчин на полях сражений. Немалое значение имеет также пониженная рождаемость в военные годы, которая приводила к существенной деформации возрастной пирамиды и сказывалась на брачности много позднее, когда в брачный возраст вступали поколения, родившиеся в военные и примыкавшие к ним годы.

Первая мировая война деформировала возрастно-половую структуру населения Центральной России. Повышенная смертность мужчин, вызванная потерями на фронтах, от террора, меньшей сопротивляемости к болезням, а также большая их доля среди эмигрантов изменили соотношение полов в общей численности населения.

Таким образам, военные годы принесли, помимо огромных безвозвратных потерь, значительные изменения в соотношении возрастных групп и полов. Эти аномальные сдвиги существенно влияли на общую демографическую ситуацию в регионе, оказывая свое негативное воздействие прежде всего на численность и состояние работоспособных и репродуктивных слоев населения.

В годы Первой мировой войны практически каждый четвертый житель Центральной России оказался мигрантом. Это не могло не сказаться на ходе не только демографических и экономических, но и политических процессов.

Структура миграционных потоков определялась особенностями военного времени и в отличие от довоенных лет коренным образом изменилась. Почти прекратился отход крестьян на заработки и организованные переселения их в многоземельные районы Сибири, Степного края и Дальнего Востока.

Одним из основных видов миграции была значительная военная мобилизация. В 1917-1918 гг. массовое дезертирство и стихийная демобилизация придали перемещениям военнослужащим неконтролируемый характер.

Реакция гражданского населения на военно-хозяйственный кризис и октябрьские события 1917 г. выразилась в многочисленном

и разнообразном по направлениям и причинам беженском движении. В период мировой войны вглубь Центральной России двигалась огромная масса эвакуантов и выселенцев из оккупированных и прифронтовых районов. Они направлялись преимущественно в города и вместе с воинскими контингентами увеличили долю городского населения в общей численности населения региона.

В исследуемый период изменился характер и международной миграции. Экономическая миграция сменилась оттоком из страны тех, кто не принял преобразований новой власти и проживал на территориях, вошедших в состав СССР. Однако существующие оценки количества послеоктябрьских эмигрантов сильно разнятся.

Многочисленными и важными по последствиям были и другие эмигрантские потоки, в частности, взаимообратные потоки военнопленных и репатриантов – бывших беженцев – в государства, образованные на территории бывшей Российской империи.

Социально-профессиональная структура Центральной России в изучаемый период была характерна для общества со средним уровнем развития рынка и предпринимательства, но обладала вместе с тем многими особенностями. Аграрно-индустриальный характер экономики региона обусловил значительное преобладание сельского населения над городским. Развитие капиталистических отношений привело к созданию многочисленного слоя рабочих в городе и деревне. В деревне сохранялись значительные пережитки прежнего уклада.

Весьма специфичной была социальная структура многих народов Северо-Западного и Поволжского районов, особенно Олонецкой и Астраханской губерний, в среду которых новый экономический уклад или не проник вовсе, или только начинал приникать. У ряда этих народов отсутствовали рабочие, национальные предпринимательские слои лишь начали зарождаться, и социальная структура отражала преобладание средневекового уклада.

Основная масса рабочих была сосредоточена в главных промышленных районах – Центрально-Промышленном и Северо-Западном – прежде всего в двух столичных губерниях – Петроградской и Московской. Крестьянство все больше переставало быть единым сословием, в нем все заметнее развивались процессы социальной дифференциации.

Низшие служащие, интеллигенция, рабочие, средние и низшие слои крестьянства являлись основной массой трудового населения и составляли подавляющее большинство жителей страны; значительно меньшими показателями отличались высшие слои населения региона – помещики, чиновничество, предприниматели. Помещики – представители дворянства в Центральной России были тесно связаны с торгово-финансовыми и промышленными кругами. Процесс переплетения старых и новых землевладельцев продолжался с неослабевающей силой вплоть до октября 1917 г.

После 1917 г. и в ходе гражданской войны социальная структура Центральной России претерпела коренные изменения. Господствующие слои населения были разбиты и в основном ликвидированы. Они были лишены политической власти и экономического могущества. В ходе длительной и ожесточенной гражданской войны эти социальные слои и группы, оказавшие при поддержке зарубежных стран вооруженное сопротивление новой власти, потеряли значительную часть своих кадров. Многие бежали за границу. Эмиграция имела место и во время других революций, но никогда еще она не носила такого массового характера, никогда не имела такой серьезной политической и военной организации, как это произошло после октябрьских событий в России.

Это было на редкость своеобразное и противоречивое положение. Сотни тысяч людей вышли из состава населения страны. В демографическом плане они перешли в категорию жителей других стран. Но в социальном и особенно в политическом плане они занимали определенное место в соотношении социальных сил в России.

Итак, в данной монографии раскрывается общая картина социально-демографического состава городского и сельского населения Центральной России в 1897-1917 гг. Полученные данные, выводы и наблюдения позволили воссоздать структуру населения, углубить наши представления о крупнейшем регионе России.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. См.: Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1981; Тарновский К. И. Советская историография российского империализма. М., 1964; Он же. Социально-экономическая история России, начало XX в.: Советская историография середины 50-х – 60-х гг. М., 1990; Селунская В.М. Разработка некоторых вопросов социальной структуры в новейшей историографии// История СССР 1971. №6; Неупокоев В.П. Разработка проблем истории капитализма// История СССР. 1976. №5.; Бовыкин В.И., Волин М.С., Кирьянов Ю.И., Лаверычев В.Я:, Пушкарева И.М., Тютюкин С. В. Изучение проблем истории России периода империализма// Изучение Отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М., 1978. Вып. 2. С. 83-86; Пиотровский Б.Б., Тишков В.А. Итоги исследований советских историков в десятой пятилетке// Вопросы истории. 1981. №2; Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России (1881-1904 гг.). М., 1980; Он же. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX вв.). М., 1969; Он же. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962; Дубровский С.М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975; Ковальченко И.Д., О многомерной группировке крестьянских хозяйств// Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С.144-155; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Д., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянских хозяйств Европейской России в эпоху капитализма: (Источники и методы исследований). М., 1988; Тюкавкин В.Г. Аграрное перенаселение в России в эпоху империализма// Со-

циально-демографические процессы в российской деревне (XVI – начало XX в.). Таллин, 1986. С.214-225; Щагин Э.М. Первая русская революция, столыпинская реформа и их воздействие на крестьянское хозяйство// Крестьянское хозяйство: История и современность. Вологда, 1992. 4.1. С.65-68; Рындзюнский П.Г. К определению размера аграрного перенаселения в России на рубеже XIX-XX вв.// Социально-экономическое развитие России. М., 1986. С.155-172 и др.

2. Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.; Л., 1930; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.). М., 1956; Писарев И.Ю. Народонаселение СССР: Социально-экономический очерк. М., 1962; Он же. Население и труд в СССР. М., 1966; Урланис Б.Ц. Динамика населения России накануне Октября// Ученые записки Всесоюзного заочного экономического института. М., 1957. Вып.2. С.113-134; Он же. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963; Яцунский В.К. Изменения в размещении населения Европейской России в 1724-1916 гг.// История СССР. 1957. №1; Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973; Он же. Историческая демография и задачи изучения региональной истории// Проблемы исторической демографии СССР. Киев, 1988. С.90-96; Он же. Воспроизводство населения и социальные проблемы: Задачи изучения// Социально-классовая структура и демографические процессы в России и СССР: Вопросы комплексного изучения. М., 1990. С.4-10; Водарский Я.Е., Кабузан В.М. Демографические проблемы истории СССР досоветского периода// Историческая демография: Проблемы, суждения, задачи. М., 1989. С. 110-120; Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг.// Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 62-87; Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.)//История СССР. 1960. №3; Они же. Этнический состав (1719-1917 гг.)//Советская этнография. 1980. №6; Кабузан В.М. Немецкое население в России в XVIII – начале XX вв.: Численность и размещение// Вопросы истории. 1989. №12; Он же. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996; Он же. Эмиграция и

реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998; Китанина Т.М. Демографические процессы в России в период первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревни// Производительные силы и монополистический капитал в России и Германии в конце XIX – начале XX в. М., 1986. С.226-234; Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в.: По материалам переписи 1897 г. М., 1978; Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России во второй половине XIX века. М., 1983; Он же. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). М., 1966; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т.1-2 и др.

3. Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1986; Он же. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Жиромская В.Б. Советский город в 1921-1925 гг.: Проблемы социальной структуры. М., 1988; Она же. После революционных бурь: Население России в первой половине 20-х годов. М., 1996 и др.

4. Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т.1. 1900-1939 гг.

5. ГАРФ. Ф.6 – Канцелярия Временного правительства; Ф.398. – Министерство внутренних дел; Ф.3191 – Управление сельскохозяйственной части МВД; Ф.930 – Главный земельный комитет Министерства земледелия; Ф.1562 – Центральное статистическое управление; Ф.9455 – Статистический комитет временного правительства; ФА-482 – Народный комиссариат здравоохранения РСФСР (Наркомздрав); РГАЭ. Ф.1562 – Центральное управление народнохозяйственного учета Госплана СССР; Ф.1052 – Отдел динамики промышленности ЦСУ СССР; РГАДА. Ф.1355 – Экономические примечания генерального межевания. Каталоги дач и владельцев по всем уездам Европейской России; РГИА. Ф.1200 – Центральный статистический комитет МВД; Ф.2291 – Земский отдел Министерства внутренних дел; Ф.391 – Переселенческое управление; Ф.395 – Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики; Ф.23 – Министерство торговли и промышленности; Ф.1298 – Управление Главного врачебного инспектора; Ф.396 –

Министерство земледелия; ОРФ ИРИ РАН. Ф.26 – Личный фонд А.Г.Рашина; ЦГА РТ. Ф.359 – Казанский губернский статистический комитет; ГАСО. Ф.171 – Самарский губернский статистический комитет; ГАПО. Ф.5 – Канцелярия Пензенского губернатора; Ф.9 – Пензенский губернский статистический комитет; ГАУО. Ф.48 – Симбирский губернский статистический комитет и др.

6. РГИА. Ф.23 – Министерство торговли и промышленности; Ф.433 – Отдел статистики Министерства земледелия; ЦГА РТ. Ф.1062 – Заводоуправление Казанского порохового завода; Ф.1153 – Фабричный инспектор Казанской губернии; ГАСО. Ф.224 – Старший фабричный инспектор Самарской губернии; Ф.700 – Сергиевский-Самарский завод; ГАПО. Ф.177 – Старший фабричный инспектор Пензенской губернии; ГАУО. Ф.127 – Управление по строительству Волго-Бугульминской железной дороги; Ф.195 – Старший фабричный инспектор Симбирской губернии и др.

7. РГИА. Ф.1291 – Земский отдел МВД; ЦГА РТ. Ф.81 – Казанская губернская земская управа; ГАСО. Ф.5 –- Самарская губернская земская управа; ГАПО. Ф.158 – Пензенская губернская земская управа; ГАУО. Ф.46 – Симбирская губернская земская управа и др.

Глава первая

1. Подсчитано по: Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.: Население. Пг., 1915. Ч.II. Вып.1. С.22-23.

2. Подсчитано по: Население С.-Петербурга по переписи 1900 г. СПб., 1903. С.19-30; Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.: Население. Пг., 1915. Ч.II. Вып.1. С.19-91.

3. Там же.

4. Там же.

5. Подсчитано по: Петроград по переписи 15 декабря 1910 г.: Население. Пг., 1915. Ч.II. Вып.1. С. 19-91.

6. Подсчитано по: Янсон Ю. Промыслы и занятия петербургского населения по переписи 1881 г.// Вестник Европы. 1884. №11. С.18-84; Население С.-Петербурга по переписи 15 декабря 1900 г.// Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901-1902 гг. СПб., 1905. С.19-90; Петроград по переписи 15 декабря 1910 г. Ч.II. Вып.1. Пг., 1915. С.19-91.

7. Подсчитано по: Главнейшие данные переписи г.Москвы 31 января 1902 г. М., 1907. Вып.VI. С. 60-61, 76; Статистический атлас Москвы. М., 1911. С. 52-53; Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940. С.179.

8. Подсчитано по: Статистический атлас ... С.25-35; Переписи Москвы 1902 г.: Население. М., 1906. 4.1. Вып.II-III; Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии: Статистические данные по г.Москве за 1914-1925 гг. М., 1927. Вып.II. С. 19-25.

9. Там же.

10. Там же.

11. Там же.

12. Подсчитано по: Главнейшие данные переписи населения г.Москвы 31 января 1902 г. ... С.2-4; Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии... С.68-74.

13. Там же.

14. Подсчитано по: Всероссийский адрес-календарь мануфактурно-галантерейных торговых домов. М., 1896. С.23-35; Свод сведений о финансовых результатах и главных оборотах по казенной продаже питей за 1897 год. СПб., 1898. С.18-98; Денисов В.И. Ярмарки. СПб., 1911. С.85-138; Канделаки И. Роль ярмарок в русской торговле. СПб., 1914. С.51-60; РГАЭ. Ф.1562. Оп.2. Д.55, Л.2-25; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.21. Л.11-22; Ф.575. Оп.2. Д.8. Л.2-24; Ф.23. Оп.1. Д.18. Л.2-26; Ф.20. Оп.2. Д.2. Л.12-24; Ф.18. Оп.2. Д.67. Л.11-45; Ф.22. Оп.1. Д.76. Л.3-23.

15. Подсчитано по: см. прим.14.

16. Подсчитано по: Статистические сведения по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1906. С.25-50; Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1908. 4.2. С.11-32; Свавицкие З.М., Н.А. Земские подворные переписи 1880-1913: Поуездные итоги. М, , 1926. С.40-91; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. СПб., 1902-1906. Вып.1-3; Сельское и лесное хозяйство России. СПб., 1893. С.47-67; Население сельских обществ и количество у них пахотной надельной земли по обследованию 1893 года о сельских обществах 46 губерний Европейской России. СПб., 1894.

С.15-55; Посевные площади, принимавшиеся Центральным статистическим комитетом при разработке урожаев 1881, 1887 и 1893-1899 гг. По 50 губерниям Европейской России. СПб., 1901 С.25-54; Сведения о количестве скота в 1900 году по данным волостных правлений и уездной полиции. СПб., 1901. С.3-23; Военно-конская перепись 1888 года. СПб., 1891. С.18-91; То же 1891 года. СПб., 1892. С.18-92; То же 1893 года. СПб., 1894. С.18-94; То же 1894 года. СПб., 1895. С.18-95; То же 1896 года. СПб., 1897. С.18-97; То же 1899-1901 года. СПб., 1902. С.18-91; Список частных конских заводов в России. СПб., 1904. С.12-79; РГАЭ. Ф.1562. Оп.2. Д.55. Л.2-25; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.21. Л.11-22; Ф.1291. Оп.1. Д.23. Л.5-15; Ф.395. Оп.2. Д.12. Л.12-45; Ф.398. Оп.2. Д.24. Л.45-47; Ф.381. Оп.1. Д.38. Л.18; Ф.396. Оп.12. Д.98. Д.19-39.

17. Подсчитано по: см. прим.16.

18. Подсчитано по: Главное управление землеустройства и земледелия: Кустарная промышленность, ее нужды и меры для их удовлетворения. СПб., 1909. С.7-8; Ремесленники и ремесленное управление в России. Пг., 1916. С.61-65; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923. За пять лет работы Центрального статистического управления// Труды ЦСУ. М., 1924. Т.XVIII. С.213.

19. Подсчитано по: Иванова Н.А. Структура рабочего класса России. 1910-1914. М., 1987. С.64-66, 68-69; Ремесленники и ремесленное управление в России. С.46-57; Рыбников А.А. Мелкая промышленность России: Сельские ремесленно-кустарные промыслы до войны. М., 1923. С.102-105, 108-109; Численность и состав рабочих России на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. СПб., 1906. Т.1. Табл.1. С.78-81, 90, 92; Приложение. С.6, 8.

20. Подсчитано по: см. прим.16.

21. Подсчитано по: см. прим.16.

22. Подсчитано по: см. прим.16.

23. Подсчитано по: см. прим.16.

24. Подсчитано по: Урланис Б.Ц. Динамика населения. России накануне Октября// Ученые записки Всесоюзного заочного экономического института. М., 1957. Вып.2. С.131; Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С.206-216; Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л., 1984. С.102-103; Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. С.595; Численность и расселение народов мира. М., 1962. С.346; РГИА. Ф.1290. Оп.4. Д.755. Л.385-386.

25. Там же.

26. Там же.

27. Подсчитано по: Поляков Ю.А., Киселев И.Н. Численность и национальный состав населения России в 1917 г.// Вопросы истории. 1980. №6. П.48; Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и расселение русского этноса, 1678-1917 гг.// Советская этнография. 1982. №4. С.17; №5. С.20; Они же. Динамика и этнический состав населения России в эпоху империализма (конец XIX в. – 1917 г.) //История СССР. 1980. №3. С.74-93.

28. Подсчитано по: Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1986. С.151-186; Всеобщий календарь на 1900 г. СПб., 1901. С.18-28; Русский календарь на 1900 г. СПб., 1901 г. С.89-97; Всеобщий календарь на 1913 г. СПб., 1914. С.18-28; Русский календарь на 1913 г. СПб., 1914. С.89-97; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.2. Л.12-15.

29. Там же

30. Там же

31. Подсчитано по: Брук С. И. Население мира ... С. 145; Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1971. С. 19-71; Маамяги В. Эстонские поселенцы в СССР, 1917-1940. Таллин, 1976. С. 9; Народы Поволжья и Приуралья. М., 1985. С. 19-85; Очерки истории Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1965. С. 19-65; История Мордовской АССР. Саранск, 1979. С.19-79.

32. Там же.

33. Там же.

34. Подсчитано по: Поляков Ю.А. Указ. соч. С.186-196; Поляков Ю.А., Киселев И.Н. Указ. соч. С.48; Брук С. И., Кабузан В.М. Указ. соч. С.17.

35. Там же.

36. Там же.

37. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Вып. 6. Наличное население обоего пола по уездам и городам, с указанием преобладающих вероисповеданий и сословий. С. 3-60; Вып. 7. Наличное население обоего пола по уездам и городам с указанием лиц преобладающих родных языков. С.3-38; Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1-2; Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. СПб., 1901. С.3-39; Распределение старообрядцев и сектантов по толкам и сектам. СПб., 1901. С. 3-26; РГИА. Ф.1290. Оп.1. Д.2. Л. 12-15.

38. Там же.

39. Там же.

40. Там же.

41. Там же.

42. Подсчитано по: Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии. М., 1927. Вып.II С.9; Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С.14; Михайловский В.Г. Записка о будущем населении Москвы и его распределении// Материалы к проектированию III очереди канализации г.Москвы. М., 1926. Вып.II. С.55-57; Пригороды и поселки Московской губернии: Экономико-статистический сборник. М., 1913. Вып.IV. С.59; Перепись Москвы 1902 г. М., 1904. 4.1. Вып.II. С.24-27.

43. Там же.

44. Подсчитано по: Козьминых-Ланин И.М. Уход на полевые работы фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1911. Табл.VI; Он же. Грамотность и заработки фабрично-заводских рабочих Московской губернии. М., 1912. С.13-14.

45. Чехов Н.В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М., 1912. С. 155.

46. Подсчитано по: Фабрично-заводская промышленность в период 1913-1918 гг. М., 1925. С. 13-19, 91-98.

47. Там же.

48. Там же.

49. Подсчитано по: Чехов Н.В. Указ. соч. С. 145.

50. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной

28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1-2; Земские подворные переписи 1880-1913 гг.: Поуездные итоги. М., 1926. С.88-93.

51. Цит. по: Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного образования. 1802-1902 гг. СПб., 1902.С.649.

52. Чехов Н.В. Указ. соч. С.101.

53. Подсчитано по: Исторический очерк развития церковных школ за истекшее двадцатипятилетие (1884-1909 гг.). СПб., 1909. С.19-90; Церковные школы Российской империи в 1908 г. СПб., 1915. С.90-98; Пругавин А.С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб., 1905. С.48.

54. Захаров А.В. Доступность школы и грамотность населения в Костромской губернии. Кострома, 1913. С.37.

55. Подсчитано по: Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911 г. Пг., 1916. Вып. 16. С.110-115; Начальные училища ведомства Министерства народного просвещения в 1914 г. Пг., 1916. Приложение.

56. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи: Общий свод... Т.1. С.XVII; Итоги по империи/ В.И.Покровского. Пг., 1916. С.110; Однодневная перепись начальных школ... С.110-115; Начальные училища... Приложение.

Глава вторая

1. Подсчитано по: Статистический ежегодник России за 1897-1913 гг. СПб., 1898-1914; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг., 1916. С.36-37.

2. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т.1. С.6-7, Табл. XXI, XXII; Статистический ежегодник России за 1913 г. СПб., 1914. С.19-91: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных... С.36-37; РГАЭ. Ф.1562. Оп. 197. Д.1. Л.1-6; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1-4; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1-27.

3. См.: Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России: Губернии Центральной земледельческой области. СПб., 1890. Вып.1. С.XXXIX.

4. Подсчитано по: Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.-Л., 1926. С.47; Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. С.172-174.

5. См.: Покшишевский В.В. Указ. соч. С.172-174.

6. Подсчитано по: Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Указ. соч. С.47.

7. Подсчитано по: Кокшайский И.И. Эволюция хозяйственной жизни Ставропольской губернии за время 1880-1913 гг. Саратов, 1915. С.2-3.

8. Телешов Н.Д. Записки писателя: Воспоминания и рассказы о прошлом. М., 1960. С.121.

9. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С.19-29; Статистический ежегодник России за 1914 г. Пг., 1915. С.15-51.

10. Там же.

11. Подсчитано по: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных... С.36-37; Семенов-Тян-Шанский В.П. Город и деревня в Европейской России. СПб., 1910. С.74-77.

12. Подсчитано по: Статистический ежегодник России за 1914 г. Пг., 1915. С.15-51.

13. Подсчитано по: Население городов Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917, 1920 и 1923 годов// Бюллетень Центрального статистического управления, 1923. Всероссийская городская перепись. М., 1923. С.49.

14. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С.19-29; Статистический ежегодник России за 1914 г. Пг., 1915. С.15-51; по: Статистический сборник по Петербургу и Петербургской губернии. Пг., 1922. С.19-92; Статистический ежегодник 1918-1920 гг. М., 1922. Вып.П. С.3; Френкель З.Г. Петроград периода войны и революции. Пг., 1923. С.151-155; Современное хозяйство города Москвы. М., 1913. С.14; Пригороды и поселки Московской губернии: Экономико-статистический сборник. М., 1913. Вып.VI. С.59; Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии. М., 1927. Вып.II. С.9; Михайловский В.Г. Записки о будущем населении Москвы и его распределении// Материалы к проектированию III очереди канализации г.Москвы. М., 1926. Вып.II. С.55-57;

Статистический ежегодник России за 1914 г. Пг., 1915. С.15-51; Обзор Рязанской губернии за 1911 г. Рязань, 1913. С.10.

15. Подсчитано по: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных... С. 26.

16. Подсчитано по: Земские подворные переписи 1880-1913: Поуездные итоги. М., 1926. С.19-26, 62-95, 126-196.

17. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С. 19-29; Статистический ежегодник России за 1914 г. Пг., 1915. С. 15-51.

18. Подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.3; Петроград по переписи 15 декабря 1910 года. Пг., 1915. С. 51; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С. 9-10.

19. Подсчитано по: Главнейшие предварительные данные переписи Москвы 31 января 1902 г.: Возрастной состав населения Москвы и ее пригородов. М., 1903. Вып.III. С. 90; Статистический ежегодник города Москвы. М. , 1916. Вып.IV. С. 11-13; Статистический ежегодник г.Москвы и Московской губернии: Статистические данные по г. Москве за 1914-1925 гг. М., 1927. Вып.II. С.92.

20. Подсчитано по: Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. СПб., 1897. Т.II. С.191; Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1900-1910 гг. СПб., 1911-1912. С.1-11; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистики России. Пг., 1916. С.36-37; Покровский В.И. Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения. СПб., 1914. С.14-92.

21. Там же.

22. Куркин Л.И. Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938. С.8-11.

23. Подсчитано по: Вишневский А.Г. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в СССР// Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С.131.

24. Подсчитано по: Захаров С.В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России: Автореф. дисс... канд. экон. наук. М., 1990. С.18.

25. Подсчитано по: Вишневский А.Г. Указ. соч. С.131.

26. Подсчитано по: Миронов Б.Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX века// Брачность, рождаемость, смертность ... С.96.

27. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Общий свод по империи... СПб., 1905. Т.1-2.

28. Подсчитано по: Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С.13-14; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1914. Вып.1. С.19.

29. Подсчитано по: Статистика Российской империи: Движение населения в Европейской России за 1910 год. Пг., 1916. С. 249; То же за 1900 год. СПб., 1906. С.231; Статистический временник Российской империи. СПб., 1900. С.190; Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе// Брачность, рождаемость и семья за три века. М., 1979. С. 14-70; Коул Э.Д. Снижение рождаемости в Европе со времени французской революции до второй мировой войны// Там же. С.71-97.

30. Жбанков Д.Н. Влияние отхожих заработков на движение населения. СПб., 1895. С.9.

31. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С.329.

32. Караханов М.К. Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия// Брачность, рождаемость, смертность ... С.191-213; Коран. М., 1990. С.510-511.

33. Настольный энциклопедический словарь/ Т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°. 5-е доп. изд. М., 1901. С.1042-а – 1043-а.

34. Вишневский А.Г. Указ. соч. С.133.

35. Подсчитано по: Миронов Б.Н. Указ. соч. С.96.

36. Согласно последней редакции "Уложения о наказаниях" (1913 г.), беременная женщина, умышленно произведшая изгнание своего плода, подвергалась лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, заключению в тюрьму на срок от 4 до 5 дет.

37. Шадурская З. Сомнения и думы// Женское дело. 1910. №37-38. С.6.

38. Гран И.В. Аборт – преступление или операция: Доклад, сделанный на Двенадцатом Пироговском съезде. М., 1914. С.77.

39. Генс А.Б. Проблема аборта в СССР. М., 1929. С.90; Зейдлер П. Разбор показаний к искусственному выкидышу// Архив

судебной медицины и общественной гигиены, издаваемый медицинским департаментом. 1899. №2 (июль). С.2-8; Коул Э.Д. Указ. соч. С.71-97; Мартынов В. Выкидыш при фосфорных отравлениях// Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1890. Апрель. С.673-676; Накоряков Н.К. Статистические данные об абортах в г. Перми // Уральский медицинский журнал. 1929. №3. С.81-95; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России// Календарь для врачей на 1916 г. Пг., 1916. 4.2. С.91; Перетц В.Г. Статистика абортов по Екатеринбургскому повивально-гинекологическому институту за 1910-1920 гг.// Уральское медицинское обозрение. 1922. №1. С.64-72; Соколов П. Аборт как общественное бедствие// Саратовский вестник здравоохранения. 1929. №5-6. С.25-31; Хуснадзе Е.С. Случай попыток к изгнанию плода (экспертиза по делу акушерки Лысой) //Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1909. Февраль. С.230-234; Курман М.В. Воспроизводство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова) //Брачность, рождаемость, смертность ... С.230-245.

40. Подсчитано по: Хаджнал Дж. Указ. соч. С.14-70; Коул Э.Д. Указ. соч. С.71-97.

41. Лубны-Герцык Л.И. Земельный вопрос в связи с проблемой населенности. М., 1917. С.41.

42. Подсчитано по: Новосельский С.А. Указ. соч. С.65-66.

43. Подсчитано по: Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения СССР// Паевский В.В. Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970. П.290.

44. Подсчитано по: Куркин П.И. Указ. соч. С.8-11.

45. См.: Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1918. С.207; Смертность и продолжительность жизни населения СССР 1926-1927 гг.: Таблицы смертности. М.; Л., 1929. С.92.

46. См.: Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913 гг.); Статистические очерки. М., 1956, С.236.

47. Подсчитано по: Уиппль Дж.Г., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С.517-518.

48. Подсчитано по: Там же.

49. Там же.

50. См., например: Новосельский С.А, Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России// Календарь для врачей на 1916 г. Пг., 1916. 4.2. С.91; Он же. О различиях в смертности городского и сельского населения в Европейской России// Общественный врач. 1911. №4. С.33; Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., I960. С.459 и др.

51. Статистический материал по вопросу о высокой смертности в России. Пг., 1914. С.16.

52. Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее. М., 1982. С.287; Дробижев В.З. Из истории изучения воспроизводства населения в СССР// Прошлое и настоящее демографии. М., 1980. С.58-68; Жбанков Д.Н. Сборник по городскому врачебно-санитарному делу в России. М., 1915. С.15; Миронов Б.Н. Грамотность в России 1797-1917 гг.// История СССР. 1985. №4. С.137-153; Он же. История в цифрах: Математика в исторических исследованиях, Л., 1991. С.167; Он же. Русский город в 1740-1860-е годы. Л., 1990. С.150; Рашин А.Г. Указ. соч. С.352; Социалистическое строительство в СССР. М., 1934. С.437.

53. Лосский Н.О. Характер русского народа// Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С.273+

54. Георгиевский П. Смертность младенцев в возрасте от рождения до одного года в 1909, 1910 и 1911 годах в Европейской России. СПб., 1914. С.IV.

55. Подсчитано по: Куркин П.И. Смертность и рождаемость в капиталистических государствах Европы. М., 1938. С.84.

56. Забелин С.Г. Избранные произведения. М., 1954. С.217; Новосельский С.А. О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью// Советская демография за 70 лет. М., 1987. С.18-28; Рашин А.Г. Указ. соч. С.352; Шестакова. Детская смертность в России. СПб., б.г. С.342; Зеленин Д.К. Указ. соч. С.551; Новосельский С.А. О тесноте связи между рождаемостью и детской смертностью... С.24-25; Гиндес Е.Я. Материалы для изучения медико-санитарного состояния детского населения г.Киева// Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1904. Май. С.666; Кенигеберг М.М. О сводных данных по естественному движению населения Оренбургской губернии за 10 лет с 1897-1906 гг.// Одиннадцатый Пироговский съезд. Петербург,

21-28 апреля 1910 г. Пг., 1910. Вып.2. С.173-174; Птуха М.В. Очерки по статистике населения. М., I960. С.459; Гофштейн А.С. Рационализация материнства// Врачебное дело. 1927. №9. С.1402-1406; Томилин С.А. Демография и социальная гигиена. М., 1973. С.311.

57. Георгиевский П. Указ. соч. С.IV; Куркин П.И. Смертность грудных детей: Статистический очерк. М., 1925. С.27, 28-29; Соколов Д.А., Гребенщиков В.И. Смертность в России и борьба с ней. СПб., 1901. С.30; Глебовский С.А., Гребенщиков В.И. Детская смертность в России: Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. С.271-274.

58. Пресса Р. Народонаселение и его изучение. М., 1966. С.444.

59. Подсчитано по: Уиппль Дж.Ч., Новосельский С.А. Указ. соч. С.608; Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С.11-12; Система знаний о народонаселении. М., 1991. С.79.

60. Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897-1914 гг.// Брачность, рождаемость, смертность... С.80-81.

61. Подсчитано по: Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг., 1916. С.36-37.

62. Там же.

63. Посчитано по: Уиппль Дж.Ч., Новосельский С.А. Указ. соч. С.479.

64. Подсчитано по: Урланис Б.Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С.19.

65. Там же.

66. Щербаков А.В. Естественное движение населения Гиблицкой волости за 100 лет, 1825-1925 гг. Рязань, 1930. С.27; Миронов Б.Н. Русский город в 1740-1860-е годы. Л., 1990. С.272.

67. Подсчитано по: Переписи населения Санкт-Петербурга: 1890, 1900, 1910 гг. СПб., 1892- 1912.

68. Семевский В.И. Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XIX в.// Устои. 1892. №2. С.77.

69. Подсчитано по: Уиппль Дж.Ч., Новосельский С.А. Указ. соч. С.480.

70. Закон о раздельном жительстве супругов// Женское дело. 1914. №8. С.2.

71. См., например: Кауфман А.А. Переселения и колонизация. СПб., 1905; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией: Курс лекций, читанных в Московском университете в 1908-1909 гг. М., 1909; Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет. М., 1990 и др.

72. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. СПб., 1905. С.19-29; Статистический ежегодник России за 1914 г. Пг., 1915. С.15-51; Новосельский С.А. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. Пг., 1916. С.36-37; РГАЭ. Ф.1562. Оп.197. Д.1. Л.1-6; РГИА. Ф.433. Оп.1. Д.58. Л.1-4; Ф.1290. Оп.2. Д.967. Л.1-27.

73. См.: Введенский Р.М. Методика анализа паспортной статистики России первой половины девятнадцатого века// Источниковедение Отечественной истории. 1981. М., 1982. С.167-177.

74. Струмилин С.Г. К проблеме рождаемости в рабочей среде// Избранные произведения. М., 1964. Т.3. 0.132-147; Любавский М.К. Указ. соч. С.40.; Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV –середина XIX вв.). М., 1983; Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964. С.52.

75. Полный свод законов Российской империи. СПб., 1904. Т.XXIV. Ст.24701.

76. Подсчитано по: Сычевский Е.П. К вопросу о формировании рабочего класса в Приамурье// Сборник статей по истории Дальнего Востока. М., 1958. С.224; Меншиков А.А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области: Новоселы, наделенные по душевой норме. Владивосток, 1914. Т.IV. С.37, 38, 43; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии. Пг., 1922. С.1-2, 13-14; Статистический ежегодник города Москвы. Год II. 1907-1910. М., 1910. Вып.I; То же. Год V. 1911-1913. М., 1916. Вып.IV; РГИА. Ф.1290. Оп.4. Д.755. Л.163-164; Отчет о состоянии народного здравия за 1896-1914 гг. СПб.; Пг., 1905-1916. Табл.1.

77. Подсчитано по: Население С.-Петербурга по переписи 15 декабря 1900 г.: Статистический ежегодник С.-Петербурга за 1901-1902 гг. СПб., 1903. С.13; Статистический сборник по Петрограду и Петроградской губернии 1922 г. Пг., 1922. С.3; Петроград

по переписи 15 декабря 1910 года. Пг., 1915. С.13; Материалы по статистике Петрограда. Пг., 1921. Вып.IV. С.9-10.

78. Подсчитано по: Яцунский В.К. Изменение в размещении населения Европейской России в 1724-1916 гг.// История СССР. 1957. №1. 212-213; Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения с 1886 по 1909 г. СПб., 1910. С.48-51; Ставровский Я.Ф., Алексеев В.П. Переселения в Сибирь. СПб., 1906. С.85-90; Переселенческое движение на окраины в прямом и обратном направлениях в 1896-1916 гг.// Статистический ежегодник России за 1916 г. Пг., 1918. Вып.1. С.94-103; РГИА. Ф.1290. Оп.4. Д.755. Л.1-387.

79. См.: Китанина Т.М. Демографические процессы в России в период первой мировой войны и их социально-экономические последствия для русской деревне// Социально-экономические процессы в российской деревни (XVI – начало XX в.). Таллин, 1986. С.226.

80. Подсчитано по: Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С.113.

81. Там же.

82. Подсчитано по: Анфимов А.М. Методика изучения социальной структуры деревни// Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов-на-Дону, 1980. С.227; Островский А.В. О региональных особенностях аграрного перенаселения капиталистической России// Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып.2. С.175-181; Кабузан В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С.183-188; Он же. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998. С.168-173.

83. Там же.

84. Там же.

85. Там же.

Глава третья

1. Декреты Советской власти. М., 1957. Т.1. С. 247-249.

2. См.: Лубны-Герцык Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926; Дробижев В.З. У истоков Советской демографии. М., 1987.

3. См.: Кауфман А. А. По поводу второй всероссийской переписи. СПб., 1913; Новосельский С. А. Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России// Календарь для врачей на 1916 г. Пг., 1916. 4.2.

4. Поляков Ю.А. Советская, страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1886. С. 105-106.

5. Подсчитано по: Дробижев В.З. Указ. соч. С. 65, 67.

6. См., например: Гуркин В. В., Гуров О.Г. Цена агрессии// Военно-исторический журнал. 1989. №9/. С. 197; Фоменко Б.П. - Медицинский отчет петроградских родильных приютов за 1917 г.// Журнал акушерства и женских болезней. 1925. №3. Т. 36. С. 141 и др.

7. Подсчитано по: Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1924. С. 108.

8. Тренин-Петушков И. Г. Корни и истоки хозяйственного учета и возникновение статистики на Руси. М., 1970. С. 54.

9. Генс А. Б. Проблема аборта в СССР. М., 1929. С. 58.

10. См.: Майер А. И. Влияние войны на женщину// Врачебное дело. 1926. №6. С.528-533; Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 19; Уиппль Дж.Ч., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С.608.

11. Там же.

12. Подсчитано по: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С.252; Тарасович Л.А. Эпидемии последних лет в России// Общественный врач. 1922. №1. С.45-46; Сысин А.Н. Санитарное состояние России в настоящем и прошлом// Социальная гигиена. 1923. №2. С.35-39; Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Соцгигиенические последствия войн. М., 1975. С.82.

13. Подсчитано по: Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т.1. С.398.

14. Подсчитано по: Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910-1911, 1920 и 1923 гг.// Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. Л., 1925. Вып.6. С.163.

15. Там же.

16. Семашко Н.А. Политика и санитария// Известия Народного комиссариата здравоохранения. 1920. №1-2. С.11.

17. Подсчитано по: Уиппль Дж.Ч., Новосельский С.А. Указ. соч. С.608.

18. Подсчитано по: Три года борьбы с голодом: Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата продовольствия за 1919-1920 гг. М., 1920. С.84.

19. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923 гг. М., 1924.

20. Подсчитано по: Итоги борьбы с голодом в 1921-22 гг.// Сборник статей и отчетов; М., 1922. С.460; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. С.19-24; Труды ЦСУ СССР: Состояние питания городского населения за 1919-24 и 1926 гг. М., 1927. Т.30. Вып.1. С.19-27; То же: Состояние питания сельского населения за 1920-1924 гг. М., 1927. Т.30. Вып.2. С.19-24.

21. Дубенецкий Н. Опыт исчисления населения. РСФСР и УССР на 1922 г.// Бюллетень ЦСУ. 1923. №72. С.92; Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82-128.

22. Подсчитано но: Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Указ. соч. С.42.

23. Подсчитано по: Прокопович С.Н. Указ. соч. С.398.

24. Горбунов А.В. Влияние мировой войны на движение населения Европы// Русский Евгенический журнал. 1920. Т.1. Вып.1. С.43.

25. Подсчитано по: Новосельский С.А. Еатественное движение населения в Петрограде. Пг.., 1916. С.103.

26. Подсчитано по: Бинштоk Б.И., Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914-1918 гг. и военные потери России// Медицинская и демографическая статистика. М., 1968. С.116-127; Волков Е.З. Указ. соч. С.272; Кольцов Н.К. Потери в составе населения. Европы в годы мировой войны 1914-1917 гг.// Русский Евгенический журнал. 1923. Т.1. Вып.2. С.233-234; Павлович М. Итоги мировой войны. М., 1924. С.233; Урланис Б.Ц. Война и

народонаселение Европы: Людские потери народонаселения вооруженных сил Европейских стран в войнах XVI-XX вв. /Историко-статистическое исследование/. М., I960. С.567; Гражданская, война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С.14; Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82-128; Михайловский В.Г. Введение к итогам переписи 1920 г.// Труды ЦСУ. М., 1922. Т.1. Вып.3. С.4; Урланис Б.Ц. Указ. соч. С.567.

27. Подсчитано по: Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82-128; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923 гг. М., 1924. С.19-24; Ульрих В. Военные трибуналы// Пять лет Верховного суда РСФСР, 1918-1923. М., 1924. С.6; Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С.87.

28. См.: Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов// Вопросы истории. 1990. №7. С.32-44; Волков Е.З. Указ. соч. С.272; Максудов С. Потери населения СССР. М., 1989. С.19-89; Поляков Ю.А. Указ. соч. С.82-128; Струмилин С.Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы// Проблемы экономики труда. М., 1957. С.37-50; Он же. Трудовые потери России в войне // Народное хозяйство. 1920. Декабрь. С.104-106; Урланис Б.Ц. Указ. соч. С.567; Он же. Население и народное благосостояние// Динамика населения за 50 лет. М., 1968. С.20-43; Он же. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С.,136.

29. См.: Андреев Е., Дарский Л., Харькова Т. История населения СССР. 1920-1959 гг.// Экспресс-информация. Серия «История статистики». М., 1990. Вып.3-5. 4.1. С.199.

30. Сорокин П. История не ждет, она ставит ультиматум// Родина. 1989. №9. С.66.

31. Подсчитано по: Статистический ежегодник России. 1914 г. Пг., 1915. Отд.1. С.1-25, 33-57; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1915 года. Пг., 1916. Вып.1. С.3-702; Статистический справочник по аграрному вопросу. М., 1917. Вып.1-2.

32. Там же.

33. Подсчитано по: Статистический ежегодник, 1921. М., 1922. С.2, 3. Табл.1; Сборник статистических сведений. М., 1924. С.6-7, 2-3, 18, 19, 8-9, 20-21, 22-23; Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т.1. С.398; Уиппль Дж.Ч., Новосельский С.А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С.608; Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны. М., 1923. С.110; Сборник статистических сведений по Союзу СССР. 1918-1923 гг. М., 1924. С.19-24; Георгиевский А.С., Гаврилов О.К. Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975. С.42.

34. См.; Статистический ежегодник, 1921. М., 1922. С.2, 3. Табл.1.

35. Подсчитано по: Сборник статистических сведений. М., 1924. С.6-7, 18, 19.

36. Там же. С.8-9, 20-21.

37. Подсчитано по: Сборник статистических сведений... С.10-11, 21-23.

38. Подсчитано по: Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928. С.5.

39. Там же. С.10-11.

40. Там же. С.11.

41. Подсчитано по: Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976. С.283.

42. Подсчитано по: Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1924. С.20; Бинштоk Б.И., Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914-1918 гг. и военные потери России// Медицинская и демографическая статистика. М., 1968. С.118.

43. Подсчитано по: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С.104; Труды Комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914-1920 гг. М.; Пг., 1923. С.35; 38.

44. Большаков М. Задачи и перспективы колонизации// На новых путях. М., 1923. С.484.

45. Подсчитано по: Квиткин О.А. Население городов в Европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917, 1920 и 1923 года// Бюллетень ЦСУ. 1923. №77. С.12; Фицпатрик Ш. Классы и проблема классовой принадлежности в Советской России 20-х годов// Вопросы истории. 1990. №8. С.17.

46. См.: Большаков М. Указ. соч. С.485.

47. Подсчитано по: Итоги борьбы с голодом в 1921-22 гг.// Сборник статей и отчетов. М., 1922. С.468.

48. См.: Большаков М. Указ. соч. С.485; Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926. С.122.

49. Подсчитано по: Котов А. Основные причины деколонизации Западной Сибири в 1922-24 годах// Северная Азия. 1926. №2. С.5-30.

50. Подсчитано по: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918-1923 гг. М., 1924. С.19-24; Социальное строительство СССР. М., 1934. С.496. Прил. С.124.

51. Подсчитано по: Поляков Ю.А. Население Советской России в 1917-1920 гг. (Историография и источники) //Проблемы русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С.177; Михайловский В.Г. Введение к итогам переписи 1920 г.// Труды ЦСУ. М., 1922. Т.1. Вып.3. С.5; Максудов С. Потери населения СССР. М., 1989. С.185.

52. Подсчитано по: Жданов Н. Русские военнопленные в мировой войне 1914-1918 гг. М., 1920. С.3, 145, 282, 286.

53. Подсчитано по: Волков Е.З. Указ. соч. С.185.

54. Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1959 г. М., I960. С.7, 9.

55. Подсчитано по: Социалистическое строительство СССР: Статистический ежегодник. М., 1936. С.XXX; Страна Советов за 50 лет: Сборник статистических материалов. М., 1967. С.3; Народное хозяйство СССР: Статистический сборник. М., 1956. С.19; Гапоненко Л.С. Рабочий класс России в 1917 г. М., 1970. С.72; Изменения социальной структуры советского общества, октябрь 1917-1920. М., 1976. С.129, 131-132.

56. Там же.

57. Подсчитано по: Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.// Труды ЦСУ. М., 1921. Т.5. Вып.1. С.42-43; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР. М., 1975. С.27, 28.

58. Подсчитано по: Социалистическое строительство СССР... С.XXX; Писарев И.Ю. Народонаселение СССР. М., 1962. С.68.

59. Подсчитано по: Проблемы изменения социальной структуры советского общества.; М., 1968. С.19.

60. Подсчитано по: См. прим.2.

61. Подсчитано по: Изменения социальной структуры советского общества, 1921 – середина 30-х гг. М., 1979. С.21; Трифонов И.Я. Указ. соч. С.81.

62. См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР (СУ) М.,.1918. №33. Ст.432; СУ РСФСР. 1918. №47. Ст.559; СУ РСФСР. 1920. №93. Ст.512; Изменение социальной структуры советского общества... С.140; Виноградов В.А. Вопросы теории и практики социалистической национализации промышленности. М., 1965. С.65.

63. Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С.134-139.

64. Подсчитано по: Трифонов И.Я. Указ. соч. С.178; Отчет ВСНХ VIII Всероссийскому съезду Советов. М., 1320. С.20; Труды ЦСУ. М., 1926. Т.27. Вып.1. С.4-5.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава первая. НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА 9

1. Распределение населения по отраслям экономики и занятиям 9
2. Изменения в национально-этнической и конфессиональной структурах 36
3. Грамотность населения 46

Глава вторая. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА ..61

1. Динамика численности и возрастно-полового состава населения 61
2. Естественное движение населения в городе и деревне 86
3. Миграции 134

Глава третья. НАСЕЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 151

1. Демографический кризис. Миграции населения 151
2. Изменения в социально-профессиональном составе городского и сельского населения 189

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 196

ПРИМЕЧАНИЯ 203

Научное издание

МОРОЗОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ РОССИЯ В 1897-1917 гг.:
ПРОБЛЕМЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Монография

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Пензенской государственной
архитектурно-строительной академии

Ответственный
редактор доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Российской истории РАН В.Б.Жиромская

Редактор В.М.Хлебушкин
Набор Н.В.Кучина
Верстка С.Г.Нестерова, Н.В.Кучина

Лицензия ЛР № 020454 от 25.04.97.
Подписано в печать 23.04.2001. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная № 2. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 13,2. Уч.-изд.л. 14,2. Тираж 500 экз.
Заказ №70

Издательство ПГАСА.
Отпечатано в цехе оперативной полиграфии ПГАСА.
440028, г.Пенза, ул. Г.Титова, 28.

2580